

Лекционный курс.

Оглавление

ЛЕКЦИИ I – IV. Христианство на территории России.	2
ЛЕКЦИИ V – VIII. Христианство на Руси в IX- X веках.	16
ЛЕКЦИИ IX – XI. Крещение Руси.	27
ЛЕКЦИИ XI – XIV. Устройство Русской церкви при князе Владимире.	39
ЛЕКЦИИ XV-XVIII. Русские митрополиты.	50
ЛЕКЦИИ XIX-XXI. Исторические причины учреждения патриаршества на Руси. .	61
ЛЕКЦИИ XXII-XXIV. Церковь на Киевской Руси.	76
ЛЕКЦИИ XXV-XXVII . Русская Православная церковь во время татаро-монгольского нашествия.	84
ЛЕКЦИИ XXVIII-XXX . Русская Православная церковь после татаро-монгольского нашествия.	95
ЛЕКЦИИ XXXI-XXXIII . Русская Православная в XIV веке.	113
ЛЕКЦИИ XXXIV-XXXVI. Русская православная церковь при митрополите Феофане.	126

ЛЕКЦИИ I – IV.

Христианство на территории России.

Книга Деяний Апостольских не подробно описывает проповедническую деятельность апостолов. На некоторых событиях, таких как крещение первого из язычников сотника Корнилия или обращение апостола Павла, внимание автора останавливается довольно подробно. О деятельности, апостольских подвигах других не говорится практически ничего. Многочисленные апокрифы имеют своим происхождением Египет или Сирию и касаются преданий именно этих частей Ближнего Востока. Степень доверия этим источникам с точки зрения науки никогда не была высокой, подвергая здоровой критике многочисленные воззрения древних. Однако, следует заметить, что сведения апокрифов, обозначаемые чаще всего как Предание, пользовались в древности определенным авторитетом и не имели случайного или специально придуманного происхождения.

О проповеди времен апостолов севернее Черного моря мы можем что то более менее узнать со слов Евсевия Кесарийского, жившего гораздо позднее – в IV веке. Именно Евсевий и сообщает нам, что одному из апостолов, Андрею по жребию для проповеди досталась Скифия. При этом Евсевий опирается на более древние писания – на толкования на Книгу Бытия Оригена (+254). Проверить Евсевия мы не можем, эти тома Оригена не сохранились. Сообщает также и другие направления иных апостолов – Фоме досталась Парфия, а Иоанну – Асия (Ефес). Так как данные страны очень плотно и издревле связаны с проповедью этих апостолов, то можем сделать вывод – Скифия также является очень устойчивым объектом предания как место проповеди апостола Андрея. Временем возникновения этого предания по аналогии с подобными сообщениями о других апостолах можем обозначить как II век. Смущать должно только гностическое происхождение основных сообщений.

Задачей гностических знаний была не передача точных исторических или географических сведений, а указание мистическим образным языком путей спасения человека. Путешествие и проповедь в дальней стране перед диким варварским народом уже само по себе имеет символическое значение. Апостолы обязательно должны были идти во всех четырех направлениях. Если рай имел четырехугольную форму, то же - храм Соломона, обозначая реальное пространство, то и весть о спасении во Христе будет распространяться также. Известный на берегах Средиземного моря Север

должен, по мысли гностиков, быть таким же местом апостольской проповеди и возвещения Евангелия. Сами гностики, как и иные эллины плохо знали географию различных народов, но твердо верили, что апостолы не могли не пойти в северном направлении. Весть о Христе не может быть спрятана. Если Книга Деяний подчеркивает значение Святого Духа в проповеди апостолов, то тем более мысль гностиков, еще сильнее уповавшая на мистические таинственные силы, не допускала отсутствие христианской проповеди на Севере. Книга Деяний тяготеет к иному пониманию географии – более политическому. Проповедь исходит из Иерусалима, затем – Палестина, затем – эллинистический мир и, наконец, столица империи – Рим. Для гностиков пространство – это и есть поле деятельности Святого Духа. Святой Дух, подобно дуновению ветру обязательно поведет кого-то в неведомые места. Слова апостола Павла «горе мне, если я не благовествую» не могут быть только его собственными, а относиться и к другим свидетелям жизни и воскресения Христа. Поэтому весть о спасении апостолами, под водительством Святого Духа идет по известным частям света. Правда нет согласия в точности. Например, Болотов В.В. считал, на основании коптских источников подобного гностического толка, Африку местом проповеди апостолов Варфоломея и Андрея.

Совершенно понятно то, что мысли гностиков о проповеди в реальном пространстве были поддержаны и, после Евсевия, их повторил Руфин и Евхерий Лионский (+449). Епифаний Кипрский уже выявляет три путешествия апостола Андрея (возможно по аналогии с путешествиями Павла). Во время первых двух апостол проповедует в Малой Азии, Синопе, Иберии. В Византии рукополагает ученика своего Стахия. В Никее низвергает статую Артемиды. В Пафлагонии Крестом низлагает язычество. Во время третьего посещает берега Черного моря (Кавказ, Воспор, Феодосию, Херсонес), идет далее на север, к скифам. Возвращается через Синоп в Элладу, в Патры, где мученически и скончался. Симеон Метафраст (X век) говорит о том же.

Конечно после основания на месте Византия великого Константинополя, его жители поддерживали идею об апостольской проповеди на берегах Боспора. Стахий именовался смело Византийским. В XI веке Михаил Пселл, секретарь императора Михаила Дуки (1072-77) адресует князю Всеволоду Ярославовичу (внуку Владимира) письмо, в котором Константинополь желает союза с Русью. Основанием для этого служит единство веры и единство источника проповеди – «наши страны проповеданы одним апостолом».

Для самой Руси проповедь на ее землях одного из апостолов от двенадцати не есть самоочевидный факт. Для Нестора (XI век) – «сдь не суть апостоли учили». Согласно «Повести Временных лет» учителем Руси назван Андроник, апостол от 70-ти, «в Моравы бо ходил». Учителем славян называли Павла. Однако в саму «Повесть» вставлен рассказ о посещении Андреем будущей Руси. Апостол из Синопа собирается идти в Рим и для этого идет не на запад, а на север, по «северному» пути. Приходит в Корсунь, затем на Днепр, поднялся вверх по течению, преодолел пороги. Остановился на горах Киевских, где воздвиг крест и предрек христианское будущее великому городу. Согласно тексту – не идет речь ни о каких жителях и, соответственно, о проповеди. Идет далее на север, к славянам до Новгорода, посещает бани. Оттуда – к варягам и от них – в Рим.

Это предание, зафиксированное в «Повести», неизвестно когда возникло и на что именно опиралось. Уже около 1074 года Анна (Янка) дочь Всеволода едет в Студийский монастырь искать сведения об апостоле Андрее. Сам Всеволод строит храм в честь апостола Андрея. В XII веке Климент Смолятич во время борьбы с греками собирает свод сведений об апостоле. Все говорит о том, что во время получения письма от императора Михаила Дуки (1072-1079) предание это уже существовало.

Сказание об апостоле Андрее перешло на Русь в уверенность. Иоанн Грозный уже смело говорил, что мы, русские, приняли веру тогда же, когда и греки. В Киеве также убеждены в этом – митрополит Киевский Иов Борецкий, инициатор воссоединения на соборе 1621 года говорит, что очи апостола видели Россию. Были, конечно, и сомневающиеся, среди которых и Филофей, монах Елизарова монастыря и Иосиф Волоцкий. Император Петр Алексеевич, утверждая орден в честь апостола, обозначает Андрея окончательно «Покровителем, Защитником» России (*Patronas Rossiae*), вводится андреевский флаг. В 1744 году в Киеве возводится знаменитая церковь во имя апостола Андрея.

Само это знаменитое сказание оценивается по-разному. От признания, до полного отрицания. Даже при полном отрицании возможности пребывания Андрея на территории будущей Руси все более или менее согласны с тем, что именно Андрей – апостол Причерноморья.

Митрополит Платон считал, что сказание требует особого рассмотрения. Сам Нестор мог найти это сказание и вставить в свой труд. Для него сомнителен обычай водружения креста во времена апостолов, а посещение бани недостойно высокого апостольского служения. Отсутствие

следов христианства в послеапостольский период не смущает - искра веры могла в последующее время погаснуть.

Митрополит Макарий сказание принимал за достоверную истину – апостол Андрей мог быть в Новороссии, Иверии, Колхиде и Абхазии, то есть в тех местах, которые греки традиционно называли Скифией. Возможно, поэтому, считал и проповедь среди славян и путешествие северным путем в Рим. Отрицательно лишь относился к повествованию о банях. Обратил внимание на то, что Ипполит Римский и Ориген, к которым восходит рассказ о проповеди Андрея в Скифии, являлись учениками Иринея Лионского и Климента и поэтому этой цепочки можно доверять. Предполагает и путь в Рим – через Карпаты, Паннонию к Адриатике.

Голубинский подверг резкой критике столь оптимистичные взгляды. Видел не реальность этой проповеди, а горячее желание самих средневековых русских быть причастными подобно южным средиземноморским народам к славному наследию – апостольской проповеди. Само повествование считал более поздней вставкой (ориентировочно – XIV век). Сам путь в Рим через Русь – явная несуразица, такой путь в 50 раз длиннее обычного. Тем более всё севернее Черного моря греки считали диким и варварским, и им не могла прийти мысль проповеди в этих местах. Андрей представлял мир Севера Европы именно таким. Допустить, что на нашей земле были апостолы Голубинский не мог. Гордость по поводу пребывания учеников Христа в своем родном городе или регионе не уместна для христианского сознания. Более поздняя проповедь не делает русских более ущербными по сравнению с греками. Правда, Голубинский не отрицает возможность посещения апостолом именно Скифии, но, конкретно, - Малой Скифии на Дунае.

Конечно, процесс Христианизации Руси покрыт густым мраком. Тем более укоренились неточные и непроверенные сведения. Новгородские бани, невзирая на критику этого сюжета, выдают своё финнско-скандинавское происхождение. Явно то, что новгородцы выставлены в смешном виде, в отличие от пророчества Андрея о будущем Киева. В ответ в Новгороде возникает подобное предание о погрузении апостолом в воды Волхова жезла, более достойное христианского осмысления города (отсюда и наименование этого места – Грузино).

Византийцы различали две Скифии – Великую (от Танаиса-Дона до Истра-Дуная) и Малую (в составе Римской империи, в низовьях Дуная). Центром Малой Скифии был город Томь (близ болгарской Мангалии).

Епископы здесь появляются с середины III века. Населяли эту провинцию фракийцы, а с VI века славяне. Теоретически проповедь к славянам могла быть открыта со II века. Правда в каком именно регионе непонятно. Проповедь конкретно к скифам в прямом смысле принята не может.

Скифы, жившие в глубокой древности, обитали в Северном Причерноморье. Собственно скифы или «царские» скифы, видимо, были иранского происхождения, но скифы в широком смысле были различными племенами. Согласно Геродоту скифы различались по роду деятельности – на земледельцев и скотоводов. В IV – III веках в северном Причерноморье появляются сарматы, вытеснившие скифов. Отчасти скифы скрылись в Крыму, где образовали даже столицу – Неаполь Скифский (существовал по II век). Однако греческое сознание с огромным трудом видело этнические различия и слово «скифос» стало собирательным по отношению ко многим последующим народам, обитавших в северном Причерноморье. Иоанн Златоуст (конец IV века) хотел проповедовать скифам, «живущим в шатрах», но, вероятно имелись в виду сарматы.

Славяне, возможно, появляются на северных рубежах империи во втором веке. При императоре Траяне устанавливается граница за Дунаем. Доподлинно известно, что во втором веке готы, восточно германские племена приходят в движение и с берегов Балтийского моря перемещаются на Балканы. Готы потеснили сарматов в Центральную Европу и за Дон, заняли северную часть Балкан, Причерноморье и Крым.

Под этим наименованием - Готы (*gutos, gutans*) греческий историк Прокопий подразумевает всех восточных германцев. В состав готов входили остроготы (блестящие, сияющие, от *austra* – блестящий), висиготы (*vesu* – хороший) и некоторые другие племена – тайфалы и гепиды. В союзе с бастарнами и вандалами из северного Причерноморья готы атакуют и грабят города империи. Энергичной деятельностью Деций Траян (249-251) и Клавдий II (269-270) остановили готов. В первой половине IV века Константин разбил готов и признал их союзниками империи (*foederati*). Готы с этого времени начинают воспринимать греко-романскую культуру, у них возникает руническое письмо (на основе греческих и латинских букв). Готский епископ Ульфилла (около 348 года) переводит Священное Писание на готский язык, чем способствует принятию крещения готами. Однако сам воспринял и передал готам Христианство в господствующей в то время в Восточной империи арианской форме. Теперь готы будут надолго связаны с

арианством. Независимые готы сохраняли язычество, а их конунг Атанарих даже преследовал христиан.

Меньше мы знаем о остроготах. С середины IV века их предводитель Эрманарих (Германарих) владел всей южной Россией от Днестра до Дона, на севере – до среднего течения Днепра. Скорее всего в составе этой державы были и восточные славяне, финны и балты (встречаются наименования мерденс – мордва, мари – меря).

Около 355 года пришедшие с Востока гунны атакуют вначале живших к востоку от Дона аланов, а затем и готов. Готы вынуждены были в свою очередь перемещаться к западу, теснят Римскую империю, вторгаются во Фракию и Македонию. Под Адрианополем разбили римлян и даже убили императора Валента (378 год). Затем, при Феодосии и его приемниках начинают перемещаться еще западнее – в Паннонию и Италию. Общины готов сохраняются только в Крыму. Здесь будут оставлять арианство и принимать Православие, известна кафедра в Пантикапее (Керчи), а, позже, - в Алуште («Готфская») и в Фанагории. В VIII веке Фанагорийская кафедра потеряла свое название и стала называться Таматархой, для славян – Тьмутаракань (Тамань, Темрюк).

Мы не знаем степень участия славян в событиях перемещения готов на Балканы, а затем на запад. Возможно, славяне или их часть были, скорее, союзниками врагов готов гуннов и перемещались с ними. По сообщению историка Иордана (VI век), гота по происхождению и патриота Готской державы славяне делились на две группы – склавинов и антов. Антов он называет «сильнейшими из них» и именно они во главе с Бозом подняли восстание против готов, но были побеждены, а их предводители казнены. Обе группы славян объединяли неким именованием «венеты» (может быть вятичи или финское – венелайнен, венья). Возможно титул «князь» был перенят, как и некоторые другие слова как раз от готов. В любом случае для будущих русских князей Тьмутаракань играла особо близкую роль, невзирая на свою удаленность, считалась естественным княжеством Руси. Хотя о проникновении Христианства с Крыма мы не имеем четких данных. Возможно, славяне стали знакомиться с Христианством еще в то далекое время в составе Готского государства.

Сами себя славяне называли «словенами», то есть владеющими членораздельной речью. По разгрому готов славяне вошли в состав гуннов. Мы это знаем по следующему эпизоду: византийские послы в ставке Атилы пили не что иное как «медовуху» («медос»). Как раз после распада Гуннской

державы к концу V века славяне начинают расселяться южнее Дуная, на границах Римской империи. Дунай же, скорее в своем среднем течении, навсегда останется в памяти славян как добрая милая Прародина.

Тем временем в степи главенствующую роль стали играть тюрки из рода Ашина, создавшие Тюркский каганат в VI веке. Авары (в русских летописях – обры), не подчинившись тюркам двинулись на запад, в 557 году разбили антов и заняли прежние владения гуннов в Паннонии. Славяне, а, именно дулебы, в регионе между Дунаем и Днепром подверглись дискриминации. Вместе с аварами славяне вынуждены были участвовать в военных разбойничьих походах авар на Византию, в частности на Фессалоники, Константинополь и Афины. Эти военные походы, несмотря на то, что византийцы относились и к аварам и славянам как к диким варварам, безусловно, послужили важным этапом ознакомления славян с религией греков и римлян.

Удачные действия византийцев против аваров, приход на Балканы тюрков-болгар и войны франков практически привели к уничтожению Аварской державы. По словам Нестора «растворение» авар в Восточной Европе произвело у славян известную поговорку «погибли как обры». Теперь уже славяне становились мощными соседями Византийской империи.

Мораване расселились по реке Мораве, недалеко – чехи, севернее – ляхи (или поляки). На юге – сербы и хорваты. Восточнее Карпат поселились воляняне (белые хорваты), южнее, в верховьях Днестра – дулебы, по Днестру – тиверцы, между Южным Бугом и средним течением Днепра – уличи, несколько севернее – поляне, по Припяти – древляне, между Припятью и Неманом – дреговичи, по Десне, восточнее полян – северяне, по верхнему течению Днепра – радимичи. Верховья Днепра, Двины и Волги заняли кривичи, южнее, по Оке – вятичи и, наконец, север, берега озера Ильмень – словене, сохранившие своё древнее самоназвание.

Византийцы к большинству названий славянских, впрочем, как и других племен, совершенно не прислушивались. Неизвестные народы назывались традиционным пренебрежительным именем – варвары. Прокопий Кесарийский называет славян склавинами и антами. Термин «рос» или «рус» на севере, в Скандинавии не встречается. Поэтому вряд ли он относится именно к этническим терминам. Шведы, например себя называли «свеями», то есть «своими». Не встречаются «россы» и как чисто географические названия. Наряду с перемещениями готов, гуннов, авар, славян, болгар, хазар со скандинавского севера в юго-восточном направлении в низовья Дуная,

Днестра, Днепре, Волги проникали группы смелых охотников за удачей, промышлявших грабежом и торговлей. По наименованию военной боевой дружины на западе их стали обозначать викингами, на востоке – русью или росью. Скорее всего это слово на языке восточных (скандинавских) германцев означало гребцов, участников походов на небольших плоскодонных кораблях, практически лодках в отличие от полноразмерных кораблей («когах», «ладьях») с парусом и килем. Эти лодки приходилось часто вытаскивать на сушу, тащить волоком, люди гребли часто против течения. Финно-угорские жители Прибалтики, чудь, как их называли славяне выходцев из Скандинавии обозначали в свойственной им манере – ruotsi. Финское население Прибалтики так и называли шведов. Восточные славяне и восприняли это название – руссы.

Византийцы же географические или этнические названия производили от глубокой древности и на основании древнегреческих писаний (например, Гомера) или Священного Писания Библии. В книги пророка Иезекииля упоминается народ севера «рош», вторгшийся на юг (Иез38.1-3). Понятно, что в тексте книги Иезекииля имеются ввиду события глубокой древности, не относящиеся ни к славянской, ни скандинавской истории. Услышав термин «Рос», греки связали его именно с Ветхим Заветом и писали наименование восточных славян через «о» - Ρῶς, а название страны - Ρωσία. К этому названию присоединено было «доромиты», то есть бегуны. Сохранялось и традиционное - «тавроскифы».

Если на севере термин «рос» не встречается, то его достаточно много на юго-востоке. Например, Старая Русса, село Русина ; в Финляндии – Рускяля, Рускаляйнен; в Курляндии – Русиены; на Висле – Руссекая; в Галичине – Рава Русска, Русске Ушице; в Карпатах – Рушково; в Крыму – Росса, Россока. Есть и подобные названия и на Кавказе. Как и во многих других случаях кавказские названия обычно приходили с севера, в данном – может быть с Тамани. Греки, как было указано, иногда называли «русских бегунами. Арабы же считали, что русские живут на болотах. (Можно делать вывод, что это могло быть указание на Таманский полуостров).

Эти «русские» спускались по большим рекам восточной Европы в Черное и Каспийское моря. Как раз арабы и назвали Черное море «Русским». Аль Бекр в IX веке говорит, что на севере господствуют славяне, с которыми смешались и руссы. Таким образом, «русь» не будучи изначально частью славянских племен, прорываясь по рекам на юго-восток, ославянивались и

смешивались со славянами. Поэтому скандинавские имена руссов перемежаются со славянскими.

Бертинские Анналы (написаны до 861 года) под 839 годом упоминают о прибытии в составе византийской делегации ко двору Людовика Благочестивого в Ингельхайм руссов. Оказавшись на Востоке эти руссы боялись идти напрямую в свою землю и были присоединены к византийцам. После личной беседы Людовик выяснил, что они не немцы (германцы) близки к данам, а еще ближе – к свевам. То есть это восточные скандинавы, не забывшие своей исторической родины, но связанные своей жизнью с Востоком. На родине «рос» их не называли, а, именно, на Востоке. Знаменитый путь «из варяг в греки» был хорошо знаком в Швеции. В Скандинавии знали Биармию (Пермь), Каспий, Черное море. Открываются для руссов различные пути на юг: по Волге и Дону, который затем перекрывается усилившийся Хазарией; по Волхову, по Западной Двине или Наману на Днепр. Однако именно волховский будет основным (большинство артефактов относятся именно к этому региону). Самое главное, что этот, более западный путь выводил руссов не на мусульманский Восток, а к христианской Византии.

Христианами с IV века были уже готы, правда в арианской форме и не все, а лишь их часть. В Крыму они становились православными и через несколько веков утратят свою «германскость». Кроме чисто греческих городов, безусловно христианских, в регионе стали открываться кафедры для варваров. Известна уже была кафедра в Тьмутаракане, в VIII веке – Оногурская (может быть Венгерская), Итильская (в Хазарии) и Хвалисская (на Каспии). Христианами также были и союзники готов аланы. Росы и славяне в нашем регионе не повергались пока проповеди Христианства. Толчком к ознакомлению с Христианством, а, затем, к принятию крещения были эти пиратские набеги руссов на византийцев Крыма и Малой Азии.

Профессор Горский еще в 1844 году открыл жития Стефана Сурожского и Георгия Амастридского. Стефан из Каппадокии принял иночество в Константинополе. При Иконоборчестве VIII века выступает как защитник иконопочитания и исповедник. Направлен в Сурож (Сугдея, ныне Судак), где становится епископом. После его смерти (точная дата не установлена, ориентировочно – от 750 до 789 гг.) на Сурож напала орда «Русская из Новаграда» во главе с «князем Бравлином». *...По смерти святого (Стефана) минуло мало лет. Пришла рать великая русская из Новгорода, князь Бравлин весьма силен. И попленил (все) от Корсуня до*

Керчи (а затем) со многою силою пришел к Сурожу. В течение десяти дней зло бились между собой, и через десять дней Бравлин, силою взломав железные ворота, подошел к церкви, к святой Софии. И разбив двери, вошел (туда), (где находился гроб святого). А на гробе царское одеяло и жемчуг, и золото, и камень драгоценный, и лампы золотые (над гробом), и сосудов золотых много (в церкви). Все (это) пограбили (ратники Бравлина)". Затем князь неожиданно заболел. Приказал вернуть золото в храм. Ему явился сам Стефан Сурожский и призвал креститься: *«Пока не крестишься в церкви моей, не возвратишься и не выйдешь отсюда»*. Бравлин согласился и епископ Филарет крестил его. Ясно, что рассказ восходит к тому же VIII веку, так как сообщает подробности, мог быть зафиксирован непосредственно после описываемых событий. С XIV века русские купцы ездят в Крым, и рассказ проникает на Русь. Само повествование конечно подкрепляет связь греческого города Сурож с Русью и важно при росте русского православного государства в XIV-XV веках. Конечно, многие вопросы повествования остаются нерешенными. Какой город скрывается под «Новаградом»? Под Новаградом мог подразумеваться Неаполь Скифский (Neapolis, Новый Город) около нынешнего Симферополя, или же Noviodunum (Новый Город на кельтском) на нижнем Дунае. Этот город мог быть местом сбора руссов и оттуда уже они атаковали Сурож. Как правило «нашему» хорошо известному Новгороду чаще отказывают в вероятности быть упоминаемому в этом рассказе. Великий Новгород был основан во второй половине IX века и греки вряд ли его знали. Имя «Бравлин» явно варяжское (построение имени слышится в Austin, Ustin, Frustin, Thurstin, Braulin). Даже считают, что князь мог быть участником сражения у Браваллы (в 770 году) на острове Готланд, в котором шведы победили данов и стали называться «бравеллинами».

Другой набег произошел около 830 года, и уже на Амастриду, в Пафлагонии, на южном побережье Черного моря. Об этом сообщает житие Георгия Амастридского, а, точнее, о чудесах святого на его мощах. Когда варвары вошли в храм и увидели гробницу, они вообразили, что тут сокровище, как и действительно это было сокровище. Устремившись, чтобы раскопать оное, они вдруг почувствовали себя расслабленными в руках, расслабленными в ногах и, связанные невидимыми узами, оставаясь совершенно неподвижными, жалкими, будучи полны удивления и страха и ничего другого не имея силы сделать, как только издавать звуки голоса. Конечно, руссы вернули золото и восприняли как наказание христианского Бога.

«Русью» греки называли собственно Русь с 852 года (при императоре Михаиле 842-867), но непонятно по каким причинам. Конечно деятельность братьев Кирилла и Мефодия способствовала христианизации славян. После крещения Болгарии (в 864 году, но фактически христиане есть гораздо раньше) Христианство на Русь могло проникать не только из Византии, но и с Балкан. Как раз в это время на Руси происходит знаменательное событие – в 862 году Рюрик, Синеус и Трувор прибывают править из за ссоры среди племен словен ильменских. Рюрик 17 лет княжит в Новгороде; Трувор – в Изборске; Синеус – на Белом Озере. Два мужа, но не племени Рюрика, правда, бояре, Аскольд и Дир идут в Константинополь. По дороге увидели богатый Киев и стали Киевскими князьями. Пребывали здесь до 882 года.

Георгий Мартолл говорит о том, что император Михаил отправился в поход на Восток, но узнал по дороге о нападении руссов на Константинополь. Русский летописец связывает это с 866 годом и с именами Аскольда и Дира (греческие хроники не сообщают ни дату, ни имен руссов). Царь молится во Влахерне вместе с патриархом Фотием, а, затем, риз Пресвятой Богородицы опускают в море. «Когда мы, оставшись безъ всякой защиты и не имѣя помощи отъ людей, воодушевлялись надеждами на Матерь Слова и Бога нашего, Ее просили умолить Сына и умиловать за грѣхи (наши), Ея дерзновение призывали во спасение, къ Ея покрову прибѣгали, какъ къ стѣнѣ нерушимой, умоляя Ее сокрушить дерзость варваровъ, смирить гордость (ихъ), защитити отчаявшійся народъ, поборать за собственную Ея паству. Ея одѣяніе (περιβολήν εἰς ἀναστολήν) для отраженія осаждающихъ и огражденія осаждаемыхъ носилъ со мною весь городъ и усердно мы возносили моления и совершали литіи; отъ того по неизреченному челоуколюбію, при Матернемъ дерзновенномъ ходатайствѣ, и Богъ преклонился, и гнѣвъ (Его) отступилъ, и помиловаль Господь достояніе свое.» «Ибо какъ только эта дѣвственная риза была обнесена по стѣнѣ, варвары принялись снимать осаду города, а мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились неожиданнаго спасенія», - говорит патриарх Фотий. «Буря с ветром веста, и волнам великим воздвигшимся засобъ, безбожных Русы подая возьмате»,- пишет «Повесть временных лет». «Народъ неименитый, народъ несчитаемый (ни за что — ἀνάριθμον), народъ поставляемый наравнѣ съ рабами, неизвѣстный, но получившій имя со времени похода противъ насъ, незначительный, но получившій значеніе, униженный и бѣдный, но достигшій блистательной высоты и несмѣтнаго богатства, народъ гдѣ-то далеко отъ насъ живущій, варварскій, кочующій, гордящійся оружіемъ, неожиданный, незамѣченный, безъ военнаго искусства,

такъ грозно и такъ быстро нахлынуль на наши предѣлы, какъ морская волна, и истребилъ живущихъ на этой землѣ, какъ полевой звѣрь» - так описывает приход русских патриарх Фотий. В греческих источниках не упоминается о крещении руссов. Именно на Руси этот поход связали с именами Аскольда и Дира. Да, и вообще, это киевские руссы?

О Христианстве Аскольда и Дира говорит факт построения церкви св. Николая на его могиле боярином Олмой при Ярославе. Дир похоронен при церкви св. Ирины. Само же нашествие руссов некоторые (например Голубинский) не связывают с Аскольдом и Диром и обозначают по многочисленным данным не к 866 году (времени близкому к кончине императора Михаила), а к 860 году, то есть к тому времени, когда Аскольда и Рюрика не было еще в Киеве. Если нападение руссов случилось действительно в 860 году, то это были некие другие руссы, но не киевские. Например, исходя из употребления термина «русс» это могли быть азовско-таврические или крымские. Конечно, можно изначально предположить, что под термином «руссы» уже имеются ввиду только славяне. Тогда придется отвечать на сложный вопрос, какие именно славяне приняли крещение после такого нашествия на Константинополь. Отвергая причастность «киевских» руссов от похода на Константинополь необходимо заметить, что и среди таврических руссов нет предания о крещении. Патриарх Фотий в проповедях перед собором 867 года отмечает, что нападавшие пришли из страны, бывшей в большом отдалении от Константинополя. Это указание патриарха говорит больше в пользу Киева, а не региона Черного моря. Также слова Фотия связывают этих грубых «руссов» с уже крещеными болгарами. Эта связь могла только через славян. Значит, в походе участвовали не только руссы, а еще и славяне, причем киевские.

Само же крещение руссов или, по крайней мере, части оставшихся в живых, вполне возможный факт и об этом говорит сам патриарх Фотий. Обращаясь к крещению болгар 864 году, патриарх вспоминает, что и россы приняли крещение, приняли и епископа и пастыря. О том же говорит и Константин Порфирородный, добавляя, что старейшины соглашались, но требовали чуда. Епископ предложил, чтобы Евангелие само вошло в костер, но оно не сгорело. Варвары после этого чуда начали креститься. Смущает, конечно, отсутствие предания на Руси об этом событии. Правда, это Христианство могло спокойно смыть языческая реакция.

Братья Константин (Кирилл) и Мефодий идут в Хазарию и по пути, в Крыму уже знают руссов. Упоминают «роушькие» письма – Евангелие и

Псалтырь. Крым был некогда (в IV веке) связан с готами, германскими племенами. Священное Писание знаменитым Вульфиллой было переведено на готский язык. Может они видели готское Евангелие? Готы к VIII веку уже ассимилировались в Приазовье с византийцами, отказались от арианства. (В России их будут называть азовские греки). В V веке под давлением гуннов готы отошли далеко на Запад, и просвещать их Константином и Мефодием нет никакого смысла. Ясно, что термин «русские» уже имеет определенное славянское значение.

Миссия Константина и Мефодия в Хазарию имела, безусловно, огромное политическое значение. Не будем забывать, что при довольно слабом императоре Михаиле патриарх Фотий взял на себя рычаги внешней политики. Империю на востоке сдавили арабы-мусульмане. Византии необходимо было склонить Хазарию к союзничеству. После нападения 860 году и славяне, и агрессивные руссы входят в орбиту политики Константинополя.

Однако деятельность Фотия по христианизации славян не может быть сведена к политике. Византийское христианское сознание не предполагало чрезмерно активной проповеди к варварам. Христианская вера в Единого Бога, в Пресвятую Троицу, в таинственность действий Святого Духа и, особенно, в Воплощение Сына Божия через Богородицу, Его жизнь и Воскресение есть величайшее сокровище, которое далеко не всякий язычник способен воспринять. В глазах язычников византийцы верят в непонятого трехликого Бога, их Бог пришел на землю через женщину. Разве это достойно для веры сильных мужчин? Поклонятся некому иудею, который якобы воскрес, иудеями были и его ученики. На протяжении столетий византийцы отстаивали свою веру главным образом, богословски. Активной миссии практически не было. Принцип миссии был совершенно иным – он основывался на культуре, на ее проявлениях. Поэтому получила развитие литургия, вобравшая в себя все элементы культуры. В дальнейшем русские посланники князя Владимира, побывав на богослужении в соборе Святой Софии, а не миссионеры Византии, почувствуют благословенное воздействие веры греков. «Мы не знали где находились, на небе или на земле», - они самым лучшим образом выразили чувства язычника о воздействии через культуру Христианства. Вера, что рождает подобное в архитектуре, живописи, пении, священнодействии, самой жизни византийцев не может лгать. Это воздействие через культуру еще с глубокой христианской древности предполагает, однако, возможность принятия язычником веры

Христа на его родном языке. Со второго века с перевода на сирийский язык осуществлялись переводы на различные языки.

Патриарх Фотий отходит от традиционного отношения к язычникам, не только является инициатором перевода на славянский язык Священного Писания, но и покровительствует этому и заботится о возрастании Христианства у новокрещеных.

Ростислав князь Моравский обращается к Константинополю с просьбой: «Наш народ отверг язычество и содержит закон христианский. Только нет у нас такого учителя, который бы веру Христову объяснил нам на родном языке. Другие страны (славянские), увидя это, пожелают идти за нами. В виду этого, владыко, пошли к нам такового епископа и учителя, ведь от вас во все страны добрый закон исходит». В Моравию первое славянское государство необходим епископ, что может дать только Византия. Исходя из самого этого обращения князя Ростислава, можно предположить, что речь идет о продолжении Христианства, а не о его начале. Значит, Христианство моравские славяне знают. Глаголица, славянские буквы уже созданы (вероятно, с 855 года). Речь идет не столько о буквах, сколько о развитии литературы и культуры вообще. При братьях Кирилле и Мефодии возникнет уже целая школа.

Некоторые летописи указывают, что князь Владимир был наставляем самими святыми братьями, Кириллом и Мефодием. По времени, конечно, это невозможно. Однако, возможно, это намек на более раннее христианское воздействие на Русь. Владимир воспринимается как приемник традиции братьев, продолжатель их дела.

ЛЕКЦИИ V – VIII. Христианство на Руси в IX- X веках.

Князь Олег (882-912) сохранял язычество и не был заинтересован в христианизации Руси. Тем не менее, Христианство на Русь проходило. Сам же Олег стремился своими знаменитыми походами захватить богатства Византии. Эти походы 911 и 912 годов были воспеты и отложились в легендах, но Олег политических выгод не добился, только – разграбление и погромы греческих селений. В 904 году арабы разграбили Солунь при попустительстве власти в Константинополе. Солуняне верили, что Бог отомстит Константинополю. Поход Олега был воспринят как «наказание святого Димитрия Солунского», небесного покровителя Солуни. Олег получил от жителей Константинополя откуп. Не сумев взять город, он прикрепил свой знаменитый щит к воротам города, как символ русской доблести и в «отмщении» того, что город ворота ему не открыл. Тем не менее, эти походы сближали русских с христианами Византии. Славянская азбука уже существовала, на Балканах уже существовало славянское Христианство. Культурный материал мог проникать с территории уже крещеной Болгарии (с 864 году), а грамота теперь уже распространялась неразрывно с Христианством. Об интенсивности этого процесса мы не знаем, но при следующем князе Игоре христиане на Руси определенно уже были.

Олег заключил в 911 году выгодный договор с греками и русские чаще уже бывают в Константинополе. Некоторые хорошо знакомятся с Христианством.

Князь Игорь (912-945) также воевал с греками, но не столь удачно. Его договор 944 года уже подразумевает наличие среди русских христиан. Византийской империи важно быть уверенной, что приезжающие русские не являются шпионами князя. Для этого предусмотрены взаимные клятвы. Греки, послы царя Романа присягают в соборном храме Святого пророка Илии в Киеве. Игорь и его люди – язычники, естественно, клянутся перед Перуном. Появление и упоминание церкви пророка Илии является серьезным сообщением. Безусловно, христианской является варяжская дружина на службе у византийского императора. В Константинополе русские-христиане клянутся также в храме Илии, а язычники – просто именем Перуна. Однако христиане поставлены на первое место, перед язычниками. Конечно, Русь при Игоре остается языческой страной, но христиан уже немало и, они более грамотная часть населения. Голубинский допускает «внутреннее»

Христианство у князя Игоря. Однако, в этом случае, что ему мешает стать христианином и «внешне»? Вряд ли князь мог бояться предстать перед русскими христианином, он к моменту договора был долго у власти. Поэтому христианином назвать его мы не можем. Он мог симпатизировать Христианству.

А вот, упоминание «соборной» церкви достаточно интересно. Допущение в том, что это не единственная церковь в Киеве вполне приемлемо. Правда, тот же Голубинский считал, что названа «соборной» только потому, что там «собирались» в отличие от домовых церквей. В любом случае это говорит о значительном количестве христиан, но Русь сохраняет язычество господствующей религией.

Игорь погибает от древлян, стремясь собрать больше дани. Его жена Ольга начинает мстить древлянам за смерть мужа. Сын Ольги Святослав родился около 940 года и еще малолетен для княжения. Ольга правит на правах регентши примерно до 957 года.

Процесс проникновения Христианства на Русь при Ольге стал интенсивнее. Безусловно, то, что именно Ольга стремилась к Христианству и приняла крещение. Стремилась ли она сделать Русь христианской, но не смогла? Церковь ее оценила как равноапостольную.

Происхождение ее точно не известно, из-за нескольких вариантов: 1) варяжка; 2) славянка; или 3) болгарка. «Повесть временных лет» сообщает, что Игорю привели жену из под Пскова; «Житие Ольги» (XIV век) говорит, что она «родом псковитянка». Указывают даже более точно место ее рождения – весь Выбота на реке Великая (село Лабутино, под Псковом). По другим версиям – родом из Изборска.

Имя нашей княгини явно варяжского происхождения и первоначально звучало как «Хельга» (Helgi). Греки передают ее имя схожим образом – «Элга» (Έλγα). Стремясь подчеркнуть ее чисто славянское происхождение некоторые считают, что это не ее личное имя, а титул – «хельга», «заместитель» князя при малолетстве Святослава. Сохраняется предание о ее славянском имени Преслава из рода Гостомысла (Татищев использовал некую «Иоакимовскую летопись»; Голубинский утверждал, что такой летописи не существует). Следуя по этой, «славянской» версии, Игорь дает ей варяжское имя. Архимандрит Леонид (1848 год) предположил, что Ольга была по происхождению болгарка из города Плиска (так трактовалось сообщение «из Плискова», Пскова). Ее сын Святослав, поэтому, имел, якобы,

особые интересы и права на Болгарию. Указание «Московской летописи» 1605 года о том, что Игорь женился на «Ольге, княжне половецкой», изменяло эту точку зрения в пользу болгар не дунайских, а азовских (из Тмутаракани). Такое предположение уже становится абсурдным. Если Ольга из дунайской Болгарии, то возникает вопрос, почему она не крещена еще до замужества. В азовской Болгарии Христианство тоже уже было и что ей мешало принять Христианство по замужеству в Киеве. Большинство историков считают, что Ольга принимает крещение уже после смерти Игоря, только Голубинский предполагал, что она своим Христианством влияла на Игоря.

Иловайский, правда, к болгарской гипотезе добавил именно указание на Плиску, как город-родину Ольги. Этот город с IX века был столицей болгарских князей. Русь соседствовала с Болгарией, а Олег и болгарский Симеон – современники и, возможно, союзники. Можно предположить, что брак с Игорем есть некое дипломатическое событие. Слова «из Плескова» прямо не указывают на Псков – мы не знаем, существовал ли «наш» Псков в X веке. Походы Святослава в болгарские пределы, его заинтересованность в контроле над восточной Болгарией может и объясняется его родством с болгарскими князьями. Имя «Ольга» будет считаться просто женским эквивалентом мужского имени «Олег». Имя нашей великой княгини сторонники антиваряжских гипотез сводят к славянским - «волнистости», «волне» - «Вольге» или «Волге». Вопрос же – почему Ольга при этом не крещена на своей родине, остается еще более трудноразрешимым.

Хорошо известно, что Ольга была дочерью паромщика. Часто трактовали это, как признак ее незнатного, не княжеско-боярского происхождения. Однако «паромщик» для X века на реке Великой (если возьмем более принятую точку зрения) необходимо понимать как местного, скорее всего, варяжского местного влиятельного человека, контролирующего переправу на важном торгово-политически, стратегическом месте. (Аналогично Кий, легендарный основатель Киева не просто «паромщик», а местный князь).

После смерти Игоря Ольга сохраняет приоритеты русской политики, договор с Византией не изменен. Для многих, легендарные действия Ольги по мщению древлянам за смерть Игоря – доказательство того, что Ольга еще не христианка. Согласно «Повести» крещение княгини относится к 955 году, а императору Константину Порфирородному («О церемониях византийского двора») – в 957 году.

Княгиня Ольга едет в Константинополь и принимает крещение от самого патриарха. В императорской столице Ольга долго ждет аудиенции у Константина, но это – обычные византийские правила. «Повесть» сообщает, что император был сражен красотой и разумом княгини. Ольга говорит, что она – язычница и просит крещения. Патриарх крестит ее с именем Елена. Император одаривает ее и всю русскую делегацию подарками, называет ее дочерью.

Конечно, текст отличается некоторым пристрастием. Царь, например, предлагает Ольге быть ее женой, хотя ей около 60 лет. Сватовство, тем более неуместно, потому что жива супруга императора – Елена. По летописи император с Ольгой очень любезен, но сама русская княгиня недовольна долгим ожиданием приема – если бы император прибыл в Киев, то, по словам Ольги, заставила бы его ждать в Почайне (река и местность под Киевом) и тогда бы русские оказали помощь грекам. В этих рассказах о пребывании и крещении княгини Ольги переплетаются различные элементы – духовные, сказочные, политические.

Факт крещения в Константинополе от самого императора Византии явно показывает серьезное желание Ольги приобщиться к Христианской вере и не быть больше «варварами». Если крещение Ольги было действительно в 955 году, то крестил ее патриарх Фиофилакт. (+956).

«Цермонии византийского двора» является интересным документом, по сути это – устав приема различных гостей. Церемониал описан очень тщательно, но не систематически. Прием княгини Ольги является лишь частицей книги. Отрывок о приеме русской княгини обозначает точную дату события – 9 сентября, среда, 4 часа дня. Княгиня входит в сопровождении служанок по рангу, затем входят послы и купцы. Принимает император в Менгарве – знаменитом дворце с тронным великолепным залом. Княгиня названа с титулами «игемон» и «архинтисса». Евнухи показывали ее сопровождающим время и место земных поклонов императору. Саму Ольгу не вели под руки и не заставляли падать ниц, но легкий поклон царю совершался. Логофет затем задает «обычные вопросы» - о поездке, о здоровье, происходит обмен приветствиями. После этого – новый акт приема у трона. Трон с различными золотыми зверями, которые становятся на задние лапы, рычат, шевелятся, а птицы поют, уже «действует» во время вопросов. И только потом княгиня Ольга удостоивается встречи с императором. Упоминается и императрица. При самих переговорах с Константином Ольге разрешено уже не стоять, а сидеть. После переговоров наступает обед. Послы

и купцы обедают в другом зале. Упомянуты 8 родственников, 20 послов, 43 купца, 1 священник (отец Григорий), 2 переводчика, люди Святослава, 6 людей послов, личный переводчик княгини Ольги (присутствовал при непосредственной встрече Ольги и Константина). Второй прием происходит 18 сентября в воскресенье – подробностей нет, но, видимо, это прощальный обед. Дни года совпадают с 946 и 957 годами. Первая дата относится ко времени «налоговой» политики Ольги и она вряд ли могла покинуть Русь. Вторая дата – более реальна, но она не совпадает с 955 годом, на который указывает «Повесть».

Георгий Кедрин (XI век) и Иоанн Зонара (XII век) тоже сообщают о крещении Ольги. Есть добавления о том, что Ольга прибыла в Константинополь после смерти мужа и ее визит носит именно специально-религиозный характер – она прибыла ради христианского крещения. Монах Иаков (написал «Похвалу князю Владимиру») упоминая о крещении Ольги в Константинополе уточняет, что умерла через 15 лет после крещения. Это совпадает с 954 годом, что ближе к 955 году. Западный источник, Продолжатель «Хроники» аббата Регинаона говорит, что крещение княгини Ольги произошло в Константинополе в 959 году, что, наоборот, ближе к 957 году. Расхождение в дате Крещения приводит к многочисленным спорам. Споры о дате могут быть продолжены, но, самое главное, русская княгиня приняла в Константинополе святое Крещение.

Правда, Голубинский, опираясь на «Церемонии», отмечал, что во время первого приема не упомянут священник Григорий, значит, Ольга уже была крещена, причем, когда то прежде. Склоняется к крещению под 954 годом, причем – в Киеве. Классическое мнение, еще со времен Карамзина подчеркивает, наоборот то, что Ольга, плененная лучом Христианства, специально едет зачерпнуть свет новой религии в истинном источнике – Константинополе.

Если мы предполагаем дату более позднюю, то вынуждены склоняться к двум поездкам Ольги в Константинополь. Вторая поездка, в этом случае необходима только ради удовлетворения любопытства видеть столицу Христианства, видеть Константинополь, видеть императора, может лучше научиться Христианству. Некоторые исследователи разделяют взгляд Голубинского. Приселков предлагает считать две поездки – первую по «Повести», целью которой было крещение (955), и вторую, по Константину Багрянородному (957). Целью было уже требование независимой иерархии для Руси. Согласно Приселкову Ольга уже стремилась христианизировать

Русь и придать церкви своей страны четкую организацию. Однако для подобных заключений у нас слишком мало летописных данных.

Пархоменко допускал также две поездки, но несколько иначе: первая состоялась в 957 году, а вторая - позже в 960-62 годах (вторая на основании Продолжателя Регинона). В первую она не приняла крещение (император ее называет Эльгой). Тогда же и было ее недовольство приемом. Не добилась и политических уступок – хотела видимо с крещением получить и соединения браком с двором византийского императора (может, хотела женить своего сына). Император, в свою очередь, не получил военной помощи от русских. В этих переговорах и возник вопрос о ее крещении. Во вторую свою поездку Ольга и приняла Крещение. Основываясь на Продолжателя Регинона, Пархоменко создает трудноразрешимые задачи. В 959 году умирает император Константин и приезд княгини отодвигается уже на начало царствования его сына Романа (959-963). Восприемником, в этом случае, должен стать Роман.

С крещением княгини Ольги связывают часто и западную миссию на Русь. Ольга якобы просила германского императора Оттона прислать епископа. Оттон избрал епископа Либуция, но тот вскоре скончался и, тогда, отправил Адальберта из Магдебурга. Адальберт прибыл на Русь в 962 году и, возможно, чуть не убит языческой партией от дружины Святослава. Ясно то, что западный источник говорит о епископах, что косвенно указывает на то, что ко времени принятия решения (960 год) Ольга уже крещена.

Отсюда, можно разделить мнения о времени крещения Ольги на несколько вариантов: 1) Крещение происходит в 955 году (согласно «Повести»); 2) Крещение происходит в 957 году (согласно «Церемониям» Константина); 3) Крещение в 954-955 годах, а в 957 году – второе посещение Константинополя; 4) Крещение несколько позже, в 960-962 годах.

С исторической точки зрения логично крещение в 957 году. Ольга пожаловала блюдо с драгоценными камнями храму Святой Софии в Константинополе. Такой дар пристоеен именно факту Святого Крещения. Добрыня Андрейкович (будущий митрополит Новгородский Антоний) еще до разорения Константинополя в 1204 году посетил столицу Византии и видел там ризнице и описал это блюдо. Скорее всего – это артозное блюдо, а не дискос, потому что по просто должно быть большим по размеру. Ольга берет благословение у патриарха и получает от него крест: «Обновится русская земля по крещению». Ольга в Киеве принимает послов из Константинополя, но, видимо, еще до поездки отдала бразды правления

Святославу. Правда, Пархоменко считал, что Ольга отдала власть позже. Согласно «Повести» Ольга убеждает Святослава принять крещение, но он не принимает. Христиан Святослав не преследует, но над верой христианской усмехается. Святослав несколько боится реакции своей дружины, гневается на мать. Ольга же молится за него и помогает в княжении. Согласно летописям только в 962-964 годах Святослав предстает перед нами как самостоятельный князь. Это означает то, что Ольга имела все же время воздействия на Святослава. Ее попытки убеждения доносят нам слова «Повести»: «если ты (Святослав) уверуешь, то и дружина твоя уверует». Ясно то, что с возмужанием Святослава усиливается языческая партия. Возможно, Крещение Руси при Ольге не происходит и из-за политики Византии.

Попытка отправить германским императором Оттоном на Русь епископов (962 год) говорит о том, что Византия никаких епископов на Русь не присылает. Если таковых просила сама Ольга на переговорах, а византийцы связали их с военной помощью от Руси, то это как раз говорит о желании княгини Ольги христианского просвещения на Руси. При этом она вряд ли действует просто от собственного имени – ясно то, что в Киеве есть прохристианская партия. Правда, многие полагают что, инициатива отправки епископа Адальберта исходила исключительно от Оттона или западного Христианства вообще. Посольство германского императора могло преследовать только политические задачи, а, позже, хронисты объединили в одно целое. Если сама Ольга приглашала епископа, то она же не допустила бы его преследования в Киеве и его изгнания.

Приселков и Пархоменко допускают возможность того, что Ольга просила прислать на Русь епископа. Это возможно из-за сложных отношений с византийцами. Может, она в сей исторический момент желает крестить, наконец, Русь или, хотя бы, защитить проявляющиеся слои христианского населения. У княгини уже могли быть дальние планы – построение независимой церкви. Обращение на Запад связано с надеждой получить то, в чем греки Ольги отказали. Запад также не готов к полномасштабной проповеди на Руси и, тем более, к построению уже в это время (X век) русской независимой церкви.

Несмотря на то, что очень хочется приписать великим князьям Ольге и Владимиру построение независимой православной церкви, по крайней мере, в эпоху Великой княгини это очень рано. Да, и христианизация всей огромной Руси во время Ольги дело крайне сложное и не подтверждается

прямыми свидетельствами. До крещения самой Руси приглашение епископа неуместно, христианскому духу это противоречит. Отказ византийцев в предоставлении епископа вполне понятен. Факт же переговоров с греками и Оттоном ни о чем еще не говорит. О чем шла речь на этих переговорах, что преследовали стороны – неизвестно.

Если епископы не были частью переговоров Ольги в Константинополе, то это означает то, что Византия в свойственной себе манере вернулась к политике неприятия варваров. Византийская политика предполагала использование варваров в интересах империи, в случае опасности от них – необходимо «натравить» одних из них на других. Так и произошло во время похода Святослава в Болгарию, когда по просьбе греков на Киев напали печенег. В Киеве в это время находилась Ольга с внуками. Естественно в таких политических условиях Ольга не могла воздействовать на принятие Христианства. Само христианское сознание Византии отнюдь не стремилось к активной проповеди среди варваров. Крещение князя Владимира фиксируется в известной легенде («Выбор веры князя Владимира»), согласно которой именно и только Русские послы, а не византийские миссионеры склонили Великого князя, а, значит и Русь, к Христианству. Послы Владимира посещают Константинополь и приходят на богослужение в храм Святой Софии. «Мы не знаем, где находились, на небе или на земле», - эти слова навечно обозначат невиданное очарование русских варваров Христианской верой. Для византийцев немислимо отдавать «святыню» «сокровищницу» веры Православной на поругание варварам. Для язычников Христианство предстает довольно «странной» верой: не только требует веры в Единого Бога, но еще есть «непонятная» Троица, Боговоплощение Сына Божия, Сам Сын Божий есть еще и «Богочеловек», происходит это через женщину, Христианство требует иметь в сердце любовь, а не силу. С их стороны Христианство кажется «слабой», «женской» религией. Далеко не сразу языческое сознание способно дорасти до Христианства. Однако именно это сознание захвачено, очаровано Духом Православия. Само Православие выражает себя во всех проявлениях культуры: пении, архитектуре, живописи, священнодействии. Это религия, не закона и законничества, а духа свободной любви. Всё торжество Православной литургии, на которой были, согласно легенде послы, говорит, что Бог любит нас, мы же радуемся тому, что Бог соделался ради нас Человеком, умер как человек, но воскрес. Христианство не могло не оставлять глубокого следа в душах русских людей, соприкасавшихся с ним. Понятно и желание княгини Ольги – вслед за собственным, личным крещением крестить и Святослава и Русь.

Святослав же продолжает жить согласно своему языческому восприятию – ходить с дружиной в захватнические походы на соседей и Византию. Наверное, для Христианства это было уже не совсем бесполезно – княгиня Ольга оказывала влияние на своих внуков, Владимира, Олега и Ярополка. Семена христианской веры явно произрастали уже на Руси. Конечно, принудительных мер по принятию Христианства Ольга не предпринимала. Псковское предание говорит о том, что Ольга, обозревая окрестности близ реки Великой, видит три светоносных луча и предрекает на месте дубрав построение града Пскова, а в нем – храма Пресвятой Троицы. На месте, где стояла сама Ольга, будет построена часовня, при которой забьет источник с целебной водой. Построение этого предания, как и подобные рассказы о князе Владимире, четко обозначает скорое крещение не только княгини Ольги, а всей Руси. Псков как город будет осознавать не только связь с княгиней Ольгой, как с великой своей землячкой, но и как благословенный христианский город, вместо языческих «дубрав». Татищев упоминает и деревянный храм Святой Троицы в Киеве (из «Иоакимовской летописи»). Можно в этом и сомневаться, но влияние Христианства уже было ощутимым.

Княгиня Ольга, по сообщению монаха Иакова, пребывала крещеной 15 лет, скончалась в 969 году. Конечно, Ольга завещала не справлять над ней языческой тризны и не насыпать кургана. Похоронили ее по христианскому обычаю и вблизи от могилы Аскольда. Почитание княгини Ольги на Руси начинается очень рано. Уже при князе Владимире ее мощи перенесены в храм Успения, что произошло в 1007 году. Однако формально первыми причисленными к лику святых были страстотерпцы Борис и Глеб (1020). Летописец называет ее «Зарей предваряющей солнце». «Радуйся русское познание Бога, начало нашего с Ним примирения».

При Святославе (945-972) положение христиан на Руси в худшую сторону не изменилось. Воспитанный в военных условиях, скорее всего, в Новгороде, князь, начиная с 964 года, возглавляет походы руссов. Знаменателен его поход по Оке и Волге на камских болгар, буртасов, хазар, ясов, кософов, на обратном пути – вятичей. Затем в 967 году по просьбе послов византийского императора Никифора II Фоки (963-969) идет со своей ратью на Дунай. От неожиданности нападения у болгарского царя Петра отнялись руки и ноги. На следующий год Святослав вернулся в Болгарию и занял до 80 городов. Определенным центром княжения Святослав становится Переяславец на Дунае. Император Никифор был вынужден начать переговоры уже с болгарами, напомнив им, что они одной христианской

веры с греками. Просит даже у болгар невест царского рода для браков с сыновьями бывшего императора Романа (959-963). Опасаясь прямого столкновения с дружиной русского князя, византийцы провели удачные переговоры с печенегами, которые, отвлекая Святослава от Болгарии, напали на Киев. Киев был спасен, но Святослав не желает в нем оставаться и весной 969 года вновь идет в Переяславец на Дунае («Туда сходитя всё добро: от греков – золото, паволоки, вина, овощи различные; от чехов и венгров – серебро и кони; от Руси – меха, воск, медь, челядь», - говорит Святослав). Согласно летописям через некоторое малое время княгиня Ольга и скончалась.

Святослав же застал Переяславец уже в руках болгар, что вынудило его с огромным трудом взять город приступом. После этого князь стремительно берет и другие болгарские города, в том числе и Великую Преславу. Дорога на Константинополь теперь открыта, тем более Святослав не собирается прощать грекам их хитрой дипломатии. Византия спешно готовится к нашествию руссов на Константинополь, а поражение от арабов в Малой Азии приводит к заговору и убиению Никифора и провозглашению императором полководца Иоанна Цимисхия (969-976). Против Святослава Иоанн и двинул свою армию, которая встретили русскую под Адрианополем. Именно там прозвучало знаменитое обращение Святослава: «Уже нам некуда деться Волею или неволею пришлось стать против греков. Так не посраим же Земли Русской, ляжем тут костью. Мертвым нет срама. Если побежим, то осраим себя, но убежать не сможем. Станем же крепко, а я пойду перед вами. Если моя голова ляжет, то промышляйте о себе». После сражения Иоанн вынужден уже вести переговоры с руссами и платить Святославу дань. Наконец в 971 году Иоанн, собрал войско с Востока, завладел Преславой и прижал русских к Доростолу. Там и произошло решающее сражение, заставившее оставшихся в живых руссов покидать берега Дуная. Долго во время этой битвы чаша весов склонялась в обе стороны. Исход сражения решила внезапно вспыхнувшая буря, поднялась с юга на русских, пыль и полил дождь прямо на лица русских воинов. Греки были уверены в том, что явился некий воин на белом коне, ободрял византийцев идти на врага, и расстроил ряды русских. По окончании боя его долго и напрасно искали, но не нашли, когда царь хотел его наградить за доблесть и спасение. Греческие солдаты были же уверены, что это был не кто иной, как прославленный мученик-воин Феодор Стратилат (+319, к нему перед сечей с молитвой обращалось всё греческое воинство, и день его памяти был накануне битвы под Доростолом). В Константинополе также было видение одной девушке Самой Богородицы, Которая призвала из сонма

сопровождавших Ее юношу-воина. Ему Богородица, назвав его – Феодором, сказала идти и помочь царю Иоанну в битве против «скифов» («если опоздаешь, то он подвергнется опасности»).

Наступившая ночь остановила сражение, а с ней пришло понимание Святославом, что сражение в целом, несмотря на проявленную доблесть проиграно. Провожая в последний путь своих погибших товарищей руссы, по языческому обычаю, приносили в жертву пленных женщин, а, затем, петухов и детей.

Святослав предлагает Цимисхию Доростол, возвращение пленных, в ответ царь должен беспрепятственно пропустить русских на родину (притязания на Переяславец на Дунае приходится оставить) и позволит русским купцам торговать с Византией по старому обычаю. Иоанн Цимисхий принимает эти условия мира, понимая, что чудом одержал эту победу. Позже Иоанн построит часовню в честь св.Феодора Стратилата, город Евтихия, где покоились мощи святого, будет переименован в Феодорополь.

Судьба же Святослава будет хорошо известной. Возможно, сам Иоанн сообщил печенегам путь водного перемещения остатков русской дружины по Черному морю и Днепру. Святослав перезимовал ниже днепровских порогов в Белобережье, но из-за голода пошел на пороги. Здесь его уже поджидал печенежский князь Куря – он и перебил всю русскую дружину вместе со Святославом.

ЛЕКЦИИ IX – XI. Крещение Руси.

Святослав еще при жизни разделяет Русь между своими тремя сыновьями. Ярополк остался в Киеве, как старший в княжеском роде (на момент смерти Святослава ему не более пятнадцати лет). Еще моложе был Олег – он правил в Древлянской земле, Владимир сел в Новгороде. Конечно, при таком возрасте князей почти все решали их воеводы – особенно большую власть забрал себе Свеналд, сподвижник походов Святослава. В 975 году сын Свеналда Лют оказался на охоте в Древлянской земле, где правил Олег. Олег приказал убить Люта, что и было сделано. Началась борьба между братьями. Через два года Ярополк с ратью выступил против брата и победил полки Олега. Олег со своими людьми бежит в Овруч. На мосту в город, при массовом столпотворении он упал в ров, где и был задавлен падающими людьми и лошадьми.

Слух о смерти Олега дошел и до Новгорода. Владимир со своим дядей Добрыней должен по всем тогдашним законам мстить Ярополку за смерть брата. Выступать с войском против Ярополка кажется самоубийством. Владимир бежит к дальним родственникам за море, на запад к варягам, чтобы там собрать некую рать для борьбы с Ярополком. Ярополк на некоторое время объединил под собой всю Русь.

По традиции русских князей лето он посвятил военным походом. Ярополк отправился в земли печенегов. Он покарал печенегов за смерть отца, заставил платить дань. Вскоре к нему прибыли послы и из Византии, от нового императора Василия II Болгаробойцы (976-1025; Иоанн Цимисхий был отравлен). Христиан, как и в эпоху Святослава не преследовали, и их становилось все больше. Жена Ярополка была гречанка и, естественно, христианка.

В 980 году возвращается на Русь Владимир и уже не один, а с боеспособной варяжской дружиной. Первым делом Владимир изгнал посадников Ярополка из Новгорода. Затем Владимир сватается к дочери Полоцкого князя Рогволода Рогнеде. Дело в том, что Ярополк также сговорился о женитьбе с Рогнедой. Рогволд предоставил выбор самой девушке. Она сказала, что «не хочет идти за сына рабыни (Владимир сын Малуши), а хочет за Ярополка». Владимир собирает своих варягов, новгородцев, чудь и кривичей и идет на Полоцк. После взятия города он на

глазах Рогнеды казнит князя Рогволда и силой вынуждает Рогнеду выйти за него замуж.

В Киеве же после смерти Свеналда главным советником Ярополка стал Блуд. Этот Блуд тайно держит сторону Владимира и дает крайне неблагоприятные советы Ярополку. Ярополк спокойно смотрит на то, как Владимир расправляется с Полоцкой землей, будучи уверенным, что против него Владимир не посмеет выступить. Поэтому подошедшему войску Владимира Ярополк уже не мог морально противостоять и заперся в городе. Более того, Блуд стал наговаривать Ярополку на киевлян, хотя именно они хотели защитить свой город от Владимира. Ярополк бежит из Киева в Родню, что на реке Рси, но там, его одолевает голод. Верной дружины почти не осталось. Он возвращается в Киев к Владимиру, где два варяжских воина его убивают.

Владимир становится единым властителем Руси. Здесь в Киеве он женится на гречанке, жене убитого брата Ярополка. Начались притеснения христиан, а по всему Киеву устанавливаются идолы языческих богов.

Варягам Владимир раздает за их доблесть города в управление, иным предложил пойти по традиционному пути – наняться на службу к византийскому императору. Владимир после этого совершает удачные походы на поляков (981; отвоевал у них города Перемышль и Червень), вятичей (982), ятвягов (983), радимичей (984) и болгар (985). Оставался Владимир, согласно своему северному воспитанию, ревностным язычником и по поводу удачных походов везде благодарил языческих богов жертвами, воздаяниями и установками идолов. На возвышении холма близ княжеского терема был поставлен знаменитый кумир - Перун с серебряной головой и золотыми усами. Были поставлены кумиры и других богов – Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла, Мокоши. Добрыня установил подобного идола Перуна в Новгороде, на берегу Волхова. В 983 году, вернувшись с похода на ятвягов, Владимир пожелал особо почтить всех своих богов, принесением им человеческой жертвы. Обычно в жертву приносились юноши или девушки, что решалось жребием («выбором богов»). Жребий выпал на юношу, варяга, по имени Иоанн, при этом христианина. Отец его Феодор тоже исповедовал Христианство. Язычникам, которые пришли к дому Феодора, требовать отдать им Иоанна, чтобы заколоть на потребу богам, Феодор сказал: «это не боги, а дерево: сегодня стоят, а завтра сгниют. Не едят, не пьют, не говорят, а руками сделаны из дерева, топором и ножом обрублены и оскоблены. Вышний Бог есть один: Ему поклоняются греки. Он создал небо и землю,

звезды и луну, солнце и человека... Не отдам сына своего бесам». После этих слов толпа разъяренных язычников пришла к его дому, подошла и убила обоих, отца и сына. Впоследствии на месте их убийства была выстроена Десятинная церковь, а мощи отрока Иоанна перенесли в Антониеву пещеру Киево-Печерской лавры. К мощам Иоанна будут прибегать с молитвой о чадородии.

Этот рассказ о жертвоприношении Иоанна и Феодора говорит не только о наличии христиан в среде варягов и славян, но и то, что эти христиане – православные (этому Единому Богу поклоняются греки). В лице Феодора и Иоанна мы видим первых христианских мучеников на Руси. Факт бросания жребия может, истолкован по-разному – случайно выпадает на христиан или специально, чтобы принести жертву не из своих язычников.

Можно предположить, что с этого времени, времени убиения двух христиан-православных князь Владимир начинает задумываться о вере и сравнивать религии и их требования. Замечено, что желание принести жертвы исходит не от князя, а от неких старейшин. Однако жизни и веры Владимир пока не изменяет.

В моральном отношении Владимир также продолжает жить согласно языческим обычаям. Кроме Рогнеды и гречанки, вдовы Ярополка, он завел себе множество жен и наложниц. По преданиям их будет по всем городам Руси около восьмисот. Конечно, это были не жены в прямом смысле, а наложницы («челядь»), которых можно выгодно продать или выдать замуж. Гордая Рогнеда, даже родив от Владимира сына Изяслава, не простила убийство отца и пыталась убить Владимира.

К 986 году относится знаменитая легенда о приходе в Киев представителей разных религий с предложением Владимиру о переходе в эти веры. Это те религии, которые, по сути, окружают русское язычество: с Камской Булгарии приходят магометане, с Хазарии – иудеи, с Европы (Германии, упоминаются «немцы») – христиане латиняне и, наконец, с Византии – христиане православные. Все уговаривают князя принять их веру, восхваляя ее. Это говорит о том, что представители этих религий уже находят своих последователей на Руси. Мусульмане утверждают о силе их религиозного закона («закона ты не знаешь. Прими наш закон и поклонись Магомету»). Закон же заключается в обрезании, отказу от поедания свинины, питья вина, а по смерти Магомет даст до семидесяти прекрасных девушек. Владимир отвергает, по причине любви Руси к питию («питие есть веселие Руси»). Скорее всего, имеется в виду не любовь к алкоголю как таковому, а

объединение единой чашей за столом присутствующих. Такие обычаи были и среди варягов и среди славян. Главная заповедь католиков представлена в посте по силе, «аще же кто пьет, и кто ест, то всё во славу Божию». Ответ Владимира также категоричен: «ступайте домой, отцы наши этого не приняли». Возможно, подразумевается то самое изгнание епископа Адальберта при Ольге и Святославе. Хотя может слова Владимира указывают не на определенное событие, а на постоянные связи Руси с Западом, не вылившееся у русских в принятие Христианства в католическом виде.

Более подробен рассказ о переговорах с хазарами-иудеями. Иудеи, желая принизить Христианство говорят, что христиане веруют в Того, Кого они казнили позорной смертью, распятием на кресте. Мы же веруем в Единого Бога и чтим Им данный закон. Закон же заключается в обрезании, запрете на свинину, зайчатину, хранении субботы. Однако Владимир указывает им, что их земля, Иерусалим, отняты у них римлянами, а сами иудеи рассеяны посреди других народов. Бог совершил это за грехи их. Иудеи сами вынуждены признать, что Бог прогневался на них за грехи, а землю отдал в руки христиан. Владимир на основании того, что Сам Бог отвернулся от иудеев и рассеял их, отвергает и их веру, потому что и русские могут также разбросаны.

Православный некий ученый грек указывает на лживость и заблуждения других вер и преимуществах византийского Христианства. «Не чисто это дело», - сказал Владимир по объяснению ему сути ислама. Латинская вера схожа с греческой, но есть и в ней недостатки. Они совершают литургию на опресноках, хотя Господь на Тайной Вечери установил использовать для Евхаристии квасной хлеб. Не только распятие Христа было предсказано как раз иудейскими ветхозаветными пророками, но и Его воскресение на третий день. Да и этих пророков иудеи избивали, а Господь сорок шесть лет ждал их покаяния и по отсутствию такового наказал нашествием римлян. Этот грек заинтересовал Владимира и рассказал ему затем христианское учение, начиная с сотворения мира и падения сатаны. Закончил повествование грек эсхатологией: «Господь поставил один день, в который Он придет с небеси и будет судить живых и мертвых, и воздаст каждому по его делам: праведным Царство Небесное и красоту неизреченную, радость без конца и бессмертие во веки; грешникам же вечные муки».

Слова грека запали в душу Владимира и вскоре он собирает на совет свою дружину и старейших жителей Киева. На совете князю предложено послать в эти страны послов, чтобы они рассмотрели, как служат там своему Богу.

Было выбрано десять мужей добрых и смысленых, которые и отправились к камским болгарам, немцам, а затем и к грекам. По их возвращению, у великого князя собрались опять бояре. Послы стали рассказывать, что видели в разных странах: «видели мы у болгар», говорили они «поклоняются в храме, стоя без пояса; поклонившись, сядут и глядят туда и сюда, как сумасшедшие. Нет веселия у них, но печаль и страх великий, нет добра в их законе...Когда были у немцев, то видели многое на их службе, но красоты не видели никакой. Когда же пришли мы к грекам и они повели нас туда, где служат своему Богу, то мы в изумлении не ведали, на небе мы, или на земле. Нет на земле такого вида и такой красоты. И рассказать не умеем! Знаем только, что там Сам Бог с людьми пребывает, и служба у них выше всех стран! Не забудем мы той красоты! Всякий кто вкусил сладкого, не захочет уже горького; тоже и мы не можем уже больше оставаться в язычестве». Бояре, слушавшие послов и старцы согласились и сказали Владимиру: «Если бы дурен был закон греческий, то и Ольга, бабка твоя, мудрейшая из всех людей не приняла бы его».

Конечно, это повествование нельзя воспринимать буквально. Вера не является настолько простой вещью, что позволяет князю и его дружинникам сидеть и выбирать, какая из них лучше подходит к Владимиру и русским как народу. Заметим, что те, кто представляет свою веру, выставляет ее не самые лучшие качества. Более естественно, если бы они умалчивали о недостатках и представляли самые замечательные стороны. Скорее всего, рассказ демонстрирует, наконец, готовность князя Владимира принять Крещение, подобно Ольге. «Где же приму крещение?» спрашивает тогда князь. «Где тебе будет любо», - отвечает дружина.

Этот рассказ у историков этот рассказ далеко не у всех вызывает доверие. Возникает естественный вопрос: если внутренне Владимир уже готов к принятию Святого Крещения, то зачем еще эту веру испытывать и посылать в разные страны послов? Для самой веры это не нужно. Да и самому князю Владимиру, для его души – тоже. Можно быть готовым к принятию крещения или нет, отталкивая Христианство.

Да, и само событие – имело оно место в истории или это просто аллегорический рассказ. Карамзин считал возможным приход в Киев

миссионеров различных религий, окружавшим Русь. Голубинский считал сомнительными и приезд миссионеров и отправка послов. Теоретически в Киев и в другие русские города приезжали уже не только купцы, но и люди, представляющие свою веру. Каждый мог приходить и хвалить своё. Также и отправка послов – русские могли ездить уже в ближайшие страны и хорошо знать «закон» каждой из них. Перемена веры и, это уже, безусловно, требует собрание совета или вече. Совет собирается перед посланием мужей, а пришедшие приходят к старцам, а не к Владимиру. В VIII – IX веках в Европе - развитие миссионерства, фантастического ничего нет. Тем самым рассказ говорит о том, что Владимир радеет не столько о себе, сколько о всей стране, о своем народе.

Завиткевич и Малышевский решали вопрос в пользу возможности прихода миссионеров и отправки послов, но считали всю ситуацию связанной с политическими условиями. Император Василий в это время боролся с военачальником Вардой Склиром и мог соотноситься с русскими. Вот, тогда князь Владимир и мог выдвинуть условие заключения договора женитьба его на византийской царевне.

Варда Склир был участником сражения против руссов под Адрианоподем в 970 году, во время которого, как говорили, зарубил одного из военачальников Святослава. После этого он был направлен в Малую Азию на подавление восстания Варды Фоки. По смерти Иоанна Цимисхия как его родственник и один из влиятельных стратигов, претендовал на императорство. Избран был Василий и Склира вскоре отстранили от занимаемого поста командующего армиями. Склир сошелся с правителями Востока, в том числе и с мусульманами, установил контроль над большой территорией Малой Азии. Василий призвал другого военачальника – Варду Фоку, который атаковал Склира с востока, из Севастии Каппадокийской. Фока и нанес решающее поражение Склиру в 979 году в битве под Панкалией, отчего Склир бежал в Багдад. Сам Варда Фока пробыл некоторое время наместником фемы Антиохия, но в 987 году вновь взбунтовался против Василия и объявил себя императором. В апреле 989 года в сражении у Абидоса войска Василия разбили армию Фоки и восстание после этого было подавлено. В этой компании принимал участие шеститысячный корпус русских, отданный князем Владимиром в помощь императору Василию. По мнению Малышевского, желание заполучить храбрых руссов и было поводом к отправке в Киев греческих миссионеров. Владимиру была за военную помощь обещана греческая царевна, которую князь так и не

дождется. Этот обман, в свою очередь, мог быть серьезной причиной для похода русских на греческий Херсонес.

Политический аспект прихода миссионеров, исходя из духа самого рассказа, не виден – эта связь с другими историческими событиями – выводы историков. Древние источники XI – XII веков не упоминают миссионеров, но это не значит, что их не могло быть в принципе. Против политического понимания рассказа указывает наличие старцев в числе слушающих доклад послов. Также как и окончание рассказа – греки водят русских послов по храмам, значит, пытаются учить их своей православной вере. Правда, Голубинский задается вопросом – можно ли вообще судить о вере по внешнему обряду? Согласно точному указанию Ключевского, обряд («закон») и психология русских описаны как решающее значение для склонения в сторону греческой веры. Еще более обращено внимание на эмоциональное восприятие религии через культуру. Послы видели архитектуру, живопись, священнодействия, слышали чтение и пение и, даже, скорее всего, не понимая греческого языка, восприняли красоту, духовность и возвышенность Православия. Такая вера лгать не может, невзирая на трудность понимания догматики Христианства.

Вполне понятно, что готовый принять крещение князь Владимир подготавливает к этому таинству всю Русь. Он должен дать время дружине и народу изучить разные веры. Судя по негативному представлению иных религий, Православие уже выступает как воспринимаемая и принимаемая на Руси вера. «Выбор веры» может быть только литературным оборотом. Конечно, уже христианское русское сознание в последующее после князя Владимира время, будет осмыслять принятие православной веры как призыв и благодатное воздействие Самого Господа, «воссияв в сердце князя разум». Так, например, по слову митрополита Иллариона, Владимира влекла не мысль о поиске новой веры, а озарение Святого Духа и внутреннее обогащение Владимира, «повеяло благоуханием Святого Духа» и «возгорелся он духом и возжелал сердцем». Заметим, что восточные рассказы обращают зачастую свое внимание на то, что крещение царей и народов часто сопровождаются различными чудесами, знаменами, знаками. Исключением является рассказ из «Сказания о Борисе и Глебе», которое говорит о том, что жил некий благочестивый крестьянин Плакида. Ему и явился крест Господень и Сам Христос, а, затем, - и Владимиру. Русские повествования куда более реалистичны, но заставляют обратить внимание не на политику, а на внутренний процесс, происходивший в сердце князя Владимира. В рассказ включены еще персонажи - послы и старцы, а это уже

затрагивает души вообще русских людей. Самые прекрасные слова о Православии говорят послы князя, а не он сам. Как мы уже отмечали, в этих словах нет и намека на политику.

«Слово» митрополита Иллариона не предполагает никакого колебания в выборе веры. Все происходит от талантов самого князя и благотворного влияние Святого Духа. «Не видел ты апостола, не видел Христа – руководствуясь только своим добрым смыслом, постиг, что Бог – Троица и пришло на тебя озарение Вышнего, призрело на него всемилостивое Око Божие».

Монах Иаков (Мних Иаков) добавляет еще указание на воспитание князем его бабкой Ольгой - «слышал, как его бабка Ольга ездила в Царьград». Воздействие великой Ольги нельзя отрицать, от нее будущий князь мог слышать о Христоролюбивой вере Греческой. Также не будем отвергать и возможное влияние не только Ольги, но и других женщин. Хорошо известно о женолюбии князя Владимира. Одной из его жен была гречанка, жена Ярополка, мать Святополка. Для европейского восприятия, но такого же, как Русь варварского, очень характерно отмечать принятие Христианства под воздействием жен на их мужей конунгов, королей, графов и т.д. Так, король франков Хлодвиг в 496 году обратился в Христианство, как утверждают, по влиянию его супруги христианки Клотильды Бургундской; английский Этельберт (король Кента; около 601 года) – христианки Берты, дочери короля франков Хариберта I; Геза (974 год) и Вайк (Святой Иштван; с 1000 года) Венгерские – своих христианских жен; Мечислав (Мешко) князь Польский в 966 году – жены христианки Домбровки, дочери чешского князя Болеслава I, впоследствии матери Болеслава короля Польши. Благотворное влияние женщин подтверждает и исландская сага. Согласно саге, женой Вальдемара (Владимир) является варяжка Адлогия, при ней вырастает сбежавший со Скандинавии Олав, сын конунга Триггве. После многочисленных путешествий и приключений Олав принимает крещение в Византии. Адлогия крестилась, но Вальдемар упорствует. Олав претерпевает еще и от Вальдемара, но Адлогия благотворно по христиански влияет на мужа. Исторически, мы знаем, что Олав, после многих странствий, и в том числе по Руси (Гардарике), вернулся на родину в Норвегию и крестил свой народ (993-995). Совершенно становилось понятным для самого князя Владимира, что братоубийство и сластолюбие не могли не оставлять глубоких ран, а язычество, даже с кровавыми жертвами, не облегчало груз на его душе.

Согласно арабским источникам, император Василий просит Владимира военной помощи против Фоки, а после подавления восстания, Владимир принимает крещение.

По прошествии некоторого времени, Владимир пошел военным походом на Херсонес, принадлежавший Византии. Осада города затянулась. Русские начали насыпать к городской стене земляную насыпь. Защитники города повели подкоп под стену, ночью спускались в него и выбирали всю землю, которую наваливали русские за день и разносили затем по городу. Дело русских становилось безнадежным. Однако нашелся некий Анастасий, который пустил в лагерь русских стрелу с запиской князю Владимиру о том, что необходимо ему перекопать место к востоку и, тем самым, перекрыть водопровод города. Вода была перекрыта, и Херсонес сдался Владимиру. После взятия Херсонеса, Владимир написал письмо в Константинополь императору Василию с предложением выдать ему сестру царя – Анну.

Естественно выдать замуж за Владимира царевну византийских аристократических кровей без его крещения было невозможно («недостойно христианкам выходить за язычников»). Ответ Владимира вполне приемлем – «Я уже испытал вашу веру и готов креститься; любя мне эта вера и служенье, о которых мне рассказывали посланные мною мужи». Анна вынуждена была, по настоянию своих братьев отправиться в Херсонес.

Также к этому рассказу присоединяется и рассказ о болезни глаз Владимира. Причем настолько сильно заболел глазами, что ничего не мог видеть и горько горевал. Царевна Анна передала князю, что если он хочет избавиться от болезни, то непременно должен креститься. «Если так случится, то воистину велик будет Бог Христианский», - сказал в ответ Владимир. Затем и последовало крещение князя в Херсонесе от прибывших из Константинополя священников. Как только на князя были возложены руки, Владимир тотчас же прозрел. До глубины души потрясенный этим, он воскликнул: «Теперь увидел я Бога истинного».

Большинство сомневаются в крещении князя в Херсонесе. Даже «Повесть» склоняется к варианту крещения Владимира в Киеве или Василёве (на реке Стучне). Это могло произойти до похода на Херсонес. Согласно монаху Иоанну, Владимир вначале совершает походы на Радимичей, Вятичей, Ятвягов, Болгар, Хазар, потом, поход на Херсонес (уже здесь молится чуть ли не по-христиански). Сообщает также, что «по Крещению жил 28 лет», на одно лето ходил к порогам, на третье – на Херсонес, на четвертое – строит храм Святой Богородицы, на пятое – Переяславль. Значит,

Крещение самого Владимира датируется 987 годом (у Нестора в «Сказании о Борисе и Глебе» получается та же дата), а поход на Херсонес – 989-ым. Яхья Антиох (арабский автор) обозначает восстание Варды Фоки, начиная с 14 сентября 987 года, затем – занятие им земли на запад до Дорилеи. Царь Василий призывает руссов, хотя они были его врагами. По договору с Владимиром русский князь принимает крещение, а император отправил свою сестру Анну. В этот же год русская дружина и помогла разбить Фоку в сражении 13 апреля 989 года. Здесь можно сделать предположение, что поход на Херсонес состоялся как раз из-за Анны. Точнее – поход князь совершает из-за обмана греков, Анну на Русь они не отправили. Взятием Херсонеса Владимир достигает своей цели – он не только теперь является великим правителем единой Руси, но Византийский император вынужден сделать для русского князя почти невозможное – выдать за него свою сестру. Добавляя общий дух рассказа о «Выборе веры» дружина князя должна быть уже готова к Крещению.

Сам поход на Херсонес является явным историческим событием. Описание события также подкупает точностями. Анастасий советует перекопать водопровод именно с востока от лагеря русских; упомянуто крещение самого Владимира в церкви Святого Василия; за алтарём располагаются палаты царицы. Ясно, что автор ориентируется в топографии самого города. Видимо споры о месте крещения князя уже имели место в XI веке: одни говорили, что в Киеве, другие – в Василёве, третьи – в другом месте. Автор знает об этих спорах и уверен, что его версия о Херсонесе – истинно правильная.

Шахматов считал версию крещения в Херсонесе местным таврическим преданием. Да, князь ходил на Херсонес, да, женился на Анне, но не крестился в Херсонесе. Сам рассказ воспринимал как своеобразный русский памфлет на политику греков – не сам князь склоняется к Православной вере, а греки, выдавая Анну, не могли ее отдать за некрещеного. Византийцы должны потребовать от князя принятия веры. Шахматов заметил, что рассказ о крещении в Херсонесе несколько выбивается из общего рассказа «Повести». После рассказа о приходе послов под 986 годом следовал рассказ о крещении князя и народа в Киеве. Повествование же о походе и крещении в Херсонесе вставлено. Его можно назвать «Корсунской легендой», отсюда с Крыма она и происходит. Анастасий являлся, видимо, духовным лицом и вряд ли посылал стрелу в лагерь русских, а послал ее варяг. Русские летописи по-разному определяют и место крещения Владимира: согласно Лаврентьевской – это церковь святого Василия; Ипатьевской – святой

Софии; Новгородской – святого Иакова; Радзивилловской – святой Богородицы. Правда поход и женитьбу отрицать невозможно, они подтверждаются другими различными источниками.

Голубинский сомневался в буквальности рассказа о крещении в Херсонесе. «Завоевание веры» походом на греческий город выглядит как некий исторический казус. Для него убедителен монах Иаков – идет на Корсунь в третий год после крещения, то есть 989 год. Причина также простая, но не прямо религиозная – желание вступить в брак с греческой царевной; приведение священников в Киев, установление связей с Греческой церковью.

Марченко доверял «Повести». Владимир, согласно его версии, хотел уже креститься, но решил расширить своё государство. Идет на Херсонес, но там все же принимает крещение и женится. Поход не может быть связан с крещением, мотивом можем допустить желание жениться на греческой царевне. Допускает договоренность еще 987 года вместе с военной помощью императору. Рука гречанки не может быть мотивом похода на Херсонес для Владимира-язычника.

Поэтому место и время крещения князя Владимира можно условно разложить на три варианта: 1) 988 год – поход на Херсонес, крещение и брак с Анной; 2) 987 год – от греческих священников в Василёве под Киевом после прихода послов; 3) 987 год – в Киеве от греческих священников.

«Повесть», после крещения Владимира в Херсонесе, обозначает приход князя и его дружины в Киев. Получил от греков епископа Михаила, священников, сосуды, необходимые для богослужения, часть мощей Святого Климента и его ученика Фифа. Взял в Херсонесе и две статуи возниц и четыре статуи лошадей прекрасной греческой работы. Город, конечно, же был оставлен грекам.

По прибытию в Киев, Владимир отпускает от себя всех своих многочисленных языческих жен. Далее – очищает Киев от им самим поставленных языческих идолов. Некоторых из них рассекают на части, других сжигают, а самого главного из них – Перуна привязывают к хвосту лошади и протащили с горы, двенадцать человек бьют его палками для поругания перед народом. Когда его приволокли к берегу Днепра и бросили в воду многие проливали слезы и следовали за ним по реке. После посрамления Перуна, Владимир приказал священникам ходить по домам города и проповедовать Слово Божие, сам также принимает активное участие

в проповеди. Наконец, наверное, 1 августа 988 года и происходит знаменательное и величайшее событие в жизни Руси – она приняла Святое Крещение.

Стар и млад, киевляне входили в воды реки, кто в самой глубине, кто до персей, дети поближе к берегу, младенцев держали на руках. Службу совершали епископ Михаил и прибывшие с Анной греческие священники. Восприемником своего народа был сам великий князь, стоявший тут же на берегу. Он имел уже христианское имя в крещении – Василий (соответственно его восприемником считался византийский император – Василий).

«Умилившись духом при виде этого радостного зрелища, как крестится его родной народ, Владимир, возведя очи на небо, изрек: «Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новые люди сии и даждь им, Господи, познать Тебя, истинного Бога, как уже познали страны христианские; утверди веру в них правую и несотворимую, а мне помоги, Господи, на супротивного врага, дабы, надеясь на Тебя, я победил бы его козни».

После крещения Владимир приказал рубить и ставить (то есть строить) по всему городу церкви в тех местах, где стояли кумиры. На том холме, где стоял Перун, была построена церковь Святого Василия, именем был крещен Владимир. Был построен храм в честь Богородицы на месте убиения двух христиан-варягов – Феодора и Иоанна. Именно для этой церкви Владимир определил давать десятую часть доходов со своих имений, отчего церковь приобрела название Десятинная.

ЛЕКЦИИ XI – XIV.

Устроение Русской церкви при князе Владимире.

После Крещения, князь Владимир предстает перед нами совершенно в другом свете. Его будут называть «ласковым» князем и «Ясным Солнышком». В Крещении Русь получает акт мистического соединения («односердие» и одна душа») с Самим Христом.

Возводимые храмы уже украшаются, наподобие греческих. Строится храм в честь Богородицы и на его содержание Владимир определяет десятую часть доходов, отчего церковь будет названа Десятинной. Управителем этих десятин поставлен был грек-корсунянин Анастасий. Храм был построен и украшен греческими мастерами и воистину по царски. Двадцать пять верхов или глав украшали его снаружи, а внутри было множество столпов из драгоценного мрамора, яшмы и других камней. Стены были украшены живописью. С западной стороны храма, в подражание Константинополю, были поставлены две медные статуи и четыре медных коня. Строительство этого храма олицетворяет уже настоящий триумф христианской веры над языческой.

Вместе с постройкой Божиих храмов первым помыслом Владимира после крещения было заведение школ для книжного учения. Христианство, кроме новой истинной веры, принесло в Русскую землю грамоту и всю науку. Владимир при крещении выступал как восприемник своего народа, по святому долгу, налагаемому Церковью на восприемников. Поэтому святым долгом Владимира было научение своих крестных детей Христовой веры. После Владимира русские князья и государи наследуют эту традицию – традицию восприемничества над своим народом. У лучших людей Киева («нарочитая чадь») Владимир собрал их детей и отдал их в устраиваемые школы, под руководство священников. Знаем, что многие матери при этом плакали по своим ребятам, как по умершим. Из этих наученных грамоте детей и составлены будут священники, необходимые не только для совершения богослужений, но и для просвещения русского народа. Правда, Голубинский считал, что «нарочитая чадь» предназначалась не для церкви, а для самого русского государства, а священство набиралось прямо из крестьян. Однако, в Древней Руси обладатель «книжного учения» был человеком не просто грамотным, начитанным, образованным, имелось в виду получение систематического образования. Учителя могли быть из Болгарии,

из ее монастырей, уже ставших центрами славянского христианского образования прибывают на Русь и книги и, вероятно, образованные священники.

Крушение идолов представляется не только фактическим событием, но обозначением конца языческой религии, как писал Завидневич, конец богов брани и войны. Приходит время Бога мира и любви. Конечно, Владимир не мог наставить в Христианской вере все русское население, но мог огласить именно уважаемых в народе людей. Эти некоторые становились примером поведения и жизни для других. Из под палки в Днепр все киевляне не пошли бы. Толку от подобного крещения было бы крайне мало. Отход от Христианства при применении силы в крещении практически неминуем. Крещение даже добровольное, но не закрепленное проповедью и просвещением также не приносило эффекта. Например, крестившиеся в VII веке сербы и хорваты быстро отошли от Христианства. Правда мы не знаем, сколько длилось оглашение, но оно было и дало определенные успехи. Так, источники говорят о радости и ликовании новокрещеных.

Священники будут посылаться по разным концам Русской земли – проповедовать Евангелие и крестить народ. Конечно, кое-где было сопротивление. Особенно сопротивлялся крещению старый языческий центр – Новгород. Новгородское вече, узнав, что в город идет Добрыня, поклялось не пускать никого. Был разобран мост и новгородцы выступили против Добрыни. Добрыня начал уговаривать ласковыми словами, но новгородцы, подстрекаемые волхвом Богомилом, выставили камнеметные орудия. Епископ Иоаким ходит со священниками по торговой части Новгорода и пытается учить людей. Он крестил несколько сот человек, но на другой стороне Волхова тысяцкий Угоняй призывает не дать богов на поругание христианам. Убили жену Добрыни и несколько его родственников. На другую сторону Новгорода вначале перебрался тысяцкий Путята, захватил Угоняя и других зачинщиков беспорядков. Народ разметал церковь Преображения Господня. На другой день на помощь Путяте пришел Добрыня и поджег несколько домов на берегу Волхова. Новгородцы побежали тушить пожар и сеча прекратилась. Знатные новгородцы вышли к Добрыне и запросили мира. Добрыня, конечно, согласился, но приказал немедленно сокрушить идолов – деревянных сжечь, каменных разбить и бросить в реку. «Нечего вам жалеть о тех, кто себя защитит не может; какой пользы вам от них ждать?», - сказал Добрыня на плач новгородцев о идолах. Посадник Воробей из Владимира, отлично владевший словом, проповедовал наряду с епископом и многие решились на крещение. У кого не было креста

на шее, вели в реку. Однако все же память об этом событии запечатлелась в известной пословице: «Путьята крестил мечом, а Добрыня огнем». Правда, кроме этой знаменитой истории, мы не знаем фактов преследования язычников. Это противоречило бы всему стилю и смыслу крещения.

Впоследствии епископ Новгородский Иоаким разрушил идола Перуна и бросил его в Волхов.

Приняв Христианство, Владимир не только насаждает его среди народа, но и сам преобразился духовно до неузнаваемости. Владимир усердно стал творить дела милостыни. Говорят, услышав на богослужении слова «Блаженны милостивые, яко тии помилованы будут», Владимир приказал открыть княжий двор, впускать туда нищих и отдавать им одежду, еду или другую какую либо потребность. Потом он вспомнил, что есть люди, не способные передвигаться вследствие дряхлости или болезни. Нагружались обозы с хлебом, рыбами, овощами, медом и квасом и возились по городу для помощи тем, кто не мог прийти на княжий двор.

Жалость князя простерлась даже на преступников, которых, в скором времени, от безнаказанности развелось в большом количестве. К Владимиру была вынуждена прийти делегация епископов, просивших карать воров и убийц. Ты поставлен от Бога, - говорили они, казнить злых, а добрых миловати, поэтому разбойников следует казнить, но по правде, с испытанием. Все же князь Владимир стремился не применять смертную казнь, а наказывать денежной пеней – вирой.

Легенды слагались о ласковости и гостеприимстве князя. Он часто в церковные праздники устраивает веселые пиры. Особо отмечалось Преображение Господне и Успение Божией Матери (может быть, эти праздники связаны с его личным крещением и крещением киевлян). Как отмечает летописец, «возгорелся духом и возжелал сердцем быть христианином и обратить всю землю в Христианство». О христианском поведении князя русский народ «от дел познати, а не от чудес» (монах Иаков). На примере прихода епископов, видим, что князь советуется с «отцами», как устроить ему все по-христиански в родной стране. «Покорен воле Духа Святого и в меру подлинной свободной любви Христовой». Он совершает служение, подобное и сообразное древнему апостольскому – воцерковляет Русь.

Христианская религия становится не частным личным делом, а государственным. Личное воодушевление князя в принятии новой веры,

конечно, было и играло определенную роль, но этого было недостаточно для проникновения духа Христианства в саму Русь. Русь, от старых людей до молодых, должна была, именно, принять Христианство всей своей душой. Владимир не собирался, естественно, «ломать» или проявлять насилие по отношению к русским людям. Такой грубый, подход насилия в крещении или просвещении был бы наилучшим способом прийти к обратному эффекту – полному отторжению Христианства.

В качестве примера Владимир крестил своих двенадцать сыновей. Впоследствии они будут удельными князьями на Руси. Старший Вышеслав, от варяжской жены Оловы посажен будет в Новгороде; Изяслав от Рогнеды – в Полоцке; Святополк, от гречанки, жены Ярослава – в Турове ни Припяти; Ярослав, от Рогнеды – сначала в Ростове, а по смерти Вышеслава – в Новгороде; Борис, от греческой царевны Анны, по уходу Ярослава в Новгород, - в Ростове; Глеб, от той же Анны – в Муроме; Святослав, от Малфриды – у древлян; Всеволод от Рогнеды – во Владимире-Волынском; Мстислав, от той же Рогнеды – в Тьмутаракане; Станислав, от чешки – в Смоленске; Судислав, от Адели – в Пскове и Позвизд, но где от «сел» и кто была его мать – сведений нет. Крещение близких, а, равно, и дружины Владимира было естественным началом и примером для крещения остальным.

Приобщение Руси к более высокой византийской культуре, часто называется одной из важнейших побудительных причин к крещению. Воздействие культуры, тем более византийской христианской, отрицать невозможно. Вера в Боговоплощение и, именно в него, порождает стремление культуры к преображению души человека и мира в целом. Грек сохранял любовь к прекрасному, как в глубокой античности, но понятие этой красоты преобразовано уже Христианской верой. Достаточно сравнить скульптуры греческой древности, прославлявшими природную красоту человеческого тела и искусство византийское. Красота христианского искусства – во внутреннем преображении, «уже не я, но Христос во мне». Подобно Христу, воплотившемуся ради спасения человека и, поэтому принявшего все человеческое измерение, христианская культура «воплощается» в каждом народе, в каждой душе, принявшей свет Христов. Христианин преображает свою душу и мир вокруг себя. Красота этого мира для него – это не только красота творения Божия, а красота мира, принявшего Спасителя, потому что Бог любит человека и мир. Эту любовь и выражает искусство Христианства. Красота христианского искусства не отрицает, не отворачивается от красоты материи, тела, но обращает внимание

на внутреннюю, духовную красоту – именно она есть проявление истинной любви. Это и чувствовали послы русского князя Владимира, находясь на богослужении в Константинополе.

Принятие новой веры князем Владимиром не могло сопровождаться моментальным ростом духовной культуры Руси. Наивно полагать, что принимают веру исключительно из-за желаний взрастить культуру. Если бы Русь ориентировалась только на культуру Византии, то перенимала, уже при Владимире, различные обычаи Византии. Вместе с Христианством пришло бы строительство дворцов (хотя бы, наподобие того, в котором была княгиня Ольга), терм, ипподромов и других общественных объектов. Мы не видим на Руси моды «на греческое». Наоборот, князь Владимир ведет себя очень по-русски. Например, пирует со своей дружиной и киевлянами. Принимают только веру. Православная вера есть именно то, что достойно для внимания русских. Совершенно немыслимо и то, что уже в X веке на Руси кто-то мог надеяться на скорое культурно-духовное возрастание страны. Только после князя Владимира начнет свое существование Киево-Печерский монастырь, от которого и будет вырастать та самая духовность Руси. Самое главное то, что только через пять, шесть веков Русь сможет стать культурным центром Православия. Предугадать это в X веке невозможно. Можно было лишь надеяться. Мотивы обращения всегда надо искать не столько в культурном аспекте, сколько в духовном воздействии Христианства.

В связи с ростом влияния Христианства на души восточных славян возникает естественный вопрос о месте язычества. Насколько оно было сильно и как сопротивлялось новой вере. Источники не упоминают мощного сопротивления язычества. Правда, это может быть объяснено самим характером язычества. Языческая вера славян не была тогда еще четким сформировавшимся культом. Вернее она начала складываться в структуру богов как раз при князе Владимире с 980 года, когда он приказал установить идолы в Киеве. Традиционно славянское язычество имело семейный, родоплеменной характер. Общество жило общинами, «волостями». Старейшие члены семьи совершали обряды, жрецов почти не было. Таковыми можно назвать кудесников (чудесников) или волхвов, но и их немного. Поэтому отсутствовали и ярые защитники язычества. Они были достаточно изолированы друг от друга. Христианство же предлагало молиться Богу на родном славянском языке.

Если язычество видело во всей природе различных богов, то и Христианство представлялось соответственно верой в «нового бога». Не

терпело язычество отмены обрядовости, что во многом Христианство и выполняло. Например, почитание умерших совершенно в такой же языческой форме сохранялось и в церкви.

Христианство, как отмечалось, на Русь приносили не греки, а сами славяне или варяги, то есть «свои». Отвращения к Христианству это не приносило. Христианство сразу с крещением было также уже «своим». Такому Христианству не сопротивлялись, не будут особенно противиться и «государственному» крещению. Сопротивление Христианству замечаем не в политических центрах Руси, а на периферии, в местах «местного сепаратизма» - среди вятичей и в Муроме.

Само Христианство боролось, скорее, с идолопоклонством, но не с домашним культом. Поэтому сохраняются фигурки-лошадки в орнаментах, петушки, зайчики, жар-птицы. Старые верование так и будут существовать даже при развитом Христианстве.

В отличие от славян, их соседи финские племена имели свою мифологию и поэтому гораздо активнее сопротивлялись Христианству. Колдуны в среде финнов имели большее влияние. Среди финнов Христианство будет распространяться гораздо медленнее и затянется на долгие века.

Большое значение имеет перевод Священного Писания на славянский язык. Славяне имели возможность прикоснуться к Христианству без изучения греческого. Религия становилась намного ближе, роднее и понятнее русскому человеку. Дело патриарха Фотия, братьев Кирилла и Мефодия превосходит влияние самой Византии. Византия достаточно высокомерно относилась к варварам, к активной миссии к этим народам не стремилась. Византийская политика часто стравливала эти народы между собой ради самой Византии. При нападении на Византию, могли откупиться от врагов. В лучшем случае - сделать из варваров союзников. Отдавать святыню, Христианскую веру, тем более осмысленную богословием на основании греческой философии, было неприемлемо для византийского сознания. Великим исключением была миссия братьев Кириллы и Мефодия и руководимая патриархом Фотием Константинопольским.

После Киева распространение Христианства происходит и в других городах Руси – «нача ставить по всем градам и церкви и попы и люди на крещенье приводити по всем градам и селам».

Неизвестно точно крестил киевлян Владимир с киевским духовенством или был кто-то более высокого уровня. Голубинский склонялся к тому мнению, что автор «Повести» должен был сообщить о епископе, если бы он был. Епископы прибыли только в 991 году. Для самого крещения Владимир имел достаточно священников. Предполагает, что эти священники могли быть из Болгарии. Другие, например, Марченко, считал, что епископ должен был быть. Допускал то, что этим епископом мог быть епископ того же Херсонеса. В любом случае в 991 году уже утверждаются епархии Русской церкви.

Русская Православная церковь была явлена как митрополия, официально подчинялась Константинопольскому патриархату. Новгородская летопись под 991 годом датирует приход на Русь епископов. Голубинский первым из русских историков поднял вопрос о правомочности зависимости от Константинополя. Решал он данный вопрос отрицательно – Русская церковь имела полное право на самостоятельность, факт подчинения не обоснован. Считал, что в Церкви есть и Божественная сторона и человеческая. Богоучрежденным является наличие у церкви епископов, пресвитеров и диаконов, административное же управление – плод человеческих построений. Приводил пример международного права – каждое самостоятельное государство внутри себя распоряжается свободно, не посягая на другое. Также и Церковь должна решать свои вопросы самостоятельно, не подчиняясь другой Поместной церкви. Является ли подчинение Константинополю реальностью 991 года или было изначально, но факт зависимости в административном смысле неоспорим.

Ко времени Крещения Руси сложилась общая греческая централизация в Константинополе. Весь Греческий мир входил в «экумену», но к X веку он же совпадает по мысли и с Православным. Церковное построение исходило из гражданских диоцезов. На систему пяти патриархатов смотрели как объединяющую Вселенскую Церковь. О пяти патриархатах говорили Вселенские Соборы и уже приписывали воздействию Святого Духа. Патриархаты разделяют четыре стороны света и сравнимы с пятью чувствами у человека. Ромейская (Восточная) империя во главе с императором является носителем благочестия, ее границы в идеале совпадать должны и с границами Православного мира. Поэтому в этом Православном пространстве может быть только один император – Византийский. Иные народы, даже, официально не входящие в Ромейскую империю, но православные по вере, подчинены через Церковь. На Руси до гибели самой Византии высший титул мог быть только «великий князь». Балканские

народы, сербы и болгары боролись за автокефалию своих церквей. Церковь Византии – хранитель кафоличности, защитник догматов и благочестия. По самой греческой логике никакой церковной самостоятельности у Руси быть не могло. Конечно, учреждение пяти патриархатов не есть вопрос веры всей Христианской церкви. Это плод исторического развития церкви. Церковно-административные округа назывались диоцезами, которые соответствовали административному делению Восточной Римской империи. Патриархаты складываются непосредственно после IV Вселенского собора (451 год). Соборы лишь санкционируют лишь то, что было до них. IV собор для столицы империи Константинополя соединяет Фракийский, Понтийский и Асийский диоцезы, подчеркивая значимость города. Константинополь обозначает один из центров Христианского мира. Другими являются, в соответствии с географией – Рим – центр Запада, Антиохия – центр Сирии и Востока, с IV собора выделяется Иерусалим с возведением в патриархат, Александрия – центр Египта и Африки. В трех константинопольских диоцезах назначаются митрополиты от местных епископов. При этом, от этих диоцезов выдвигаются епископы для «варварских» кафедр. Поставляет этих епископов непосредственно патриарх Константинопольский. Поэтому для Руси назначаемый митрополит должен быть именно от патриарха.

Владимир мог сразу требовать от греков автокефалии, не зная традиций и канонов, но, имея перед глазами пример Болгарии. Болгарская церковь управлялась автокефальным архиепископом. Голубинский даже выдвинул гипотезу, заключающуюся в том, что первоначально Русская церковь управлялась независимым от Константинополя архиепископом. Потеряла автокефалию в конце правления Владимира или в начале правления Ярослава. Теоретически были в Византии архиепископы, не подчинившиеся Константинополю (Автокефальные архиепископы были на Кипре, Синае, Иверии, Охриде, Сербии). Отсюда и это предположение – возможно русские боролись за автокефалию своей церкви, начиная с княгини Ольги, а Владимир получает ее от Охридской (Болгария) архиепископии.

Монах Иаков и Нестор называют митрополитов архиепископами, то же встречаем в Житии Бориса и Глеба. Митрополит Леонтий в своем сочинении «Об опресноках» называется архиепископом. Просто так никто присвоить титул не мог. Согласно Голубинскому, еще Леонтий (+1004-1008) был автокефальным, а, затем, Иоанн только лишь митрополит. Для греков нет никакого смысла и оснований давать Руси автокефального архиепископа. Молодая Русская церковь не могла выглядеть в глазах греков достаточно развитой для такого шага. Болгария могла давить на Византию политикой и

военной силой и появление там архиепископа допустимо. Гипотеза о изначальной автокефалии Русской церкви плохо обоснуется, но сильная сторона у нее есть – трудно объяснить почему древние писатели обозначают архиепископов. Сама Охридская архиепископия прекращена греками в 1037 году и, поэтому, на Руси должны быть только греческие ставленники-митрополиты. Замечено также, что сыновья князя Владимира Борис и Глеб носят «болгарские» имена – Роман и Давид. (Болгарский князь Борис взял имя императора Михаила III; княгиня Ольга – супруги византийского императора Елена; Владимир – имя императора Василия как своих восприемников). «Болгарская» линия имен могла быть вызвана именно болгарской политикой русских князей по принятию епископов от Охридской архиепископии. Первый митрополит, а не архиепископ обозначается четко только под 1039 годом – его звали Феопемпт. В 1042-1043 годах война Византии с Русью воспринималась греками как некий бунт «русских подданных» православного императора. Византия уже могла позволить избрание русского митрополита или его назначение не из Константинополя.

По логике русского митрополита должен избирать не патриарх, а собор русских епископов. Об этом говорит 24 правило Вселенских соборов. К X веку произошли изменения – патриарх сам назначает митрополитов, и право избрания было утрачено. Иерархия должна была предоставлена Константинополем, но в дальнейшем, Русская церковь могла получить возможность выдвижения своих кандидатов. Практика же избрания митрополита в Константинополе и его отправление на кафедру не была исключительно предназначенной для Руси. Принадлежность «варваров» к одному из трех диоцезов трактовалась как непосредственное подчинение в смысле назначения митрополитов патриархом Константинополя. Возводимый в достоинство митрополита патриархом имел широкую свободу в решении внутренних дел церкви. Патриарх вмешивался во внутреннее дело поместной церкви в случае поступления к нему жалоб на митрополита. Патриарх выступал как высшая судебная инстанция. Однако такая церковь не считалась автокефальной. Русская церковь согласно древнему каталогу Константинополя 1011 года фиксируется на 61 месте среди других митрополий. В каталоге императора Андроника занимает 70 место.

Возникает вопрос – кто первый возглавил Русскую церковь? Под 1039 годом упоминается Феопемпт, то есть в 50-ый год после крещения Руси. «Летопись Новгородских владык» первым митрополитом называет Леона (Леонтия, Льва). Правда, самой летописи доверяют мало – она ставит патриарха Фотия и князя Владимира современниками. В самом Новгороде

первым епископом называют Иоакима, который переведен из Херсонеса, после него – Ефрем. Некоторые, сторонники построения автокефалии Русской церкви князем Владимиром считают, что Леон был поставлен на Русь Охридской митрополией в Болгарии. Согласно «Никоновской летописи» (XVII век) первым митрополитом был Михаил. Имя Михаил встречается в греческих источниках. Посылается на Русь, по их сведениям, еще при Фотии, в 860-861 годах. «Степенная Книга» (XVI век) совмещает два имени – вначале был Михаил, затем, 991 года – Леон. Первые кафедры, таким образом, на Руси утверждаются при Леоне. Предание утверждает захоронение Михаила в Антониевой пещере Киево-Печерской лавры. Голубинский предлагал признать за Михаилом миссионерскую деятельность, а за Леоном – организацию церкви.

Леон пребывал на кафедре до 1004-1005 годов. Затем был митрополитом Иоанн, примерно с 1036 года – Феопемпт. В 1036 году в Новгород назначен Лука Жидята, но при каком митрополите – неизвестно. Между 1008 и 1019 годами могут быть несколько митрополитов. За весь Киевский период истории Русской церкви было 24-26 митрополитов. Подавляющее число из них – греки. О 15 знаем это точно. Русскими по происхождению было двое – Илларион (с 1051 года) при Ярославе Мудром и Кирилл Смолятич (1147-1155) при Изяславе Мстиславовиче.

При Леоне устанавливаются кафедры, кроме Киева, еще в Белгороде, Владимире Волынском, Чернигове, Турове, Полоцке, Новгороде, Ростове Тмутаракани. Великий князь за свое время был среди кривичей, в Ростове, Суздале, Волыни. Ставит везде «посадников». Христианская миссия проходит среди городов. В самих городах по славянскому обычаю действует «вече», собрание, которому жители более или менее, но все же подчинялись. К 1015 году князь Владимир «крести же и всю землю русскую от конца и до конца».

Наши данные о процессе христианизации Руси ограничивается сведениями о строительстве храмов – в Переяславле в 998 году строится храм Воздвижения, в Полоцке в 997 году – Пресвятая Богородицы. В Ростове епископ Феодор строит церковь, продолжает сын Владимира Глеб. Можно говорить также и о том, что в XI веке начинается и миссия Русской церкви по отношению к различным народам. Например, митрополит Леонтий проповедует в Ростове народу мери. На восток в Муромо-Рязанскую землю Христианство проникает с Чернигова. Князь Ярослав крестил Муром. Влияние волхвов сохранялось в северных областях Руси. Волхвы и

кудесники в 1071-1072 годах являлись в Ярославле и Киеве, в 1076 – в Новгороде, в 1091 – в Ростове, но особого успеха не имели. Вятичи и радимичи сопротивлялись Христианству, здесь были убиты проповедник Кукша и его ученик Никон. В Вятке Христианство – из Новгорода во второй половине XII века, в середине XII века – Вологда (проповедовал инок Герасим из Киева), в начале XIII века – Устюг. К финнам и карелам Православие проходит из Новгорода и Ладogi с конца XI века. Среди эстов – из Юрьева, основанного при Ярославе Мудром. Латыши слышат о Христианстве от проповедников из Пскова, однако, с 1208 года начинает превалировать латинство. Среди литовцев Православие известно с конца XI века и приходит из Полоцка и Галицко-Волынской Руси. Волжские болгары многие принимают крещение в Суздале, примерно в начале XIII века.

ЛЕКЦИИ XV-XVIII. Русские митрополиты

Русская церковь считается с момента своего основания митрополией Константинополя. Голубинский, основываясь на Летописи Новгородских владык составил каталог Русских митрополитов. Некоторые имена из этого списка можно считать сомнительными. Первым митрополитом чаще всего называют Михаила, а Леона (Леонтия) прибывшего на Русь в 991 году – устройтелем кафедр. После 1004-05 годов встречается имя Иоанна I, но в начале XI века могла быть несколько митрополитов, имена которых мы не знаем.

Некоторые митрополиты характеризуются как довольно образованные люди. К Леонтию восходит антилатинское сочинение «Об опресноках» на злободневную на то время тему. Иоанн I составил службу Борису и Глебу, первым русским святым.

Мало можем сказать о церковно-административной деятельности, какими канонами в жизни церкви руководствовались – неизвестно. Согласно Летописи Новгородских владык на епископа Луку Жидяту около 1055 клеветал холоп Дудик. Лука Жидята был осужден, но неизвестно как – через собор или единолично судом митрополита. Большинство исследователей считают, что единолично. Вопросы вызывает даже возможность доноса холопа – вообще принимался ли он? Известно, что Лука провел около трех лет в заключении, был, затем, оправдан, а Дудика наказали.

Конечно, высшее церковное управление осуществляется митрополитом. Правда, трудно сказать с какой регулярностью митрополит созывает архиереев на собор. Достаточно собирать епископов один раз в год, но как было на Руси, мы точно не знаем. Наверняка, из-за больших расстояний соборы происходили гораздо реже.

Митрополиты, а в подавляющем большинстве, – греки, вводят на Руси греческие формы богослужения. Переносятся и формы церковного управления и суда. Естественно, эти каноны приспособляются к русским условиям, тем более, что Русская церковь и русское православие только образованы. Возможно, было латинское влияние и поэтому, и пишет Леонтий свое сочинение «Об опресноках». Особая роль церкви и митрополитов будет состоять в усмирении княжеской междоусобицы. Огромная польза для Руси

и состояла в том, что митрополиты были греками, возводимыми в Константинополе, а на Руси не зависели от князей. Патриарх Константинопольский не стремился к отправке на Русь самых выдающихся архиереев, все же русские принимались за варваров. Правда, некоторые из них уже на Руси именуются людьми «книжными» или «грамотными», что означает не только знание грамоты, а именно образованность. Митрополиты-греки прибывали на Русь не в одиночестве, а, зачастую, в сопровождении многих лиц, клириков из Византии. Некоторых из них посвящали во епископы. Епископ-грек на Руси не редкость.

Несмотря на то, что Константинополь последовательно защищал свое каноническое право на назначение на Русь митрополита, многие хотели видеть в своем митрополите природного русского. В истории древней Руси мы видим два таких случая – в 1051 году при Ярославе Мудром возведение митрополитом Иллариона и в 1147 году при Изяславе Мстиславовиче – Климента Смолятича.

Время Ярослава Мудрого, вообще ознаменовалось распространением Православной веры, постройкой почти по всей Русской земле множества церквей и монастырей.

Как глубоко верующий человек, Ярослав смущался тем, что его дяди, Ярополк и Олег скончались некрещеными. Основываясь на некой древней практике, он вырыл их кости и, крестивши их, предал опять погребению.

Детей своих Ярослав воспитывал в вере Христовой с самым большим старанием. Особенной ревностью к вере отличалась его супруга – Индигерда, в крещении Ирина, и старший сын – Владимир Ярославич. Владимир сидел в Новгороде и положил очень много трудов на сооружение собора Святой Софии. Почил он в возрасте тридцати трех лет от роду и был погребен в Корсунской паперти собора, рядом с матерью. Сама Ирина перед кончиной приняла монашество с именем Анна. Православная церковь причислила и мать и сына к лику святых.

При князе Ярославе уже выросло то поколение детей, взятых Владимиром в книжное обучение. Теперь это уже было сформировавшееся и грамотное духовенство. При Ярославе Мудром это образование продолжится не только в Киеве – более 300 детей были отданы для книжного и церковного обучения в Новгороде при Софийском соборе. Переписка книг стала считаться привилегированным занятием, первейшие духовные лица, князья и княгини посвящают свое свободное время этой переписке. Любимый сын

Ярослава, Всеволод, по собственной инициативе изучил пять иностранных языков, а, сын Святослав собирал книги. «Подобно тому, как если б кто распахал землю, а другой посеял, а иные стали бы пожинать и есть пищу обильную, так и князь Владимир распахал и умягчил сердца людей, просветивши их крещением; сын его, Ярослав, насеял их книжными словами, а их теперь пожинают, принимая книжное учение. Велика бывает польза от него; из книг учимся путем покаяния, в словах книжных обретаем мудрость и воздержание; это реки, напоющие вселенную; в книгах неисчетная глубина, ими утешаемся в печали, они узда воздержания», - писал летописец.

Кроме распространения Православия и просвещения, Ярослав оставил о себе память также и тем, что он был Государь, которому приписывается составление первого писанного свода законов – «Русская Правда». В «Русскую Правду» вошли все порядки для производства княжеского суда и правила для взимания взысканий и доходов. Согласно «Правде» сохранялись еще древние языческие обычаи – родовая месть. Главнейшим наказанием уже становилась денежная пеня – различного размера, в зависимости от вины осужденного.

Ближайшим помощником Русского князя во всех делах остается дружина. Эта дружина разделялись на старшую свою часть – боярскую и младшую – гридницу. Бояре и составляли тех старших мужей, с которыми совещался князь о всех важных делах, как ратных, так и земских. Князья будут посылать бояр посадниками в различные города, послами в иноземные страны и назначали тысяцкими и воеводами над ратными людьми.

Управление церковью было основано на правилах, установленных Константинопольскими патриархами и собранных в «Кормчей книги». Способ содержания митрополитов и епископов состоял из десятинных доходов, отдаваемых князьями в пользу церкви, из судебных пошлин и из пожертвований благочестивых людей. Эти доходы шли на содержание соборного храма с его притчем, пропитание нищих, больных странников, сирот и вдов, на пособия потерпевшим от пожаров и неурожаев, на возобновление церквей и монастырей.

О возведении митрополитом Иллариона кратко говорит нам «Повесть временных лет». Ярослав Мудрый любил книги и образование. Содержит при храме многочисленных священников, среди которых в селе Берестово служил и пресвитер Илларион. Безусловно Илларион был одним из выдающихся людей церкви своего времени. Его описывают как аскета, молитвенника, схимника, миссионера и писателя, «муж благ, книжен и

постник». Ходил на киевские холмы и на берегу Днепра искал место, пещерку для уединенной молитвы. На этом месте и вырастет Печерский монастырь. Около 1043 года в Киеве, обращаясь к Ярославу и Ирине (Индегерде), и сказал свое знаменитое «Слово о законе и благодати». За добродетель и образованность в 1051 году Великий князь и поставил Иллариона митрополитом Киевским. Вполне возможно, что этим поставлением Ярослав хотел после войны с греками установить иной, самостоятельный порядок установления русских митрополитов. Война с греками происходила в 1043-1046 годах, а поставлен Илларион в 1051 году – то есть уже в мирное время, когда вражды с греками уже не было. Поэтому поставление Иллариона можно рассматривать как попытку, уже при Ярославе, установления автокефалии (освобождения от зависимости от Константинополя) Русской церкви. Во время самой войны митрополиты в Киев из Константинополя не направляются и этим Ярослав, безусловно, мог воспользоваться. В знаменитом «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона Владимир сравнивается с императором Константином – многие видят в этом намек, на попытку установления автокефалии.

Ярослав Мудрый скончался в 1054 году и на его похоронах Илларион уже не упоминается, а только пресвитеры. Полагают, что Илларион к этому времени уже не является митрополитом Киевским. Возможно, Константинополь сделал все возможное для того, чтобы Иллариона не только не признать, но и установить окончательно зависимость в назначениях митрополита. Если так, то непонятно, как Ярослав мог легко уступить требованиям Константинополя? В 1052 году Ярослав Мудрый женил своего сына Всеволода на греческой царевне, дочери императора Константина IX Мономаха (1042-1055). От этого брака и родился Владимир Мономах. Можно предположить, что устраивая этот брак, греки и уладили вопрос о митрополите Илларионе. Политическое значение брака, как особой связи с Византией возобладало для Ярослава над идеей церковной независимости. Возможно быстрое удаление митрополита Иллариона из Киева вызвано также тем, что сам Ярослав хорошо понимал нарушение канонов Церкви. В этом случае поставление Иллариона могло быть вызвано не столько желанием автокефалии, а просто отсутствием митрополита в Киеве. Ярослав, может быть, ставит Иллариона по своей личной инициативе. В Константинополе понимают, что это экстренный случай, на разрыв отношений не идут, но при первой же возможности указывают на неканоничность и вынуждают Иллариона покинуть кафедру. Временем этого указания русским и могло быть время заключения брака Всеволода. Кроме самого неожиданного поставления Иллариона из русских, мы не видим

других следов борьбы за автокефалии. В 1055 году уже обозначается митрополитом Ефрем.

Неизвестность дальнейшей судьбы Иллариона явно указывает на то, что он не был признан Константинополем. О Ефреме не говорится, что он прибыл из Константинополя и отсюда можно предположить, что Ефрем – это тот же Илларион, но принявший схиму, поэтому и имя носит уже другое. Шахматов и Прыселков склонялись к иной версии. Они считали, что Илларион действительно принял схиму, но не под именем Ефрем, а под именем Никон. Никон и был одним и составителем летописного свода, один из авторов «Повести» около 1073 года, игумен Киево-Печерской лавры, возводил монастырь в Тмутаракане. Дата кончины этого Никона приходится на 1088 год. Есть и третья версия. Розов отождествлял митрополита Иллариона с упоминаемым Илларионом в «Житии Феодосия». Некий брат Илларион пишет книги, брат Никон переплетает, а Феодосий изготавливает нити. Здесь странным является то, что митрополит Илларион просто так легко становится черноризцем.

Несколько больше мы знаем о другом русском митрополите – Клименте Смолятиче. Климент Смолятич, инок Зарубского монастыря в 1147 году был так же поставлен без разрешения Константинополя Изяславом Мстиславичем. За Киев в это время отчаянно боролись Мономахи и Ольговичи, а митрополит в силу своих возможностей их примирял. В Новгороде обратился к горожанам, запрещая воевать с Юрием Долгоруким. В 1136 году ходил с крестом между ратями, убеждая не проливать крови. В 1140 году Ольговичи подступили к Киеву, а Михаил уговорил Вячеслава покинуть трон и уступить Всеволоду Ольговичу. Поэтому в 1146 году Изяслав Мстиславич из Мономахов, вернув Киев, был крайне недоволен митрополитом Михаилом. Митрополит оставляет кафедру и уезжает в Константинополь, тем более, что у него также был конфликт с Всеволодом Олеговичем. (Сохраняется версия кончины Михаила, либо в Киеве, но вероятнее, в Константинополе). Два года с 1146 по 1148 годы в Киеве митрополита не было. Проблемы были в самом Константинополе – там один патриарх сменял другого, дела до Киева не доходили.

Изяслав Мстиславич становится Великим князем и крайне недоволен отсутствием митрополита и, видимо, еще больше, отсутствием слежений в храме Святой Софии. В этой обстановке Изяслав и решается на избрание своего русского митрополита. Опять же, теперь уже в середине XII века может Изяслав хотел установить автокефалию. Источники ничего не говорят

о построении автокефалии. Поставляется Климент шестью епископами. Смолятичем он называется скорее по своему происхождению – из Смоленска или области. Известно, что вел переписку со смоленским пресвитером Фомой. Правда, все равно, это поставление нельзя полностью признать каноничным – на Руси было на то время 11-12 епархий, тогда как упоминается лишь шесть епископов. Значит, на соборе, выдвинувшем Климента, присутствовали не все архиереи. Вряд ли Изяслав согласовывал это с патриархом, а поставил его перед уже свершившемся фактом. Изяслав не изгонял митрополита Михаила, но нес всю ответственность. Конечно, случай с Илларионом на Руси помнили. Каноническое сознание на Руси уже к этому времени выросло и поэтому, некоторые русские архиереи против поставления Климента собором, а не Константинопольским патриархом. Видимо, некоторые просто не явились на этот собор. Раздробленность Руси также способствовала сопротивлению решению Изяслава. Удельные князья могли соглашаться с мнением своих епископов против избрания и поставления Климента. Противником Климента был, например, Нифонт Новгородский. Он не был греком, но защищал каноничность решений церкви. Онуфрий Черниговский, наоборот, считал, что мы имеем право поставить митрополита.

Добавляется и некоторая мистичность. Из Херсонеса Владимир привез мощи, главу Святого Климента Римского. Этой главой и благословляют русского Климента. Онуфрий Черниговский ссылается на то, что Константинопольский патриарх благословляется рукой Иоанна Предтечи, русский митрополит должен возводиться подобным же образом. Возведен Климент 27 июля 1147 года.

Климент Смолятич был хорошо образован, аскет, «книжник и философ». Изяслав выбрал действительно достойного кандидата. Однако Нифонт не признавал Климента митрополитом на том основании, что тот «не взял благословения у патриарха». Антиминс 1148 года называет Нифонта архиепископом. В то время под этим титулом обозначились архиереи подчиненные непосредственно патриарху. В 1184 году новгородцы и выхлопотали для своего архиерея титул архиепископа. Значит при Нифонте и Клименте Константинополь почитал Нифонта и защищал его перед Изяславом, который точно был недоволен не признанием «своего» Климента. Сам Климент в течение двух лет пытается убедить Нифонта. Нифонт, конечно, не поминает Климента за богослужением. Однако Изяслав как Великий князь долго это терпеть, намерен не был. Нифонт был вызван в Киев, схвачен и заточен в Киево-Печерский монастырь.

В 1149 году дядя Изяслава Юрий Долгорукий изгоняет племянника из Киева, освобождает Нифонта. Климент Смолятич вынужден также удалиться из Киева – он уезжает во Владимир Волынский. Климент еще дважды при поддержке того же Изяслава возвращается в Киев. После смерти Изяслава в 1154 году, Юрий Долгорукий окончательно изгоняет Климента. К этому времени Юрий Долгорукий уже не желает каких либо конфликтов с Константинополем. В 1156-1057 годах посылает послов для примирения и на Русь прибывает новый митрополит – Константин. Константин проклинает уже умершего Изяслава и запрещает в служении всех рукоположенных Климентом. Затем, правда, запрещение свое снял.

В 1157 году скончался Юрий Долгорукий – вновь берут власть его противники, сыновья Изяслава. Митрополит Константин теперь уже покидает Киев, бежит в Чернигов, где в 1159 году и умирает (похоронен в Черниговском Спасском соборе). Изяславичи приглашает дядю Ростислава, но тот отказывается принять Климента по той же веской канонической причине – Климент «не взял благословения у патриарха» («не хочу видети Клима»). Мстислав Изяславич, племянник Ростислава, также претендовавший на Киев, но дважды уступавший Ростиславу, одновременно и против Константина («не будет и Константина»). Решили попросить нового митрополита. В 1162 году прибывает из Константинополя Феодор. Вскоре Феодор, в 1162-1063 годах скончался. Ростислав уже не прочь согласиться с возвращением Климента, но Константинополь быстро присылает нового митрополита – Иоанна IV.

Идею восстановления Климента поддержали и на северо-востоке – эта идея созвучна и Андрею Юрьевичу Боголюбскому (князь Владимирский с 1157 года). Андрей заботится о церкви на Северо-Востоке Руси и не прочь поставить митрополита отдельно, в Суздале. Вражда князей сильно ослабила Киев, церковь во Владимире и Суздале выглядит нерушимой и благообразной и Андрей Боголюбский надеялся, что Феодор, законный митрополит из Константинополя пребудет в Суздаль, где и будет митрополичья кафедра. За недолгое пребывание Феодора митрополитом, он успел разочаровать Русь, не политикой своей, а аморальным поведением. За это его обличает Кирилл Туровский. Поэтому по его кончине, приемлемой кандидатурой остается Климент Смолятич. Поэтому Ростислав готовит посольство к патриарху с просьбой о возвращении в Киев Климента. Патриарх Константинопольский Лука Хризоверг (1157-1169) также знал о недостойном поведении митрополита Феодора и во избежание дальнейших

неурядиц довольно быстро избрал нового митрополита для Руси. Посольство Ростислава по дороге встречает его, нового митрополита, Иоанна IV.

В последнем случае видно русское осознание нежелательности видеть митрополитов–греков на Руси. Возникает вопрос: было благо или зло управление Русской церковью греками? Человек, коренной житель своей страны, конечно, гораздо глубже понимает нужды и чаяния своей родины. Побуждения к служению своему народу у природного человека гораздо выше. У иностранца, даже после многих лет проживания в иной стране, меньше патриотизма. Иностранцы, правда, тоже могут стать труженниками на церковной ниве. Мы не можем в одностороннем порядке отказывать им в возможностях добросовестного служения Русской Православной церкви. Древние летописи, Киевского периода мало говорят о церковно-административной деятельности митрополитов. Больше можем сказать о последующем, Московском периоде. Греческие митрополиты привносили на Русь, конечно, греческие формы служения, боролись с латинянами, но всесторонне жизнь русского народа не воспринимали. Многие из митрополитов-греков не знали русского языка или плохо владели им. Хотя, наверняка были и другие – те, кто глубоко проник в русскую жизнь. Количественное преобладание митрополитов-греков не является само по себе положительным элементом в русской церковной жизни, но нельзя это представлять как некое зло для Руси.

В эпоху раздробленности Руси можем говорить о заметной роли митрополитов в преодолении княжеской вражды и прямой войны. На примере того же Юрия Долгорукого, который дважды изгонял митрополита Климента, видим как сложно было русским митрополитам. Соперники, в борьбе за Киев ведут себя крайне жестко, город переходил из рук в руки. Сложно представить в каком положении были бы русские митрополиты в состоянии постоянной борьбы между князьями. Митрополит-грек и именно он, мог максимально способствовать примирению князей. Конечно, в случае избрания митрополита собором епископов, зависимость митрополита от князей, от светской власти также была бы минимальной. Однако, история церкви подсказывает, что князья или другие представители власти явно хотели бы участвовать в процессе избрания главы церкви. Поэтому, при несомненной пользе в деле примирения князей митрополитами-греками, нельзя утверждать, что без них Русь не могла бы обойтись.

Великий князь Андрей Боголюбский (+1174) не интересовался Киевом, хотя и столица ему и досталась. Всеми силами стремился сделать Владимир столицей Руси и для этого благоустраивает город. В 1162 году строит знаменитый Успенский собор и, конечно же, решил выхлопотать для северо-восточной Руси митрополита. К патриарху Луке ХризOVERгу (1157-1169) отправил посольство с просьбой посвятить ему отдельного митрополита. Патриарх отстаивает церковное подчинение Руси константинопольским патриархам, протестует против создания самостоятельной и независимой от греков Церкви на северо-востоке Руси. Не позволив состояться митрополиту во Владимире, патриарх с исторической точки зрения поступил очень правильно – остановил возможную смуту на Руси.

Митрополит Кирилл III (1247-1281) был избран князем Даниилом Романовичем Галицко-Волынским и посвящен в 1247 году в Никее (Константинополь в это время в руках крестоносцев) патриархом Мануилом (1243-1254). Предшествовавший митрополит – Иосиф, вероятно, покинул Киев из-за нашествия татаро-монгол. Некоторые русские архиереи погибли во время нашествия, например, Митрофан Владимирский и Симеон Переяславский, и об этом русские летописи откровенно сообщают. О кончине митрополита Иосифа ничего не слышно. Наверное, он покинул Русь и вернулся в Византию или, точнее, в Никею. Кирилл III посвящается вместо Иосифа, скорее всего в 1247 году, самая поздняя дата – 1249 или 1250 год. Для посвящения Кирилл едет в Никею. По сути – это первый случай вполне канонического избрания и посвящения русского митрополита. Константинополь в сложившихся условиях нашествия монголов вынужден сделать русским уступку. Более лояльная позиция патриарха объясняется, во-первых, нелегким положением самого патриарха в Никее, еще стесненного крестоносцами и, во-вторых, явным нежеланием греческих архиереев ехать на разоренную Русь. Может, добавил ярких негативных красок Иосиф, вернувшийся на родину. В самой Руси Киев теряет свое столичное положение. Город уже на «прикрыт» с юга Переяславлем и, тем самым, остается объектом нападения вражеских полчищ. Великим князем считается Даниил Галицкий, однако, активный центр русской жизни перемещается на северо-восток.

Сам митрополит Кирилл III был, конечно, близок к Даниилу Галицкому (составил жизнеописание князя, вел переговоры с венгерским королем Белой IV о браке его дочери с сыном Даниила Романовича), но не в Киеве или Галиче не оставался и посещал почти все русские города. Митрополит столкнулся с общим разорением Руси, сохранялся лишь север – Псков и

Новгород. Главное его стремление – привести хоть к какому-то порядку разрушенное церковное хозяйство Руси. Поэтому, видимо, за 30 лет своего архипастырства посетил все епархии Руси. В 1250 году привез дочь Даниила Галицкого в жены Андрею Ярославичу, тем самым примиряя князей в продолжающейся междоусобице. В 1252 году торжественно посадил Александра Ярославича на Великое княжение во Владимире-на-Клязьме. Пребывание митрополита на востоке становится более частым, не только из-за опустошенности Киева – Даниил склоняется к союзу с папой, что и подтверждается принятием князем короны из Рима.

Главным же деянием митрополита Кирилла было проведение в 1274 году во Владимире собора. Митрополит обратился к деспоту из Болгарии Иакову Святославу и тот присылает славянский список «Кормчей книги», с толкованиями Зонары и Вальсамона, так как до этого на Руси ходил только славянский текст без толкований. Новая Кормчая была переведена около 1225 года в Сербии с греческого языка на церковнославянский и её стали называть Кормчая "Саввы Сербского" (св. Савва Сербский скончался в 1237 году). «Кормчая» была крайне необходима для устранения разногласий в церковном праве. Введение «Кормчей» способствовало упорядочиванию русской церковной жизни. Митрополит в сложившихся условиях стремился ликвидировать или хотя бы ограничить недостатки, имевшие место в жизни церкви. Борется с симонией, фиксируя рукоположение «по мзде» во диаконы и священники семи гривнами и устанавливая необходимый возраст – 30 лет. Крещение устанавливается только через троекратное погружение. Уделено внимание нравственному поведению православных – запрещаются кулачные бои, языческие праздники в Великую субботу, обычай приводить невест к воде, распитие спиртных напитков в Вербное воскресенье.

Как уже отмечалось, митрополит Кирилл III уже попросту не мог долго пребывать в Киеве и обычным местом его расположения был Северо-Восток Руси, точнее – Владимир-на-Клязьме. Правда, это не означало, что Кирилл уже перенес сюда митрополичью кафедру. Митрополит Кирилл управлял Русской церковью в чрезвычайно сложное время – не только в период нашествия татаро-монгол, но и при остром соперничестве двух великих князей – Александре Ярославиче Владимиро-Суздальском (Невском; +1263) и Данииле Романовиче Галицко-Волынском (+1264). Очень много сказано о примирительной политике Александра Невского с Ордой. Время, действительно, показало всю правильность для Руси такого направления политического поведения. Внук Александра, Иоанн I Данилович Калита, в XIV веке, продолжая эту линию примирения с Ордой, добьется сорока лет

спокойствия, что так было необходимо Руси. Скончается митрополит Кирилл III в Переяславле-Залесском.

В русле этой политике действовали в основном и русские митрополиты. В 1258 году Кирилл учреждает епархию в Твери, где собирались сохранившиеся от нашествия Батыя русские. Для русских, оказавшихся в плену у татаро-монгол, в 1261 открывается кафедра в Сараях (будущая Крутицкая). Возведенный Кириллом епископ Сарайский Феогност вскоре исполнит важную для хана Менгу-Тимура (1266-1282) дипломатическую миссию к императору Михаилу VIII Палеологу и патриарху Иоанну XI Векку. Менгу-Тимур вел через русского епископа и Византию переговоры с далеким Египтом. Если до 1279 года хан широко использовал русских воинов в военных походах на Византию, Литву и Кавказ, то после миссии епископа Феогноста мы этого не видим. В 1279 году от хана Менгу-Тимура Кирилл III получает ярлык, которым утверждалась свобода веры, богослужения, церковного имущества и прав духовенства. Этот ярлык сыграл огромную роль в истории Руси: финансовые средства оставались в ведении монастырей и архиереев, часть из них шла на уплату дани, сохраняя саму Русь в определенной неприкосновенности от татарской сабли. Даже при принятии ханом Узбеком (1313-1341) в 1320/21 году ислама права церкви не изменились, а церковные все люди имели подсудность сохранившихся и подтвержденных в правах церковных судов. Именно поэтому многие простые люди, крестьяне предпочитали селиться в пределах монастырей или на епархиальных землях. При Кирилле III мусульманским чиновники от Орды было запрещено занимать места налогосборщиков на Руси и под угрозой казни оскорблять Православную веру.

Своим пребыванием во Владимире, Кирилл III предрешил исторически важный перенос митрополичьей кафедры из Киева во Владимир. Назначенный в 1283 году из Константинополя на Русь митрополит Максим (+1305) также уже не находится в Киеве, недолго пребывает в Брянске и Суздале и, наконец, в 1299 году переселился полностью во Владимир («со своим клиросом»). Погребен митрополит Максим в Успенском соборе Владимира. Перемещению во Владимир способствовало некое, упоминаемое в летописях под 1299 годом, вторичное нашествие татар. Правда, не следует забывать, что митрополиты продолжают именоваться «Киевскими» - это будет продолжаться до 1459 года, времени разделения Руси на две митрополии.

ЛЕКЦИИ XIX-XXI.

Исторические причины учреждения патриаршества на Руси.

С момента принятия Христианства князем Владимиром и крещения Руси получает свое историческое бытие Русская Православная Церковь. Со времени своего возникновения Русская Церковь находится в полном подчинении Константинопольскому патриархату. Это подчинение можно описать в двух аспектах. Во-первых, одна церковь по своему возникновению от другой рассматривалась в церковно-юридическом положении в виде колонии, а другая – в виде митрополии, без согласия которой эта власть не могла прекратиться. Во-вторых, в связи с первым положением, Константинопольский патриарх назначал и поставлял митрополита на Русь, которая, в свою очередь должна была принять его. Русская Церковь, таким образом, представляла собой один из митрополичьих округов, занимавший 61 место.

Система административной централизации в Церкви во многих своих проявлениях подобна таковой системе и в гражданских обществах. Церковь в этом отношении совершенно уподобляется общим государственным законам существования. Однако полная независимость Русской Церкви, подобно независимости самой Руси, невозможна была из-за того, что Русская Церковь была дочерью Константинопольской. Ей крайне необходимо было до времени «питаться от сосцов своей матери и находиться под ее руководством, пока сама она не укрепилась в силах». Поэтому даже при дееспособности Церкви быть независимой автоматически не наступает признание правоспособности.

Как следствие, Русская Церковь должна была принимать митрополита, назначаемого Константинополем. Конечно, и в интересах Византийской Церкви и самой Империи, Константинопольскому патриарху было выгодно назначать на Русь своими представителями лиц греческой национальности. Естественно они будут сильнее тяготеть к Византии, своей родине. Поэтому митрополиты-греки, приезжавшие на Русь, часто не знакомы были с русской жизнью, языком, нравами и обычаями, неуютные ни князьям, ни народу. Это не могло не вызывать протеста у русских. Известны, правда, случаи поставления митрополитов из русских: Иллариона (XI в.) и Климента Смолятича (1147 г.). Избрание Климента произошло на соборе русских епископов, а его самого – константинопольский патриарх так и не признал.

Поэтому примерно 9 лет (1147 – 1155) существовал разрыв между двумя Церквями. Со времен татарского ига до избрания митрополита Ионы из 8 митрополитов трое – Кирилл II, Петр и Алексей были русскими, остальные присланы были из Византии.

Однозначно ответить положительно или отрицательно было подобное «засилье» греков для Русской Церкви довольно сложно. Следует заметить, что Христианство привнесено было на Русь из Византии, из страны, куда более обладавшей высокой культурой. Исключительность положения русского митрополита, находившегося за пределами политической власти Византии, давали ему, почти с самого начала существования Русской Церкви, некоторую независимость по сравнению с греческими митрополитами. Право посвящения епископов и влияние, которое он мог оказывать во время политической раздробленности Руси, делали его максимально влияющим не только на политику, но и на развитие русской духовности. Церковь, при господстве удельной системы, могла быть по праву связующим началом русской народности. Именно заботой митрополита было устройство знаменитых междоусобиц, заставлявших иногда прибегать к жестким мерам. Неповиновение князей великому князю вызывает укоры, а отлучение от церкви – лишение погребения.

Татаро-монгольское иго существенно повлияло как на развитие Русского государства, так и на жизнь Русской Церкви. С одной стороны разоренность и раздробленность не могли привлекать греческих митрополитов на Русь. С другой – общее несчастье повлекло за собой тесное сближение разных слоев населения вокруг Церкви, а, значит, вокруг личности митрополита. При слабости княжеской власти; с учетом привилегий, даруемых ханами духовенству; с учетом того, что именно монастыри явились хранилищами уцелевших духовных и культурных памятников Руси и духовным оплотом народа, можно с уверенностью сказать, что единая христианская религия, православная вера в то тяжкое время становится центром национального самосознания, видимым образом которого является митрополит.

Великим князьям было чрезвычайно выгодно, что митрополит поселился в Москве. Усиление Москвы во многом и было связано именно с пребыванием в этом городе духовного символа Руси – митрополита. Показательно то, что во время борьбы Московских князей с Литовскими князьями ни те, ни другие не поддерживали идею выдвижения митрополита из русских, хотя пытались добиться пребывания «единого киевского»

митрополита именно в своей земле. При этом Византия даже усиливает свой контроль над русской митрополией. Это выразилось в весьма существенном праве Константинопольского патриарха принимать жалобы и даже, при необходимости судить, русского митрополита. Понятно, что с правом суда тесно соприкасается и право высшего надзора на Русской Церкви. Это право предполагает предоставление отчетов, а также разрешение вопросов по поводу всех недоумений и религиозных споров. Русские митрополиты обязаны были ежегодно ездить в Византию, но только из-за дальности и трудности пути, им разрешено было приезжать реже, но не менее раза в два года. Приезжая в Константинополь русский митрополит заседал там, в патриаршем синоде вместе с прочими митрополитами.

Сами патриархи могли, помимо митрополита, обращаться с теми или иными церковно-правительственными мероприятиями непосредственно в русские епархии. Например, это выразилось в возведении в архиепископы с предоставлением им знаком отличия в облачении (белый клобук или крестообразное облачение). Особенно часто обращались к патриархам с разрешением религиозных или обрядовых споров.

Как важную черту зависимости русской Церкви от византийского патриарха, следует отметить и взимание с русского митрополита дани, размеры которой определить трудно по недостатку исторических свидетельств.

Византийский император обладал не только внешним блеском и престижем, - он помазался святым миром в цари всех христиан, утверждал каноны, собирал вселенские соборы, утверждавшие догматы для всей Церкви. Если византийский император был «внешним епископом», низвергая зачастую патриархов, то русские князья во многих вопросах веры подчинялись церкви, а, значит, митрополиту. К византийскому императору часто обращались русские князья по вопросам урегулирования церковных дел. По праву такого главы император оказывал влияние на дела Русской Церкви, как одной из митрополий константинопольского патриархата. Патриархи же стремились поддержать в глазах русских высший авторитет императора. Именно о исключительной роли императора, «утвердителя благочестия по всей вселенной» писал патриарх Антоний великому князю Василию в 1389 году. «Невозможно христианам иметь церковь, но не иметь царя. Ибо царство и церковь находятся в тесном союзе и общении между собой и невозможно отделить их друг от друга», - писал патриарх, имея в виду, конечно Византию. На основании текста грамоты совершенно ясно, что

византийские императоры считали себя вправе относиться и к русской церкви точно так же, как и ко всякой другой митрополии Константинопольского патриархата. Во всех актах Патриархата по делам Русской Церкви непременно упоминается то, что содержащееся здесь постановление состоялось при согласии и по прямому приказанию «высочайшего и святого самодержца». Патриархи, таким образом, не пропускали случая представить в глазах русских все проявления власти своего «царя» над Русской Церковью.

Не всегда такая постановка вопроса вело непременно к конфликту. Так, например, в конце XIV века Московское княжество материально помогло Константинополю, а сын императора Мануила II Палеолога Иоанн (будущий император Иоанн VI) женился на дочери великого князя Московского. Однако добрые отношения продолжались недолго. На Русь был поставлен митрополитом Исидор, который принимал самое живое участие во Флорентийской Унии.

Флорентийская Уния представляет собой один из самых замечательных моментов в государственной и церковной жизни московской Руси, в развитии ее церковно-политического самосознания. В ходе этой Унии на долю московских князей выпала почетная обязанность стать во главе охраны православия и благочестия. Эта задача Московских князей имела огромное влияние на установление взаимных отношений между государством и церковью и способствовала тому, что Московское государство, впоследствии, твердо усвоило идею «третьего Рима», постепенно приобрело теократический характер.

Благодаря деятельности великого князя Московского Василия Васильевича Флорентийская Уния была торжественно отвергнута. Благодаря той же Флорентийской Унии был окончательно подорван авторитет греков, изменились отношения к константинопольскому патриарху – духовному главе вселенской церкви, и светскому ее распорядителю – византийскому императору.

Исключительную важность имеет тот факт, что Василий Васильевич, заботясь о том, чтобы московская митрополия не оставалась без духовного главы – митрополита. Он повелевает «сшедшимся архиепископам и епископам и всесвященному собору поставить Иону на митрополию». Великий князь сам ставит себе своего митрополита. Этот порядок и был утвержден собором русских епископов в Москве.

Эта деятельность Василия Васильевича, его исключительная роль в поставлении митрополита Ионы возлагали на него особые почетные обязанности. Теперь одной из задач государственной власти будет, среди прочего, и религиозное воспитание подданных, иметь ответственность за веру своего народа. Московское правительство не только теперь подчеркивало всякое отсутствие какой-либо зависимости и подчинения Константинополю, но и решительным образом заявляло о полном прекращении отношений с патриархами-униатами.

Для ограждения себя от посягательства притязаний Константинополя Москва ввела в епископский обет существенные прибавления. Они касались запрета подчинения митрополиту, который будет поставлен на Русь от латинян или от турецкой области. Ученик великого защитника Православия Марка Ефесского, патриарх Дионисий I, седьмой патриарх после взятия Константинополя турками в 1469 году писал, что не признает московских митрополитов как ставших без ее благословения.

Итак, мы видим, что великий князь Иван Васильевич, объявив в своем послании к новгородскому архиепископу Ионе, что он считает константинопольского патриарха плененным турками, как бы подытожил процесс национализации Русской Церкви. Русская Церковь становится фактически автокефальной и по форме национальной. Повлияло это и на отношении церкви и государства: с устранением прав константинопольского патриарха отпало одно из важных средств ограждения церковной власти от светской, было упрочено преобладание государственного авторитета над церковным.

«Освященный собор» скорее играл роль совещательного, консультативного органа и на деятельность митрополита оказывал лишь косвенное, поверхностное влияние. По существу, к митрополиту перешли именно прерогативы патриарха, а связан был митрополит всецело властью московского государя. При этом необходимо отметить, что прекращение взаимного общения Русской Церкви с Константинопольской из-за Флорентийской Унии выглядит законным основанием, а признание самочинного поставления митрополита Ионы весьма сомнительно. Скорее всего, константинопольские патриархи были вынуждены впоследствии смириться со свершившимся фактом самостоятельности Русской Церкви, так как их собственное положение уже в турецких рамках заставляло искать материальную поддержку у сильной и богатой Руси. Понятно, что Москва не

могла рассчитывать на юридически подтверждаемую независимость Церкви грамоту из Константинополя.

Действительно, властный тон константинопольских патриархов постепенно утрачивается: они постоянно обращаются к русским князьям и царям с прошениями и признанием величия и мощи Руси. Русский митрополит уже называется «всесвященнейшем митрополитом Московским и всея Руси, нашим же государем и владыкой набожнейшим».

После поставления в митрополиты Ионы произошло событие, имевшее большое значение для церковно-государственных отношений: 29 мая 1453 года турки захватили Константинополь, «второй Рим». В Москве оно было воспринято как естественное наказание Божие вследствие измены православию во Флоренции на соборе 1438 года. К этому еще добавился брак Иоанна III с Софией Палеолог и окончательное свержение татаро-монгольского ига. Теперь уже громко раздаются голоса о том, что Русь есть преемница и наследница византийской империи.

И вот в 1492 году митрополит московский Зосима говорит, что ныне прославил Бог «в православии просиявшего благоверного и христоролюбивого великого князя Иоанна Васильевича, государя и самодержца, нового царя Константина новому граду Константину – Москве и всей русской земле и иным землям государя». Здесь впервые высказана мысль о перенесении на Москву прежнего значения Византийской Империи. Дальнейшее изъяснение этой идеи мы отчетливо видим в посланиях старца Елеазарова монастыря Филофея к великому князю Василию Ивановичу и царю Иоанну Васильевичу. Московский государь, согласно этой развитой концепции, является «браздодержателем святых Божиих престол» вселенской церкви, утверждает Христову Церковь во едином царстве, а другие царства пришли в конец, «яко два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быть». В посланиях Филофея нашли отображения все эсхатологические чаяния всего русского народа, пронизанного глубокой религиозностью. Заслуга Филофея состоит в том, что он сформулировал идею Руси как третьего Рима.

Если Русь выразила четко идею третьего Рима, то далее, возникает стремление обозначить митрополита титулом «патриарха». По воззрениям того времени «Царь» и «Патриарх» неразрывно связаны друг с другом. Теория Филофея была воспринята его современниками и потомством и в той или иной мере отражалась в самых разных формах уже с конца XV века. Историческая религиозная миссия Восточной Римской Империи переходит к Руси.

Эпоха Иоанна Грозного являлась естественным развитием отношений государства и церкви. Государство, имея на себе сильнейший религиозный надпечаток, окончательно подчиняет себе церковь, а государь легко вмешивается во внутренние и внешние дела церкви. «Стоглавый собор» (1551 года) лучше всего проиллюстрировал теократический характер московского государства. Царь решает вопросы о бесчиниях в монастырской жизни, об упадке нравственной жизни среди иноков и мирян и пр. Церковь воспринимает это как доброе устройство и похвальное дело. Митрополит уже не имеет опоры в константинопольском патриархе и занимает подчиненное положение по отношению к царю.

Хотя, по свидетельству Максима Грека, «святительство и царя мажет, и венчает, и утверждает», выражая идея высоты священства над царством, митрополит совершенно бессилен и бесправен перед властью великого князя, а затем царя.

Как только заканчивается централизация Руси вокруг Москвы, создается ситуация, схожая с византийской. Государь посылает в епархии «своих людей». Митрополит имеет свои земли, свой двор, свой полк, свой штат чиновников, но зависит от великого князя. Идея самодержавия, развившаяся при Иоанне III (1462-1472) и Василии III (1505-1533), облеченная в конкретные формы Иоанном Грозным, дала новую ступень для возвеличения Русского митрополита. Иоанн Грозный усматривал в патриаршестве признание его представителем и поборником всего вселенского православия. Иоанн Грозный отклонил венчание от имени патриарха через Евгринского митрополита, что могло вернуть былое значение константинопольского патриарха. Царем венчал Иоанна не патриарх, а митрополит Московский. Более того, царь отказал в подтверждении присланному из Константинополя патриаршему экзарху. Таким образом, претензии московской митрополии на патриарший ранг по существу опирались на мощь государства, которая достигла высокой степени к концу XV века.

Однако мощь государства еще не определяет развитости христианского самосознания, степени жизни во Христе. Государство нуждалось в том, чтобы главе Церкви усвоить ранг патриарха и в его лице возвысить Церковь в ранг патриархата. Внутреннее развитие самой администрации церкви отнюдь не требовало вырастания в патриархат.

При пассивности иерархии во главе с митрополитом во многих церковных вопросах становится понятным деятельность государей,

направленная на становление патриархата. Конечно, важно совпадение с мыслями православного народа. Участие князей и царей в церковных делах никого не лишало прав, никого юридически не подчиняло. Оно возмещало только недостаток инициативы и деятельности там, где они нужны ко благу Церкви и государства, цели которых были тождественны. Цель же была понятна – христианизация всего русского народа. Священные права священства и монашества по учительству и пастырству, унаследованные еще с древнего Киева, никак не затрагивались и не оспаривались. Царь действительно действовал во имя церкви и ее блага не менее искренне, чем митрополиты, архиереи или духовенство.

Учреждение Московского патриаршества.

Прежде чем говорить о учреждении патриаршества необходимо отметить следующее:

Русь уже является мощным государством, а Церковь *de facto* самостоятельна;

В русском государстве господствует воззрение на Москву как на «третий Рим».

Для полной реализации идеи новой христианской империи необходимо упразднение номинальной зависимости от константинопольского патриарха. Это требует выполнение двух условий:

возведение предстоятеля Русской Церкви в сан патриарха с автоматическим признанием автокефалии;

предоставить соответствующее место поместной Русской Церкви по диптиху, обеспечивающее за церковью преимущества «третьего Рима».

По существу Русская Церковь уже не зависела от Константинополя и могла сама устраивать свою жизнь по своему усмотрению. Русский государь, будучи по известным мыслям, преемником византийских императоров должен опираться на предстоятеля, который в своем достоинстве не должен уступать восточным патриархам. Можно было бы и самим возвести митрополита в сан патриарха, но, при этом, мало оставалось место для надежды признания его таковым со стороны восточных патриархатов. Без признания же действительности патриарха не могла быть реализована идея Москвы как «третьего Рима». Царство, по мысли старца Филдофея, не дается свыше, а переходит от одного места в другое. Переход царство на Русь требует полноты вселенского православия. Поэтому Русская Церковь должна была формально признать власть константинопольского патриархата, чтобы получить статус патриархата *de jure*. К концу XVI века историческая ситуация складывается крайне благоприятной и необходим лишь случай для учреждения патриаршества.

Некоторые историки считают, что учреждение патриаршества есть дело царя Бориса Годунова (1598-1605; фактически правил с 1587 года), желавшего возвести на патриаршую кафедру Иова (напр. Щербатов, Карамзин и Костомаров). Соглашаясь с тем, что Борис Годунов мог быть главным действующим лицом в реализации идеи патриаршества на Руси, нельзя считать, что инициатива принадлежит исключительно ему. Инициатива могла исходить и

от «царя-звонаря» Федора Иоанновича (1584-1598) или от кого-то из духовенства. Бесспорно то, что установление патриаршества было плодом исторического процесса.

Отметим, что к приезду патриархов Иоакима, а затем Иеремии имела место благоприятная обстановка для реализации идеи учреждения патриаршества. Сам приезд патриархов являлся поводом, а не причиной, почва для которой была уже подготовлена. В реализации же проекта по существу главным действующим лицом при царе Федоре Иоанновиче играл Борис Годунов.

Поводом послужил приезд антиохийского патриарха Иоакима в Москву летом 1586 года. Это был первый приезд на Русь восточных патриархов, явно нуждавшихся материальной помощи. Русские увидели в этом внимание и уважение Православного Востока к Православному Русскому государству и Русской Церкви. Патриарх был принят с должным ему уважением. Обращает на себя внимание тот факт, что митрополит Дионисий ни сам не побывал у патриарха, ни посылал к нему каких-либо приветствий. Из этого можно сделать два вывода: либо Русская Церковь хочет подчеркнуть значение и силу; либо царь не санкционировал подобные отношения.

Патриарха Иоакима приняли 25 июня в царских палатах. После дипломатических приветствий и вопросов о трудностях пути, патриарх вручил царю грамоту от константинопольского патриарха Феопемпа, а от себя – мощи апостола Анании и мучеников Георгия, Игнатия, Киприяны и Устины. Митрополит Дионисий ожидал патриарха в Успенском соборе. В соборе после того как патриарх приложился к чудотворным иконам к нему подошел Дионисий и, что очень важно благословил его первым! Этот прием мог, конечно, оскорбить патриарха, но он понимал свое положение и не протестовал против такого обращения. При этом патриарх еще и не служил Литургию, а стоял «по правую руку», что было из того же мотива поведения русского митрополита. Однако на обеде патриарх был посажен по правую сторону от царя за особым столом, что, наоборот, подчеркивало уважение. Как свидетельствует речь царя во время приезда константинопольского патриарха Иеремии, велись и переговоры с патриархом Иоакимом, хотя о них не упоминают. Возможно, перед патриархом русский царь предложил патриарху самому поставить русского митрополита в патриархи, но получил вежливый отказ. Тогда было попрошено поспособствовать этому делу на Востоке. Получил ли патриарх финансовую помощь остается невыясненным.

Конечно возникает уместный вопрос: имел ли право антиохийский патриарх ставить патриарха московского. Реальнее думать, что Москва искала законный путь для установления патриаршества, а патриарх Иоаким мог быть посредником в этом деле.

Приезд патриарха Иеремии в 1588 году был совершенно неожиданным. Однако встречен он был государем и митрополитом Иовом с честью. Разместили патриарха на рязанском подворье, назначив специальных людей для заботы о высокопоставленных гостях. На следующий день по приезду патриарха, 14 июня 1588 года, депутация от митрополита Иова посетила патриарха, испрашивая у него благословения. 21 июля патриарх был принят царем. Однако мы не знаем точно до этого или после состоялись переговоры о возможности патриаршества. Это позволяет многим историкам по разному описывать эти события. Вероятнее всего «молчание» многих источников объясняется тем, что некоторое время русские «испытывали» позицию патриарха по данному вопросу. Трудно предположить сильное давление на Иеремию и, тем более, его пребывание на подворье подобное пленнику. Никто не оспаривал первенство Константинополя в православном мире, а русский государь по праву преемства от византийских императоров, как уже отмечалось, все равно должен был оказывать материальную и политическую помощь православному Востоку. Сам патриарх находился в сложном положении: для Османской империи было выгоднее, чтобы Русский митрополит по-прежнему находился в зависимости от константинопольского патриарха.

Совершенно ясно, что русские сразу давали понять свою заинтересованность именно в патриаршестве, а не в официальной автокефалии. Автокефалию *de facto* Москва уже имела, получая патриаршество, Москва получала автокефалию и *de Jure*. Иеремия даже высказывал мысль о том, чтобы остаться в Москве, но его окружение отговаривало, ввиду незнания им местного языка и обычаев. Митрополит Макарий считает, что именно патриарху Иеремии принадлежит мысль об оставлении его на Руси, а не русским. Можно увидеть некоторую эволюцию взглядов патриарха Иеремии на положение вещей. Живя в Москве и познакомившись с русской действительностью, патриарх несколько меняет свои взгляды. Правда, это приводит к двум различным выводам: либо, патриарх хочет перебраться в Москву, но не предоставлять Москве патриаршество; либо, он желает остаться в Москве сам в качестве патриарха. Во втором случае совершенно непонятно – могут ли русские рассчитывать на патриаршество, или Иеремия может остаться в качестве митрополита.

Оба эти варианта Москву не могут устраивать, потому что «патриаршество» стало бы иллюзией. Переезд патриарха Иеремии в Москву

удовлетворял бы лишь в том случае, если он не дарует автокефалию, а переносит кафедру вселенского патриарха из Константинополя в новый, «третий Рим». Однако заявление Иеремии уже вызвало протест в его же свите и к тому же такое решение могло быть только с согласия вселенского собора, что делало его осуществление вообще фантастичным. Восточные патриархаты, тем более в условиях турецкого владычества и духовного окормления местного православного населения, вряд ли согласились бы на подобное действие. Для Москвы приемлемо было именно возведение в сан патриарха уже являвшегося *de facto* главой Церкви митрополита Иова. Это означало для Руси не только признание автокефалии, но и следующие моменты: поставление Русской Церкви наравне с восточными древними патриархатами; исключение всякого возможного воздействия со стороны Османской империи; отсутствие формальных оснований для восточных патриархатов подозревать Русскую Церковь в стремлении усвоить себе достоинство центра вселенского православия. Для этого необходимо было главное – принципиальное согласие патриарха Иеремии.

На официальных переговорах недвусмысленно предлагается патриарху «учинить патриаршество». Из речи царя Феодора видно, что был вариант пребывания патриарха во Владимире, но это явно уже не подходило для Иеремии. Патриаршество возможно только при государях и, поэтому патриарх просит остаться в Москве, а митрополита отправить во Владимир. На заседании боярской думы царем определено просить быть патриархом на Руси Иова. Патриарх Иеремия передал чин посвящения в патриархи, написанный на греческом языке. Царю он показался довольно простым и был составлен чин, основанный на чине Иеремии и чине поставления митрополита, составленный на соборе 1564 года.

Патриарху Иеремии была оказана честь наречения и посвящение в патриархи Иова. Новый патриарх Иов дважды совершил обряд «шествия на осляти» с крестом и св.водой, что выражало величие и единство земного государя и церковного патриарха. Была составлена уложенная грамота, скрепленная царем и печатями обоих патриархов – Иеремии и Иова, подписями митрополитов и греческих иерархов. 19 мая 1589 года вместе с патриархом Иеремией была отправлена на Восток для подтверждения законности деяний, бывших в Москве.

Патриаршество было учреждено, но для реализации идеи «третьего Рима» необходимо было признание Православным Востоком. Наверняка русским хотелось признание первого места в диптихе православных церквей. Действительно Русская Церковь представляла народ давно уже православный в

рамках мощного растущего государства. Вряд ли греки согласились бы на это. Тогда логичным было бы третье место – после Константинопольского и Александрийского.

В мае 1590 года в Константинополе был созван собор, на котором присутствовали, кроме Иеремии, еще два патриарха – антиохийский Иоаким и иерусалимский Софроний со многими лицами греческого духовенства. Александрийская кафедра в то время была вдовствующей. На соборе была составлена грамота, в которой впервые официально устами восточных патриархов высказывалось определение о русском патриаршестве. Патриарх Иов поставляется сразу на пятое место, а Московская кафедра автоматически становится полностью независимой. Грамота подписана тремя патриархами, а также 42 митрополитами, 19 архиепископами и 20 епископами. Вместе с митрополитом тырновским Дионисием грамота доставляется в Москву.

Пятое место в диптихе удовлетворить русских не могла и поэтому с 1590 по 1593 годы неоднократно посылается материальная помощь на восток и ведется оживленная переписка. Москва получает даже обратную реакцию: александрийский патриарх Мелетий Пигас выступает против единоличного посвящение Иова в патриархи Иеремией и решений собора 1590 года, как выражающего мнение не всего Православия. Глава александрийской церкви ссылается на то, что данный вопрос подчиняется только кафедральной церкви. По существу он был прав: согласно Третьему вселенскому собору делать это можно было только с согласия вселенской церкви. Однако по историческому развитию это правило явно уже не соответствовало. Церковь-мать может передать церкви-дочери все, чем она обладает сама и что не наносит ущерба прочим церквям-сестрам. Если бы собор 1590 года определил Русскую церковь выше пятого места, то Александрийская церковь имела полное бы право оспаривать законность такого определения. Пятое место затем было подтверждено на соборе 1593 года, причем, теперь уже редактировал решение сам виновник поставленного вопроса – Мелетий Пигас. Следовательно, протест патриарха Мелетия опирался на формальное соблюдение канонов, а не веление времени.

В Москве же, конечно, было недовольны решениями собора 1590 года. «За норму для определения положения своей церкви и патриарха в ряду других русские принимали не древность своей Церкви, не существовавшие соборные определения относительно других патриархатов, а современное состояние свое Церкви сравнительно с другими восточными церквями, также величие, силу и богатство своего государства». Действительно, Константинополь получил на Третьем вселенском соборе 431 года преимущество чести перед другими

восточными патриархатами ввиду того, что он является «новым Римом», то есть городом императора. Таковым теперь в XVI веке является Москва, но таковую точку зрения восточные патриархаты принять не могли. Поэтому собор 1590 года руководствуется прежними уложениями о достоинстве патриархов и Русский новый патриарх получает пятое место в диптихе.

12 февраля 1593 года состоялся новый собор в Константинополе, на котором присутствовали: константинопольский Иеремия, александрийский Мелетий, иерусалимский Софроний и представители антиохийского патриархата. Собор был созван по настоянию царя Феодора и патриарха Мелетия. Собор подтвердил права Руси на патриаршество, но ссылаясь на каноны вселенских соборов определял то же самое пятое место после Иерусалима. Определение было скреплено подписями и печатями высших духовных лиц, бывших на соборе и вручена царскому дьяку Григорию Афанасьеву для доставки в Россию, что и было исполнено.

«Официально русское правительство должно было примириться с назначением московскому патриарху последнего места, но, в существе дела, такое постановление восточных иерархов оно считало несправедливым, несогласным с истинным достоинством и честью Русской Церкви, даже обидным для нее и унижительным. Поэтому несмотря на соборное определение, оно продолжало считать своего патриарха не только высшим других, но единственно действительным патриархом, обладающим всей полнотой власти и чести патриаршей, противоположно патриархам восточным, патриархам более по имени, чем по действительным правам и чести».

Необходимо отметить, что определения собора 1593 года несколько обидело русских. До времен патриарха Никона они не издавались и, даже, не переводились с греческого языка. Это еще более подчеркивает все ту же мысль, обитавшую в России: русское царство представляет собой «третий Рим» и русское патриаршество, в соответствии с этим, должно занимать третье место в ряду других патриархатов Православного Востока. Тем не менее, установление патриаршества имело для русского государства свое, особенное значение.

Установление патриаршества довершило процесс возвышения Русской Церкви и Государства. Само по себе оно не изменило и не привнесло какие-либо перемены во внутренней жизни Церкви, не дало патриарху новых прав и преимуществ перед государем. По сути патриарх имел те же права, что и митрополит. Характер взаимоотношений патриарха и царя остался все тем же. Патриарх, как прежде и митрополит, находился под контролем светской власти. Учреждением патриаршества было возвышено внешнее достоинство

первосвятителя русского и внесено в богослужение особенное благолепие и торжественность. Внешний блеск патриарха, почет и уважение, которыми он был окружен, в скором времени выдвинули вопрос, издавна назревавший, вопрос о двоевластии, в соотношении двух начал – государственного и церковного.

ЛЕКЦИИ XXII-XXIV. Церковь на Киевской Руси.

До принятия Христианства на Руси, именно князья представляли народ перед богами. Теперь, более независимая церковь привносит идею об учреждении отдельного от государства религиозного института. Сами государственные понятия на Руси были развиты слабо, но церковь не захватывала государственные княжеские права. Примером служила Византия, где епископы скорее контролировали государственную местную власть в провинциях. Церковь на Руси своей жизнью и проповедью приобретала вес во внутренней политике князей. Во многом положение князя, чаще удельного, во многом зависела от отношения к нему епископа. Это, в свою очередь, зависело от того насколько князь заботится о церкви вверенном ему городе.

Например, в 1073 году Святослав Ярославич (+1076) выгоняет из Киева своего брата Изяслава. Сам же Святослав вынужден заботиться о церквях Киева, потому что с христианской точки зрения он – преступник. Подарил даже село Печерскому монастырю, но преподобный Феодосий все равно обличает его. Несмотря на великокняжеское достоинство, Святослав боится низвергнуть игумена монастыря.

Церковь могла стать на путь интриг с князьями, но нам известны лишь два случая такого поведения. В 1164 году по смерти Святослава Ольговича князя Черниговского во время междоусобной войны в Чернигов призвали его сына Олега, до этого с 1159 года правившего в Курске. Епископ Антоний Черниговский, вопреки данной клятве, сообщил тайно Святославу Всеволодовичу в Новгород-Северский (в будущем – великий князь Киевский) – «спеши в Чернигов». Святослав непременно воспользовался представившейся возможностью сесть в Чернигове. Олег же вынужден был в продолжении борьбы занять Новгород-Северский, нарушив права Ярослава Всеволодовича, брата Святослава (в будущем князь Черниговский). Возможно, участие епископа Антония в этой интриге объясняется его неприятием поставления независимо от греческого патриарха русского митрополита Климента Смолятича.

Другой известный случай произошел несколько позже. В 1177 году Рязанский князь Глеб Ростиславич пошёл на Великого князя Всеволода Юрьевича (Георгиевича) Большое Гнездо, севшего во Владимире, сжёг Москву,

ограбил Боголюбово, но был разгромлен, и вместе с сыновьями взят в плен, а затем отвезён во Владимир и посажен в тюрьму. Рязанцы обратились к Черниговскому епископу Порфирию с просьбой об освобождении Глеба, потому что Рязань в то время принадлежала Черниговской епархии. Мстислав Ростиславич Храбрый князь Новгородский, тот самый, кто и подстрекал Глеба на войну против Всеволода, составил даже союз для освобождения Глеба из заточения. Епископ Порфирий едет к Всеволоду Юрьевичу в Суздаль, но в целом не справляется с переговорами, после них будет назван «приветником и лжецом». Глеб Рязанский так и скончается в тюрьме во Владимире, двое племянников Всеволода Ярополк и Мстислав Ростиславичи (соответственно князя Владимирский и Ростовский) ослеплены. Еще несколько лет продолжается междоусобная война. Правда, через десять лет, в 1187 году епископ Порфирий еще раз съездит в Суздаль – для более успешной миссии по предотвращению войны и установлению мира между князьями.

За исключением этих двух нам известных примеров, на протяжении столетий, Церковь стремилась примирить враждующих князей. Мы имеем множество подобных примеров.

Митрополит Киевский Николай (1097-1102) пишет князю Владимиру Всеволодовичу Мономаху (с 1113 года – великий князь; в 1097 году – князь Переяславский; в союзе с Новгородом нанес поражение Олегу Святославичу князю Черниговскому в борьбе за Рязань под Колокшей): «враждою убиваете наследие наше, что деды, отцы стяжали». Мир и удельное правление князей в результате посредничества митрополита были установлены в 1097 году на съезде князей в Любече.

В 1127 году собор русских архиереев призвал Великого князя Мстислава Владимировича (1125-1132) не идти войной против Всеволода Ольговича князя Северского (в будущем – Великий князь, в 1139-1146 годах), прогнавшего своего дядю Ярослава Святославича из Чернигова. Полностью от похода на Всеволода Мстислава отговорил праведный игумен Андреева монастыря Григорий. Всеволоду Мстислав определил княжить в Муроме, а Мстислав примирился со Всеволодом.

Чаще всего епископы Русской церкви были посылаемы князьями в решении дипломатических вопросов. Нифонт епископ Новгородский (1130-1156) в 1135 году пошел в Киев, где обратился с увещанием, не допустив возникновения очередной междоусобице между киевлянами и черниговцами.

Через несколько лет, в 1141 году ему пришлось еще раз мирить князей. Именно Нифонт был главным противником поставления митрополитом Климента без решения из Константинополя. За это сослан в Печерский монастырь Изяславом Мстиславичем.

Церковные люди часто играли большую роль в различных посольствах. Через несколько веков, в дань этой традиции соответствующий орган государства будет так и назван – «Диаконским приказом». Например, представители церкви заключают договор Смоленска, Витебска и Полоцка с Ригой и Готландом («Торговая правда») в 1229 году. Затем, восстанавливали силу этого договора в 1284 году. В Галиче епископ входил в состав княжеского совета.

Конечно, было, как и в Византии, воздействие и в обратном направлении – князья и народ влияли на избрании епископов. В 1156 году Андрей Боголюбский удалил из Ростова епископа Нестора (на ростовской кафедре – с 1147 или 1149 года). Епископ Нестор не разрешал пост по средам и пятницам, если они совпадали с Господскими праздниками (кроме Рождества Христова и Богоявления). Митрополит Киевский Феодор в 1160 году рассмотрел дело Ростовского епископа на соборе и совершенно оправдал его. Правда, Андрей Боголюбский не хотел принимать опального епископа, и Нестору пришлось обращаться прямо в Константинополь патриарху. Патриарх также поддержал Нестора и неоднократно просил Великого князя принять все же Ростовского архиерея.

В 1168 году князь Святослав также изгнал из Чернигова епископа Антония (+1169). Антоний поддержал киевского митрополита Константина II в споре с Печерским игуменом Поликарпом о соблюдении поста в среду и пятницу в тех случаях, когда на эти дни выпадают Господские праздники. Возможно, этот вопрос обсуждался на соборе, созванном Мстиславом Изяславичем. Игумен Поликарп был осужден. Однако этот спор расколол русское общество сильнее, чем можно подумать. Об этом свидетельствует судьба самого епископа Антония. Вскоре после киевских событий 1168/69 г. между ним и Черниговским князем Святославом Всеволодовичем произошел конфликт, приведший к изгнанию епископа из Чернигова. Как рассказывается в Лаврентьевской летописи, Антоний "и князю черниговьскому многажды браняшетъ ести мясь въ Господьские праздники; князю же Святославу... не хотящю ему [и] изверже и изъ епископы".

В 1210 году князь Мстислав Мстиславич Удатный (дед Александра Невского и Льва Галицкого; в это время – князь Торопецкий, позже – Новгородский и Галицкий) удалил Митрофана архиепископа Новгородского (+1223) с кафедры. Архиепископ Митрофан был поставлен в 1199 году князем Всеволодом III Юрьевичем (Георгиевичем) без проведения вече, что не соответствовало новгородскому обычаю. Мстислав Удатный подозревал Митрофана в симпатиях к Всеволоду Большому Гнезду и, придя в Новгород, «убирает» архиепископа в Торопец. Возможно, поводом был «великий пожар» в Новгороде, ответственность за который и была возложена на Митрофана. Князь поставил архиепископом Антония (+1232; в миру — Добрыня Ядрейкович), известного своим описанием паломничества в Константинополь («Книга Паломника») и очень почитаемого, впоследствии, Новгородского святителя. *(...пришъл, прѣже изгнания Митрофаня архиепископа, Добрына Ядрѣковиць изъ Цесаряграда и привезѣ съ собою гробъ Господень, а самъ пострижесе на Хутинѣ у святого Спаса; и волею Божию възлюби и князь Мьстислав и вси новгородьци, и послаша и въ Русь ставиться; и приде поставлень архиепископъ Антонии).* По уходу Мстислава в 1218 году из Новгорода, новгородцы вновь «вспомнили» о канонах Церкви и вернули на кафедру Митрофана *(«новгородьци же въведоша архиепископа Митрофана въ дворъ опять на столъ, а къ Онтонию послаша: «поиди, кде ти любо»).* Архиепископ Митрофан уже оставался на кафедре в Новгороде до своей кончины в 1223 году.

«Добрый и боящийся Бога» монах Хутынского монастыря Арсений был в том же 1223 году избран новгородцами в новые архиереи. Через два года Перемышль, где находился изгнанный еще в 1218 году Антоний, взяли венгры и Антоний вернулся в Новгород. Новгородцы ставят Антония и удаляют Арсения. Вскоре, однако, Антоний занемог, удалился в Хутынский монастырь и, новгородцам пришлось вновь призывать Арсения. Арсений опять был возведен на Новгородскую кафедру, но ненадолго: в 1229 году случился страшный голод и виноватым за грехи по суеверной традиции посчитали своего архиепископа Арсения. Он вынужден был даже спастись от гнева народа и уйти, уже окончательно, в тот же Хутынский монастырь, где пребывал игуменом. Несколько позже князем Ярославом Всеволодовичем переведен в монастырь Святого Георгия.

Юрий Всеволодович Великий князь Владимирский (1212-1216 и 1218-1238 годах) изгнал из Ростова епископа Иоанна за то, что последний

поддерживал брата Юрия Константина (князь Ростовский, в 1216-1218 годах – Великий князь Владимирский). Всеволод Большое Гнездо на соборе бояр в 1211 году отдал Великокняжеский Владимирский стол не старшему своему сыну Константину, а следующему – Юрию. Поэтому, по кончине Всеволода в 1212 году между братьями усилились противоречия и началась вооруженная борьба. На стороне Юрия стал третий по возрасту брат Ярослав (в это время – Переяславль-Залесский, далее – князь Новгородский, Великий князь Киевский, Великий князь Владимирский). Сторону Константина Всеволодовича взяли два младших брата – Владимир (князь Переяславский, в 1217-1227 годах князь Стародубский) и Святослав (князь Юрьев-Польский; впоследствии перешел на сторону Юрия; в 1246-1248 годах Великий князь Владимирский). Нестор епископ Ростовский был одним из самых образованных людей Ростовской земли, за благочестие стал духовником семьи Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, крестил княжича Юрия Всеволодовича (Георгия) и был его воспитателем. 23 января 1190 года в Киеве он был митрополитом Никифором по выражению летописца «поставлен бысть пастухом всей земли Ростовской и Суздальской и Владимирской». Именно Нестор основал в Суздале Ризоположенский монастырь, в котором впоследствии будет пребывать преподобная Евфросиния Суздальская. При нём закладывается, обновляется, освящается ряд церквей во Владимире и Суздале. В 1202 году освящал знаменитый храм Успения Богородицы во Владимире.

Константин опирался на право старшего в роду и вскоре начал претендовать на великое княжение. Юрий, желая покончить миром, уступал ему Владимир, а себе просил Ростов, но Константин не соглашался, желая взять себе и Ростов и Владимир, а Юрия отправить в Суздаль. На съезде в Юрьеве Константин и Юрий примирились, но в 1213 году Константин опять задумал идти на Юрия. Юрий, однако, предупредил его, сам подошёл к Ростову, пожёг здесь множество селений. Именно в это время епископ Нестор выступил на стороне Константина. Юрий после занятия Ростова и изгоняет Нестора из города. Нестор принимает схиму и удаляется в Боголюбов Рождество-Богородицкий монастырь. Проживет здесь епископ около года и скончается в 1214 году. "Мощи его святые с песнопениями принесены быша в град Суждаль, и вси людие течаху на сретение блаженному со свещьми и кадилы и сретше со слезами многими положиша в соборной церкви Рождества Богородицы на правой стороне, где они и ныне почивают под спудом, чудеса источая неоскудно".

Несколько позже, в 1229 году собрание русских князей сместило Кирилла епископа Ростовского с кафедры за приобретение «многих имуществ». С Кириллом связывают активную книгописную деятельность в Ростове с началом его епископства в 1216 году. Предполагают, что он имел большую библиотеку и что по его инициативе был осуществлён перевод полной редакции Жития Нифонта Констанцкого. Одновременно, Кирилл был известен как обладатель огромных богатств. Имел с неким неизвестным лицом тяжбу перед князем Ярославом Всеволодовичем (в 1229 году – князь Переяславль-Залесский и Новгородский) по решению суда которого был лишён почти всего имущества. После суда оставил Ростовскую кафедру, а оставшееся своё имущество роздал нищим.

На Руси с Крещением развивается монашество. В Византии в X веке закончилась борьба между «политиками» и «зилотами». Победа осталась за монашеством, которое отстаивало духовную и политическую свободу. Империя не только была покрыта монастырями, но усматривается явное тяготение к высшей духовности и чистоте. Образцом этой духовности для любого христианина вновь, как и в IV веке в Египте, стал отшельник. В суровой жизни именно молитвой человек должен призывать Бога. Духовная борьба продолжается и в миру. Монастыри (например, Студийский или Акимитский) являются также образцами «икономии», идеально, подобно потерянному раю, построенной жизни – имеют школы, больницы, подсобные помещения, библиотеки, приюты.

Монашество на Руси возникает, видимо, еще при князе Владимире. Согласно летописям – при Ярославе в 1037 году основан монастырь Святого Георгия в Киеве. В том же XI веке основан также и Ириновский монастырь. Это были так называемые ктиторские, или, лучше сказать, княжеские обители, ибо их ктиторм был князь. Из позднейшей истории этих обителей видно, что древнерусские князья использовали свои ктиторские права на монастыри. Особенно это сказывалось при поставлении новых настоятелей, то есть можно говорить о точном повторении характерных для Византии отношений между ктиторм и основанным им монастырем. Такие монастыри обыкновенно получали наименование по имени святого покровителя ктитора (христианское имя Ярослава — Георгий, а Ирина — имя святой покровительницы его супруги). Эти обители становились потом родовыми монастырями, они получали от ктиторов деньги и другие дары и служили им семейными усыпальницами. Антоний долгое время жил и молился на Афоне и в 1051 году он основал, пожалуй, самый знаменитый из древне-русских монастырей – Киево-Печерский.

Можно еще обозначить Спасо-Берестовский монастырь, основанный в 1072 году монахом Германом. Стефан из Печерского монастыря, ученик преподобного Феодосия основал Клопский Влахернский. Несколько позже, преподобный Антоний Римлянин основал в Новгороде монастырь Рождества Пресвятой Богородицы.

В Византии с X века реставрируется Студийский устав Феодора Студита (+826). Эта работа в основном относится к патриарху Антонию (1025-1043), к которому восходит полный список устава и дополнение к нему правилами древних устроителей монашеской жизни, обычаями церкви, порядками службы и быта других монастырей. Преподобный Феодосий Печерский около 1070 года ввел Студийский устав для Киево-Печерского монастыря, откуда распространился и в другие монастыри. Внутренний смысл, воспринятой русскими традиции заключался не столько в самоотречении, сколько в милосердии, действенной братской любви. Проповедь христианских истин происходит не столько словом, сколько примером.

От Антония Печерского (+1073) начинается традиция пещерничества и затворничества, которые пришли вместе с Преподобным из Афона. Антоний нашел на берегу Днепра пещеру Илариона (будущий митрополит Киевский). Подвижничество приобретает у Преподобного русские черты – обитание в крайне сырой пещере с явной нехваткой воздуха. Эта традиция развивается у последующих подвижников, совмещаясь с затворничеством и столпничеством (например, свв. Прохор Лебедник, Исаакий, Лаврентий, Иоанн).

Книжность и школьное просвещение не входило в устав монастырей. Однако Печерский монастырь складывался по примеру Студийского – и, поэтому, сразу возникает библиотека. Монах Иларион – первый писатель на Руси, брат Никон – переплетчик. Неграмотные практически отсутствуют. Насельником лавры был и знаменитый Нестор Летописец, традиционно считающийся автором «Повести временных лет».

Мало сведений у нас о «народной» религиозности. В основном она заключалась в набожности, любви к молитве и благоустроительстве церквей. Согласно «Житию Бориса и Глеба», Борис ежедневно поет заутреню. Владимир Мономах наказывает своим детям молиться утром и вечером. Распространено было почитание святых чудотворных икон. Богородица Владимирская очень почитаема в Киеве, София Полоцкая – в Новгороде (в 1066 году Всеслав князь Брючиславич Полоцкий унес из Новгородской Софии колокола и сосуды; в 1174

году Андрей Боголюбский «грабиша» Софию Киевскую и Десятинную церковь; еще раз ограбил Киев, увезя его святыни в 1203 году, Рюрик Черниговский).

Особенно любили русские паломничества. При Ярославе на Восток ходил преподобный Антоний Печерский, затем - Феодосий. Даниил совершает паломничество в 1104-1106 годах на Святую землю. Опишет позже свое путешествие в книге «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земле». Святая Евфросиния Полоцкая (+1173) в конце жизни совершила паломничество в Иерусалим, где скончалась и была погребена в монастыре Феодосия Великого. В Иерусалиме основан русский монастырь Пресвятой Богородицы. Епископ Нифонт Новгородский (+1156) даже запрещает новгородцам ходить в паломничество, чтобы на полях остались работники, потому что в дороге «праздно пьют и едят».

ЛЕКЦИИ XXV-XXVII .

Русская Православная церковь во время татаро-монгольского нашествия.

Термин «монголы», видимо, впервые употребляется в китайских источниках X века в форме «мэн-у ши-вэй» — «монголы-шивэйцы». Предположительно первоначальным местом расселения прамонгольских племён было междуречье рек Аргунь и Онон, откуда в VIII они перекочевали в Трехречье (бассейн рек Онон, Керулен и Туул). В XII веке сложилось государственное образование монголов Трёхречья — улус Хамаг Монгол («Все Монголы»). Первым ханом улуса был Хабул-хан, который объединил, согласно «Сокровенному сказанию монголов», 27 племён нирун-монголов («собственно монголов»), главенствующие положение среди которых занимали племена-роды хиад-борджигинов и тайчудов. После его смерти (в середине XII века) объединенный им улус распался. Позже, объединение различных племен возглавил Есугей-Боатур. Он не был непосредственно ханом, а главой рода Борджигидов. Однако союз племен не был достаточно крепким. Вдова Есугея с малыми детьми, старшим из которых был Темучин (родился около 1155 г), лишилась поддержки большинства монгольских ханов. Примерно в 1185 г. совместно с ханом сильного керейтского союза племен Ван-ханом Темучин разгромил теркитский союз и выдвинулся в один ряд с наиболее известными монгольскими ханами. Одно за другим под его власть переходили монгольские племена - джалаиры, тархуны, аруланды. В 1189 г. монгольская степная аристократия этих племен избрала Темучина ханом, присвоив ему титул Чингизхана (Великого хана). В 1206 г. после победы над керейтским и найманским союзами племен Чингизхан на всемонгольском курултае был провозглашен ханом всей Монголии.

Степень развития социальных отношений и культуры этих монгольских союзов племен была разной. В то время как найманы и керейты создавали государственные объединения (ханства), другие племена еще находились на стадии распада родовых отношений.

Единое Монгольское государство представляло собой абсолютную военно-феодальную монархию, организованную по десятичной системе. Вся территория страны была разделена на два больших округа, которые в свою очередь делились на "тьмы" (с населением по 10 тыс. человек каждая), "тысячи", "сотни", "десятки". Во главе этих военно-административных подразделений стояли

преданные Чингизхану нукеры. Кроме того, в своем распоряжении он имел личную 10-тысячную гвардию.

С 1206-1207 гг. монголы стали проводить по отношению к соседним землям и странам экспансионистскую политику. Они осуществили опустошительные набеги на тунгусское государство Си Ся, тогда же были завоеваны киргизы, окончательно покорены найманы и теркиты. В состав улуса Джучи - сына Чингизхана были включены земли Восточной Европы, которые еще предстояло завоевать. Судя по сообщению персидского историка Рашид-ад-Дина, "Джучи на основании высочайшего повеления Чингизхана должен был отправиться с войском завоевать все области Севера, то есть земли Ибир-Сибир, Булар, Дешт-и-Кыпчак, Башкирд, Рус и Черкес".

Реализация этого гигантского замысла началась в 20-е годы XIII в. Разгромив силы хорезмского шаха Мухамеда и покорив Среднюю Азию, монголы расчистили себе путь в Закавказье и Юго-Восточную Европу. В 1220 г. Чингизхан направил 30-тысячное войско во главе с опытными полководцами Джебе и Субедеем в район южного побережья Каспия и Северного Кавказа.

Разбив грузинское войско и захватив Тифлис, монголы через Дербент вышли в степи Северного Кавказа. Здесь их встретили объединенные полки половцев, яссов, черкесов и других племен. Первая битва не дала преимущества ни одной из сторон, и монголы решили разъединить силы противника - уговорить половцев оставить своих союзников. Богатые подарки и лукавые слова об общности происхождения сделали свое дело - половцы отошли в причерноморские степи. Разгромив племена Северного Кавказа, монгольские войска вскоре настигли и половцев. В битве, происшедшей в 1222 г. на Дону, половецкие орды были разбиты; много половцев погибло, в том числе и ханы Юрий Кончакович и Даниил Кобякович. Хан Кобяк с остатками войска отступил к Днепру, надеясь на помощь русских войск. Причиной особой нетерпимости к своим далеким сородичам кипчакам были их богатые земли, которые монголы хотели сделать своими.

В 1223 г., как свидетельствует летопись, старейшими князьями на Руси были Мстислав Романович Киевский и Смоленский (Великий князь в 1214 - 1223), Мстислав Святославич Черниговский (1219-1223), Мстислав Мстиславич Галичский (Удатный; 1213-1214, 1219-1226; +1228). Перед лицом монгольской опасности князья-сюзерены прибыли в Киев для принятия решений. На совете должен был быть и Владимиро-Суздальский князь Юрий Всеволодович (Великий князь Владимирский 1212-1216; 1218-1238).

Половцы усиленно задаривали князей конями, верблюдами, буйволами и невольницами и утверждали, что «если не поможете нам, то сегодня мы будем изсечены, а завтра вы».

Князья-сюзерены решили помочь половцам. "Лучены бы есть прията я на чюжой земле, нежели на своей". Им удалось собрать огромное войско, состоявшее из киевских, смоленских, галичских, волынских, чернигово-северских, курских и владими́ро-суздальских полков. Ипатьевская летопись сообщает, что у Хортицы собрались "невиданья рати, и сущий с ними конници". Конница шла степью, а пехота спускалась по Днепру на ладьях. Судов было столько, что на них можно было перейти реку с одного берега на другой. Галицкие и волынские отряды спустились по Днестру, переплыли Черное море и поднялись по Днепру до порогов. Большие силы собрали также и половцы. Отправлен был отряд и от Юрия Суздальского, во главе с его племянником Василько Константиновичем (первый князь Ростовский, 1211-1238); но отряд этот опоздал в своем движении и не успеет соединиться с основными русско-половецкими силами.

Узнав о выступлении русской рати, татары прислали князьям послов, которые сказали следующее: «Слышали мы, что вы пошли против нас, послушавшись половцев, а мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили; пришли мы попущением Божиим на холопей своих и конюхов, на поганых половцев, а с вами нам нет войны; если половцы бегут к вам, то вы бейте их оттуда и добро их себе берите; слышали мы, что они и вам много зла делают, потому же и мы их отсюда били». Русские князья эти словам не поверили и упустили последнюю возможность мира, а послов перебили.

Первое столкновение с авангардными силами монголов в Половецком поле объединенные русско-половецкие полки выиграли. Ибн ал Асир сообщил, что "возгорелось в урусах и кипчаках желание разбить татар: они думали, что те отступили из страха и по слабости, не желая сражаться с ними, и поэтому стремительно преследовали татар. Татары все отступали, а те гнались по следам 12 дней". Передовые русские полки пригнали татар к реке Калке, впадавшей в Азовское море.

Но это была уловка татар. Мстислав Удатный приказал Даниилу Галицкому перейти реку, затем перешел и сам вместе с половецким вождем Яруном. Прочие князья не знали об этом движении и они стали станом. Не дав русским и половцам приготовиться к битве, татары развернули против них свои основные силы, и перешли в наступление. Даниил Романович первым мужественно врубился в татарские ряды, само же сражение отличалось крайним

ожесточением. Победа могла склониться и на сторону русских, но вдруг побежали половцы и стали топтать станы русских князей, еще не вступивших в битву. Сражение на реке Калке 31 мая 1223 г. закончилась сокрушительным поражением русских и половцев. Несогласованность действий князей-сюзеренов, одновременное вступление в бой русских полков, отсутствие стойкости половцев имело губительные последствия. Не спасли положения храбрость и героизм русских воинов (особенно отличился 18-летний галичский князь Данило Романович). Полки Мстислава Удалого и Даниила Романовича были окружены и почти все перебиты. Мстислав Киевский отбивался от татар отступая в течении трех дней, но был настигнут и окружен. Вождь бродников Плоския убедил князя сдаться, татары, мол, не убьют, а отпустят за выкуп. Связанных князей положили на землю, а на их тела татары положили доски и пировали. Мстислав Черниговский погиб вместе с сыном во время бегства к Днепру. В битве на Калке погибло шесть князей, по летописным данным, из простых воинов вернулся только каждый десятый, а количество убитых киевлян достигло 10 тыс. Василько Константинович Ростовский, подойдя к Чернигову и услышав о побоище на Калке, вернулся назад.

Скоро после своей победы на Калке татары исчезли, и о них некоторое время вообще не было известно.

Битва на Калке стала переломным моментом в истории Руси. Она не только значительно ослабила силы русских княжеств, но и посеяла на Руси панику и неуверенность. Не случайно летописцы все чаще отмечают загадочные явления природы, считая их знамением будущих несчастий. В памяти русского народа битва на Калке осталась как трагическое событие, после которого "Русская земля сидит невеселая". Народный эпос именно с ней связывал гибель русских богатырей, отдавших жизнь за Родину.

Великий Чингиз хан умер в возрасте семидесяти двух лет в 1227 году, но, довольно, неожиданно – его зарезала молодая жена одного хана, которую, вероятно, силою отняли от мужа и передали Чингиз хану. Власть в огромной Монгольской империи перешла к его сыновьям. Великим ханом стал Угедей (или Октай, третий сын Чингиз хана; 1229-1241). Он и его ближайшие советники разработали план новых завоеваний. На курултае 1235 г., согласно свидетельству персидского историка Джувейни, "состоялось решение завладеть странами Булгара, Асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще покорены и гордились своей многочисленностью". Общемонгольский поход на запад должен был возглавить внук Чингизхана Батый, в помощь которому придавались силы большинства чингизидов - Менгу-хана, Гуюк-хана, Бучека, Кулькана, Монке, Байдара, Тунгута, Бюджика и даже

Субедея, одного из "четырёх свирепых псов Чингизхана", отозванного из Китая. Местом сбора всех войск были определены верховья Иртыша и западный Алтай.

В течение осени 1236 - весны 1237 г. монголо-татары во главе с Субедеуем завоевали Волжскую Булгарию. Русский летописец так прокомментировал это событие: "Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татары, и взяша славный Великий город Болгарьский и избиша оружием от старца и до унаго и до сущаго младенца, и взяша товара множество, а город ихъ пожгоша огнем, и всю землю ихъ плениша".

Перед самым нашествием татар на Русь было несколько грозных предзнаменований. Лето перед самой битвой на Калке отличалось необычайной засухой и сильным зноем; по всей Руси полыхали лесные пожары, а осенью на небе появилась огромная комета. В последующие годы засуха и пожары продолжалась, а в Новгородской и Владимирской землях свирепствовал страшный мор, от которого люди «резаху свою братью и поедяху». Затем произошло несколько землетрясений. Отмечаются подземные толчки во Владимире: во время литургии задвигались паникадила и колебались иконы и светильники. В Киеве землетрясение произошло в день памяти Святого Феодосия (3 мая 1230 года) – попадали столы с яствами для гостей и монахов и кирпичи зданий. В Переяславле на Альте каменный храм расселся в двух углах, и упала кровля. Еще через десять дней случилось солнечное затмение, при этом по небу ходили необычные столпы различных цветов. Вокруг солнца образовались круги, а чуть далее – полукруги с крестами. Особенно грозное явление было в Киеве – от этих столпов отделилось некое огненное облако и понеслось на город, но затем упало в Днепр. Многие побежали каяться в грехах и стали прощаться со своими близкими, ожидая скорого конца света. Еще одно затмение солнца произошло в августе 1237 года уже перед самым татарским нашествием.

Удар по Северо-Восточной Руси пришелся на зиму 1238 г. Рашид-ад-Дин сообщает, что он не был спонтанным; решение о нем принималось на курултае всех монгольских ханов. Судя по письменным источникам, вторжение монголов в пределы Северо-Восточной Руси не было неожиданным и для русских князей. Концентрация монгольских войск у юго-восточных границ земли не могла остаться незамеченной. Венгерский монах Юлиан из разговора с суздальским князем узнал, что "татары днем и ночью совещаются, как бы прийти и захватить королевство венгров-христиан". О готовящемся нападении монголов сообщали русским князьям и беженцы из порубежных областей, которые массово хлынули в глубинные районы Руси. И все же приходится констатировать, что русские князья так и не сумели подготовиться к отражению врага.

Первым на пути монголов оказалось Рязанское княжество. Татары остановились на одном из притоков реки Суры и отправили послов к князю Юрию Игоревичу Рязанскому. Это была некая женщина-чародейка и двое мужчин – они требовали десятину от всего, от князя, простых людей и всего скота. Безуспешно обращался князь за помощью в Чернигов и Владимир. Он ее так и не получил. Слова Юрия – «коли нас не будет, то все ваше будет», татары поняли буквально. В битве неподалеку от реки Воронеж рязанские дружины были разгромлены. "Повесть о разорении Рязани Батыем" сообщает о кровопролитной сече, в которой победа монголам далась нелегко. "Едва одолеша их сильные полки татарския". Один за другим пали города Пронск, Белгород, Ижеславец. 16 декабря 1237 г. объединенные силы монголо-татар осадили столицу княжества Рязань. По сообщению Рашид-ад-Дина, у ее стен были Батый, Орда, Гуюк-хан, Менгу-хан, Кулькан, Кадан и Бури. Шесть дней осажденные удерживали город, но 21 декабря он был взят монголами и подвергнут страшному разгрому. Суздальский летописец, а также автор "Повести о разорении Рязани Батыем" рисует страшную картину гибели Рязани. "Множество мертвых лежаша, а град разорен, земля пуста, церкви пожжены ...) только дым и земля и пепел". Юрий Всеволодович Владимирский скорее всего не успел или не смог собрать ратников с Владимирской земли, потому что и для защиты Владимира собрать войско не удалось.

Сохранилось русское сказание («Повесть о разорении Рязани Батыем»). о том, что Юрий Игоревич Рязанский (1235-1237) послал для переговоров своего сына Феодора. Батый узнав, что у Феодора красавица-жена Евпраксия, объявил, что желает видеть ее. Феодор с негодованием отверг это предложение и был убит. Молодая княгиня Евпраксия ожидала мужа с младенцем на руках на хорах храма Святого Николая. Когда ей принесли страшное известие, что «ради любви и красоты ее, князь убиен бысть», она ринулась со всей высоты храма на землю и «заразилась», то есть убилась до смерти. Храм на реке Осетр получил наименование Николы Заразского.

От Рязани вражеские полчища устремились к Коломне и Москве. По пути были разграблены города Ольгов, Переяславль-Рязанский и др. Войско Юрия Всеволодовича в битве под Коломной потерпело поражение, хотя и изрядно потрепало монгольские полки. Летописи отмечают, что у Коломны "бысть сеча велика". Здесь у Коломны был ранен и умер один из потомков Чингисхана - Кулькан. Битва у Коломны явилась одной из крупнейших в кампании 1237 г. Объединенные владимирские силы не смогли преградить путь монголам к столице Северо-Восточной Руси.

В начале февраля 1238 г. Батый привел войска к Владимиру, до этого овладев Суздалем. Предложение о добровольной сдаче города было решительно отвергнуто Владимирцами. Покинутые своим князем Юрием Всеволодовичем, они героически защищали город от объединенных монгольских полчищ, но удержать его не смогли. Стенобитные машины в нескольких местах разрушили городские стены, куда и устремились штурмующие.

Город запылал пожарами. Монголо-татары устроили жестокую резню. Погиб и сын Юрия – юный Всеволод, возглавлявший оборону города. В соборном Успенском храме, согласно летописцу, они живьем сожгли великокняжескую семью и "множество бояр и народа". Епископ Митрофан громогласно с амвона отпускал грехи умирающим, говоря сквозь слезы «Господи! Прости невидимую руку свою и прими в мире души рабов твоих». Из бывших в храме не спасся никто.

Вслед за Владимиром пали города Ростов, Углич, Ярославль, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский, Кашин, Тверь, Торжок, Городец, Кострома. На реке Сити передовые отряды монголо-татар под водительством Бурундая настигли войска великого князя Юрия Всеволодовича. Состоялась новая битва. "И бысть сеча зла", отметил летописец. Захваченные врасплох, полки Юрия Всеволодовича смешались перед ударом монгольской конницы и были опрокинуты. На поле боя полегло множество русских воинов; в сражении пали князья Юрий и Святослав Всеволодовичи. Племянник князя Юрия, Василько, тот самый кто не успел к сражению на Калке, был татарами взят в плен. Убит был татарами в Шеренском лесу. Епископ Кирилл Ростовский (1216—1229) нашел обезглавленное тело Юрия Всеволодовича и Василько и похоронил их в соборе Ростова. Позже погреб он и голову Юрия. Через два года гробы с телами были перенесены во Владимирский собор, где произошло чудо – глава Юрия прильнула к телу.

В верховьях Оки монголы встретили ожесточенное сопротивление небольшой крепости Козельск. Несмотря на малолетство своего князя Василька и требование монголов сдать город, козельчане решили защищаться. Летописец расценивает это решение как проявление "крепкодушного ума". Семь недель продолжалась героическая оборона Козельска. Козельчане уничтожили около 4 тыс. монголов, но отстоять город не смогли. Подведя к нему осадную технику, войска Кадана и Бури разбили городские стены и ворвались в Козельск. Батый приказал убить всех его жителей, "не пощад отъ отрочать до ссущих молоко". Князь Василько, по преданию, утонул в крови. Город Козельск Батый назвал "злым городом".

После падения Твери и Торжка перед монголами открывался путь на Новгород. Но, не дойдя до него 100 верст, у Игнач-Креста они неожиданно повернули на юг, пройдя по восточным землям Смоленского и Черниговского княжеств в половецкие степи. По-разному объясняли исследователи этот "уход" татаро-монголов на юг. Наиболее реальным представляется мнение о том, что уставшие и сильно потрепанные монгольские войска нуждались в длительном восстановлении своих сил. К тому же, начиналась весенняя распутица, которая в условиях новгородских лесов и болот представляла для монгольской конницы непреодолимую преграду. Новгород и другие, северные и северо-западные русские города и земли избежали печальной участи Северо-Восточной Руси.

Весной 1239 г. Батый возобновил завоевательные походы на Русь. Объектом нападения стали Переяславльское и Черниговское княжества. В начале марта монголы появились у стен Переяславля - сильной южнорусской крепости, имевшей многовековой опыт борьбы с кочевниками. На этот раз порубежной твердыне не удалось отстоять свою неприкосновенность. После непродолжительной осады город был взят монголами, разрушен и сожжен. "И взять градъ Переяславль копьемъ, - писал летописец, - изби Вет и церковь архангела Михаила скруша, и сосуды церь-ковныя бещисленные златыя и драгого камня взять, и епископа преподобного Семеона убиша". Не только Михайловский храм, но и все другие церкви Переяславля были разрушены, укрепления сожжены, а защитники города истреблены или взяты в плен.

Осенью 1239 г. монголо-татары вторглись в пределы Черниговской земли и вскоре осадили столицу княжества, попытка князя Мстислава Глебовича прийти на помощь осажденному Чернигову не увенчалась успехом: под стенами города "побежден бысть Мьстиславъ и множество от вой его избиенымъ бысть". Защитники Чернигова "со града метяху на Татаръ камение съ стень за полтора перестрела, а камение яко же можаху четыре человеки силнии подъяти". После длительной осады и отчаянных сражений на стенах крепости монголам удалось все же овладеть городом. Случилось это, как явствует из сообщений Псковской первой летописи, 18 октября 1239 г. Город был сожжен, люди истреблены, монастыри и храмы разграблены. До сих пор археологи обнаруживают следы этого страшного разгрома. Город восстановился в древнерусских пределах только к XVIII в.

На короткое время в Киеве утвердился князь Ростислав Мстиславич Смоленский, однако был изгнан оттуда Данилом Романовичем и заменен галичским воеводой Дмитрием. Ситуация на юге Руси почти в точности повторяла ситуацию, имевшую место тремя годами ранее в Северо-Восточной

Руси. В обоих случаях их столицы - Владимир-на-Клязме и Киев были оставлены великими князьями перед подходом вражеских сил.

В ноябре 1240 г. монголы осадили Киев. Летописец, современник, а может и свидетель этих событий, исключительно образно описал появление огромного войска у стен Киева. "И бе Батый у города и отроци его объседяху градъ, и не бе слышати отъ гласа скрипания телегъ его, множества ревения вельблудъ его, и ръжания отъ гласа стадъ конь его". Во время одной из вылазок киевлянам удалось захватить некоего Товрула, который сообщил, что под Киевом собрались все силы Батая, участвовавшие в походе на Южную Русь. О длительности обороны Киева и точной дате его падения в письменных источниках сохранились разные свидетельства. Ипатьевская летопись, которая наиболее полно и содержательно рассказывает об этом трагическом в жизни Киева событии, вообще не приводит точных дат. Лаврентьевская сообщает, что Киев пал на Николин день, или 6 декабря 1240 г. Псковская третья летопись подает другую дату катастрофы - 19 ноября, но зато указывает на длительность осады - 10 недель и 4 дня.

Из Киева главные силы Батая устремились к Владимиру Волынскому и Галичу. С огнем и мечом шли они по Киевской земле. Раскопки Вышгорода и Белгорода, городищ по Тетереву, Случи, Горыни, Южному Бугу и другим рекам обнаруживают следы героической обороны и гибели этих центров. В Волынской и Галичской землях таких городов было больше, нежели в Среднем Поднепровье. Из летописи известно, что монголо-татарам не удалось овладеть Даниловом, Кременцом, Холмом. Владимир-Волынский, красотой которого любовался в 1231 г. венгерский король и считал, что такого города нет и в "немецких странах", не избежал печальной участи завоеванных монголами городов. Он был "взят копьём" и подвергнут жестокому разгрому. Галич был взят войсками Батая после трехдневной осады и также разрушен. Летописец не приводит подробных свидетельств битвы за столицу Галичской земли, однако его замечание, что она разделила печальную участь Владимира, указывает на огромные масштабы постигшей ее катастрофы. Раскопки показали, что многие жители Галича, как и других древнерусских городов, погибли в храмах и церквях. После монгольского разгрома Галич опустел; столица земли была перенесена в Холм, а новый город с одноименным названием был основан на другом месте.

Монголы далее преследовали половцев в Венгрии. Вначале был взят Краков, затем – в битве под Легницей разбили польско-немецкое рыцарство. Венгров разбили у реки Шайо и сожгли большую часть городов и крепостей. Королю Вячеславу Чешскому удалось преградить дорогу татарам, а воевода

Ярослав нанес монгольским отрядам поражение под Оломоуцем. Чехия избежала разорения. К 1242 году войско Батыея вышло к Адриатическому морю, завершив, тем самым Великий поход. Половцы же оказались загнаны в Венгрию и стали вассалами венгерских королей.

В 1242 году скончался Великий хан Угедей. Во время Великого похода на Запад Батый поссорился с сыном Угедея, Гуюком. Бури, сын хана Чагатая, также оскорбил Батыея и, будучи руководителем похода, Батый выслал обоих из своей армии. По смерти Угедея, Великим ханом мог быть выбран Гуюк и, поэтому, Батый по получении вестей из далекого Карокоума, поворачивает армию в обратном направлении. Гуюк и был избран Великим ханом в 1246 году и вскоре, в 1248 году направил огромную армию против Батыея. Батый спешно собирает войско, подкрепляя его русскими, половцами и осетинами. Однако первой гражданской войны не получилось – во время похода на запад, в Мавераннахре неожиданно Гуюк умер. Вдова Гуюка Огул-Гаймыш ничего не предпринимала до курултая 1251 года и Батыею удалось поддержать кандидатуру двоюродного брата Мунке (1251-1259), сына Толуя. Сам Батый получает титул ака (то есть старший в роде), а Мунке смог подавить нарождавшуюся династическую смуту. Сразу после победы Мунке провёл следствие и суд, после которого приказал казнить семьдесят семь человек из числа своих противников — некоторых князей родов Угэдэя и Чагатая и их нойонов, в первую очередь темников и тысячников из их войск. Была также казнена и Огул-Гаймыш вместе с рядом её сторонников. Конфискованные у них владения были разделены между Мунке и Батыеем, а также другими чингизидами, признавшими их власть.

Батыею достался Улус Джучи (Улус Улус – Великое государство; в русском более позднем варианте – Золотая Орда). На нижнем течении Волги, недалеко от современной Астрахани (Харабалинский район Астраханской области) была основана новая столица, по сути, резиденция для асы, Сарай Батый (Сарай Бату; Старый Сарай). Правда, Русь до 1279 года официально подчинялась Великому хану (кану) в далеком Карокоуме, в который и будут ездить русские князья.

У монголов сохранялась веротерпимость. Были свои кудесники, маги, «камы», по сути, посредники между людьми и духами природы. Иные боги – буддийские, мусульманские и христианские уравнивались в своих правах. Правда, князья должны были, согласно установленному Чингис ханом правилу еще на курултае 1206 года, воздавать традиционные почести Великому хану. К моменту завоевания Руси, в Орде уже были христиане – тюрки уйгуры исповедовали несторианство, были христианами и монголы-кераиты. Христиане пользовались достаточным авторитетом среди монголов – хан Мунке ставил христиан выше мусульман и язычников. По сообщению Марко Поло, хан

Хубилай (1260-1294) у себя в Карокооруме отмечает Пасху и Рождество. Женщины-кераитки были женами нескольких ханов.

В религиозной жизни господствовал закон «Ясы» (Их засаг хууль — закон великой власти), — название уложения Чингис хана, которое он, по преданию, издал на великом всемонгольском курултае и которое постоянно подтверждалось его преемниками. Много христиан сохранялось в южных, среднеазиатских регионах Монгольской империи.

Церковь всегда оставалась свободной. С церкви дань не бралась, только в 1246 году по настоянию Батыея проведена перепись. В 1257 году, при приходе во власть Улуса Джучи (Золотой Орды) хан Берке (1257-1266) принимает ислам. Несмотря на естественные симпатии к вере пророка Мухаммеда, сохраняется и благожелательное отношение к русскому Христианству – приглашает в Орду епископа Кирилла Ростовского и учреждает в Сарае отдельную кафедру. Баклярбек (управляющий областью, внутренним улусом) западной части Золотой Орды (на территории от левого берега Дуная до Днестра) Ногай (1270-е – 1300) сохранял язычество, но был женат на Евфросинии, дочери византийского императора Михаила VIII Палеолога (1261-1282). Хан Улуса Джучи Менгу-Темир (1266-1282) принимает митрополита Киевского Кирилла (+1282) и дает ему ярлык, которым ограждалась неприкосновенность веры и прав духовенства от посягательств монгольских чиновников. Этот ярлык не на словах, а реально защищал духовенство. Хан Золотой Орды Узбек-хан (1313-1341) хоть и был выдвинут исламской партией в орде, сам принял ислам (около 1320 года), но сохранил уложения «Ясы». Сам был женат на дочери императора Андроника II Палеолога (1282-1328). Свою сестру Кончаку выдал замуж за Юрия Даниловича князя Московского (в 1318-1322 годах Великий князь Владимирский) и позволил ей принять Православие. Митрополит Феогност (1328-1353) дважды ездил в орду к хану Джанибеку (1342-1357) и во второй свой визит в 1343 году, несмотря на обвинения в укрывательстве дани от монголов, сохранил льготы Русской церкви в положениях старого ярлыка.

ЛЕКЦИИ XXVIII-XXX.

Русская Православная церковь после татаро-монгольского нашествия.

С новыми условиями существования церкви при татаро-монгольской власти уже столкнулся митрополит Кирилл III.

В 1205 году у Завихвоста в сражении своей малой дружины с краковским князем Лешко Белым и Конрадом Мазовецким погиб Роман Мстиславович Галицкий. Венгерский король Андраш II (1205-1235) занял Галич, что не позволило Рюрику Ростиславичу отобрать княжение у малолетнего Даниила Романовича. Однако, в страхе перед новым приходом Рюрика, вдова Романа Евфросиния-Анна, дочь византийского императора Исаака II Ангела, прячет Романовичей во Владимире Волынском, а, позже, в Кракове. Вскоре Даниил начал борьбу за Галицко-Волынское наследие отца с боярами и с сильными претендентами – Рюриком и Мстиславом Удалым. К 1231 году Даниилу удалось сесть в Галиче и объединить под собой почти все княжество. Участвовал Даниил и в печально известной битве на Калке в 1223 году, причем первым перешел реку и сражался в центре русских сил. В 1240 году Даниил стал Великим князем Киевским, но столкнулся с монгольским нашествием. Сам Даниил оставил в Киеве тысячника Дмитрия занимался заключением династического брака с королем Венгрии Белой IV. Когда татары ушли, Даниил занялся восстановлением городов и начал собирать разбежавшихся жителей, но ему сильно мешали смуты среди галицких бояр, которые продолжали свои козни даже в такие тяжелые дни. Даниил принял участие в борьбе венгерского короля с чешским из-за австрийского наследства (походы 1248 и 1253 годов). Сын его Роман женился на наследнице австрийского герцогства в 1252 году и заявил свои притязания на эту область. Несмотря на ужасы татарского нашествия, Даниил значительно усилил Галицкое княжество и, чтобы не вызывать беспокойство в Орде, едет в Сарай, где признал зависимость от ханов. Почти одновременно, Даниил ведет переговоры с римским папой Иннокентием IV (1243-1254), который предлагает Даниилу королевскую корону и помощь против Орды в обмен на католизацию русских земель. Даниил согласился принять королевский венец и в январе 1254 года, был коронован в Дрогочине (он так и останется единственным русским королем); в том же году установился недолгий мир с Литвой. Уже в 1253 году Иннокентий IV объявил крестовый поход против Орды, призвав к участию в нём сначала христиан Богемии, Моравии, Сербии и Померании, а затем и католиков Прибалтики (в том числе и Литва во главе с

королем Миндовгом). Даниил уклонился от воссоединения церквей, и призыв к крестовому походу тоже остался лишь декларацией.

Даниил Галицкий имел союзников и на Руси: в 1250 году митрополит Кирилл венчает во Владимире Андрея Ярославича, брата Александра с дочерью Даниила Устинией (Анной). Затем посетил Александра Невского в Новгороде, причём его приезд совпал с приходом папских послов. Но уже в 1252 году Андрей Ярославич был свергнут войском Сартака (старший сын Батыя, исповедовал Христианство в несторианской форме, как сопровитель Батыя направил на Русь военачальника Неврюя) Ярлык на Великое княжение Владимирское передан более лояльному к Орде Александру Ярославичу Невскому.

Вторым браком Даниил был женат на племяннице великого князя литовского Миндовга, и в 1254 году утихла многолетняя борьба Галицкого князя с литовцами. Роман Данилович получил от отца Новогрудок. В 1254—55 годах Даниил изгнал из Галицкой земли татарских баскаков и очистил от татар Понизье и Киевскую землю, угрожая Киеву. Киевом же по татарскому ярлыку владел Александр Невский. Литовцы атаковали окрестности Луцка за то, что военные действия были начаты до их подхода, и Василько разгромил их. В том же 1255 году новый римский папа Александр IV (1254-1261) разрешил Миндовгу «воевать Русскую землю», после чего Даниил прекратил отношения с папой, сохранив королевский титул для себя и право на этот титул для своих преемников («Rex Russiae» и «duces totius terrae Russiae, Galicie et Ladimirie»).

Если в Галиче боярство было слишком сильно, а Брест и Владимир Волынский были сильно разорены (Даниил не мог в них въехать из-за страшного смрада от трупов жителей), то новым центром Галицкого княжества стал Холм, чудом уцелевший во время нашествия.

В 1257 году в Орде утвердился Берке (в Улусе Джучи; 1257-1266; внук Чингисхана, брат Батыя), а в южную Русь в 1258 году был назначен Бурундай.

Бурундай использует противоречия между Даниилом Галицким и Миндовгом, Великим князем Литовским, объединителем литовских племен. Он выступает против Литвы и требует от Даниила присоединения к этому походу. Даниил, опасаясь монголов, отправил вместо себя своего брата Василько. Войско Бурундая продвинулось с Ворсклы и Псела, соединилось севернее с Василько Романовичем и совместно обрушилось на литовские пределы, разорив район Тракая и Нельшанские земли. Русские захватили богатую добычу («сайгат»), но вынуждены были почти всю ее отдать Монголам. Миндовгу удалось избежать генерального сражения, но Литве был нанесен серьезный удар.

Этот поход не позволит Литве утвердиться в Юго-Западной Руси, сохраняя и в Галицко-Волынском княжестве монгольский контроль. Возможно, принявший ислам хан Берке, продвигал мусульманским купцам торговый путь через Русь к Балтийскому морю. Через год, Бурундай двинулся на Польшу. В Шумске его встретили Василько, Лев, сын Даниила Галицкого и епископ Иоанн Холмский. Бурундай заставил Романовичей скрыть укрепления нескольких городов (в том числе Данилов, Стожек, Кременец, Луцк, Львов и Владимир), затем с Васильком проследовал в Польшу и взял Сандомир, утопив жителей города в Висле. Только Холм решился защищаться, ссылаясь, что не было указа Даниила, но Бурундай оставил город «на потом», разорив окрестности.

Бурундай привёл на Волынь войско и заставил Романовичей сделать выбор между сопротивлением ему и совместным походом на Литву (1258), в который Даниил отправил командовать войсками своего брата Василько. Василько передает захваченную у литовцев добычу («сайгат») татарам и вынужден по монгольскому обычаю идти против литовцев в составе армии Бурундая. Даниил отправил с монголами брата. Год спустя ситуация повторилась, на этот раз

Однако, несмотря на все усилия по противостоянию разрушения Руси, политика Даниила Галицкого исторически не была продуктивной. Она была направлена на выделение самого Галицкого-Волынского княжества, заигрывании с Западом, при этом, по сути не могла противостоять мощи Орды, а, значит, не могла отвечать задаче сохранения самой Руси, ее православного духа. Русь, особенно в церковном, а не в княжеском сознании мыслилась как единое целое. Прозападная позиция требовала необычайной осторожности, дальновидности и гибкости, что, в конце концов, так не хватило Даниилу. Как раз, выходец из Галицкой земли, митрополит Киевский Кирилл прекрасно как духовное лицо понимал, что судьба Руси зависит от сохранности Православия, и не будет способствовать сепаратистским тенденциям, а, тем более, потакать интересам папы.

Потомки восславят как великого заступника земли Русской и Святой Православной веры сына Ярослава Всеволодовича князя Суздальского, Александра Невского. Александр был прямым потомком славного Мономаха, в нем текла кровь Всеволода Большое Гнездо, Андрея Боголюбского, Мстислава Великого, Ростислава Смоленского, Мстислава Храброго и Мстислава Удалого. Родился он в 1219 году в Переславле Залесском. В раннем возрасте он вместе со старшим братом Феодором и дядькой-кормильцем Феодором Даниловичем был оставлен отцом в Новгороде, после того как и новгородцы и псковичи не поддержали поход Ярослава на Ригу, заключив с Тевтонским орденом мирный договор. Вскоре, в 1228 году в Новгороде начался страшный голод, а, после

него, мор. Тевтоны при этом взяли Кукейнос, Герсик и Юрьев. В Новгороде народ восстал против владыки Арсения, обвиняя его во всех несчастьях, так как Арсений вынудил своего предшественника Антония удалиться в Хутынский монастырь (Антоний же оставил кафедру по причине немощи и болезни). Благочестивый и смиренный Арсений днем и ночью молился о прекращении ненастья, но, все равно, толпа вытащила архиерея из дома, била его, гнала и чуть не лишила жизни. Вскоре новгородцы обратили свой гнев против друг друга, устроив бесчинства на улицах города. Феодор и Александр Ярославичи на время (до 1230 года) покинули Новгород. Александр здесь в Новгороде пережил еще более страшные бедствия – голод, унесший, по крайней мере, 42 тысячи человек. В 1233 году старший брат Александра Феодор, юноша редкой душевной чистоты должен был вступить в брак, уже готовился пир, но, неожиданно скончался. Его невеста, примет монашество и останется известной с именем преподобная Харитина. Тело же Феодора было торжественно похоронено в соборе Святой Софии, через четыреста лет будет открыто нетленным и прославится чудесами. В Новгороде Александр узнал о страшном нашествии Батые и смерти его дяди – князя Юрия, брата Ярослава. В 1236 году Александр был посажен в Софийском соборе на княжеский стол.

По исполнению Александру двадцати лет, он женился на дочери Полоцкого князя Бречислава – княжне Александре. Невеста принесла с собой икону Божией Матери, которая была получена Ефросинией Полоцкой от византийского императора. Венчание происходило в Торопце.

Вскоре, через год, ярл Биргер, во главе шведских крестоносцев, пылая ратным духом, решил напасть на новгородские земли. Шведы надеялись быстро захватить Ладогу и, уже от нее, атаковать Новгород. Флот Биргера стал в устье Ижоры. Александру отправил гордое письмо: «Выходи против меня, если можешь сопротивляться! Я уже здесь и пленю твою Землю». Александр же «разгорелся сердцем» бросился к алтарю Святой Софии и вознес горячие молитвы. Эти молитвы заканчивались словами: «... И ныне Владыко прещедрый!..слыши словеса гордого варвара сего, похваляющася разорити Святую Веру Православную и пролитии хоша кровь христианскую. Призри с небесе и виждь и посети нас винограда своего и суди обидящих мя, и возбрани борющихся со мною, и прими оружие и щит и стани в помощь мне, да не рекут врази наши, где есть Бог их? Ты бое си Бог наш и на Тя уповаем». Он получил благословение епископа Серапиона, вышел к дружине и произнес знаменитые слова: «Братья! Не в силе Бог, а в правде! Вспомним слова псалмопевца: «сии во оружии, и сии на конях, мы же во имя Господа Бога нашего призовем... Не убоимся множества ратных, яко с нами Бог».

Александр быстро собрал прямо в Новгороде рать, не дожидаясь подкреплений отца, с юга и «в ярости мужества своего», но «уповая на Святую Троицу» стремительно появился на берегах Невы. Здесь от старшины финского племени Ижора Пелгусия, он узнает о чудном видении святых мучеников Борисе и Глебе. На восходе солнца мученики явились в ладье (насаде) в алых одеждах, и Борис сказал Глебу: «Братъ Глебъ! вели грести, да поможем сроднику своему, великому князю Александру Ярославичу».

Александр скрытно, но уверенно подошел к шведам, стоящим на своих кораблях в устье Ижоры и атаковал их. (происходила сама битва 15 июля 1240 года). Неожиданным появлением русские смяли противника, а Александр смог нанести ярлу Биргеру удар копьем по лицу. Сражение длилось до вечера, потому что, оправившись, шведы оказали яростное сопротивление, но окончилось полной победой Александра. Несмотря на такую блистательную победу и защиту Новгорода, Александр был вынужден покинуть Новгород и перебраться с семьей в Переславль.

Тем временем князь Ярослав Владимирович, племянник Мстислава Удатного, изгнанный отцом Александра из Новгорода (его отец княжил во Пскове) нашел приют у Тевтонского ордена. В Пскове нашлась и «пронемецкая» партия во главе с неким Твердилой. Они и начали подстрекать тевтонов на поход на Изборск и Псков. Псковское ополчение, созываемое епископом Юрьевским Германом, в 1240 году было разбито, Изборск был взят рыцарями и «воплъ и стоны раздавались по всей земле», а Псков был вынужден отдать детей знатных горожан в заложники и пустить немецкий гарнизон. Вскоре тевтоны войдут в земли Великого Новгорода, быстро воздвигнув крепость Копорье, и начнут грабить новгородских купцов. Прибывший в Новгород Андрей Ярославич не справился, начались набеги литовцев и чуди. Посольство Новгорода просит прощения у Александра, занятого в это время строительством монастыря во имя Святого мученика Александра Перского в Переяславле. По прибытию Александра в Новгород быстро и воодушевленно собралась рать из новгородцев, ладожан, корелы и ижоры. Собрал также суздальские полки. Как и два года ранее, Александр помолившись в Святой Софии и испросивши благословение на ратный подвиг, быстрым маршем пошел на Псков. Тевтоны среагировать не успели. Александр вошел в город, где молился в Псковском детинце в храме Святой Троицы. Войско вышло в поход, передовой отряд был разбит и поэтому, Александр остановился на Чудском озере в местности Вороньи Камни. 5 апреля 1242 года тевтоны пошли знаменитым «клином», «свиньей». «Помоги мне, Господи, как некогда моему прадеду Ярославу», воззвал Александр. Русские не убоялись «клина», но, наоборот, сжали немцев, подобно клещам. Тевтоны

дрогнули, и Александр с отборным полком совершил обходное движение и ударил в слабое место врага. Началось избиение и бегство тевтонов, весенний лед проломился, и множество рыцарей утонуло. Более 50 рыцарей попало в плен. Через несколько лет Александру пришлось еще отгонять из Торжка, Бежецка и Торопца литовцев.

Невская битва и Ледовое побоище надолго остановят наступательные действия с запада, но, главное, Православие на севере удержится и сохранит Русь от католического влияния. В 1246 году Ярослав Всеволодович, отец Александра, отправился вначале к Батыю, который принял его довольно милостиво, а, затем, в Каракорум, к новому Великому хану Гуюку. По навету боярина Феодора Яруновича Ярослав был отравлен – возможно, Гуюк опасался сплочения Батыея или западных королевств и Руси против него. Определенный холод Гуюк проявляет и к сыновьям Ярослава – Андрею и Александру. Задача Александра по спасению Руси от нового татарского нашествия осложнялась. Он должен был приобрести максимально полное доверие татар к себе для того, чтобы они, по возможности, минимально вмешивались в русские внутренние дела. Это позволили бы Руси отдохнуть и опять собраться с силами полураздавленной страны и русской народности. Для достижения этой святой цели Александр уже был готов идти на различные опасности и труды, испытывать унижение от татар, пройти через ряд душевных страданий. Еще при жизни Александр в этой политике не был зачастую понят другими князьями, близкими и родными. В центре защиты Руси от татар и экспансии Запада и католичества было сохранение Православной Церкви Христовой. Церковное прославление князя явно говорит о том, что церковь и русское православное сознание лучше понимали и воспринимали политику Александра. Выдвиженец Даниила Галицкого митрополит Киевский Кирилл будет больше время проводить во Владимиро-Суздальской Руси, исторической вотчине Александра и, во многом, противостоять прозападной позиции Даниила Галицкого.

Положение Руси заставляет Александра ехать в далекий Каракорум, в это же время туда прибывает и посланник Рима Карпини, который привезет на Запад весть о желании Гуюка в течение 18 лет завоевать западные страны. От Гуюка с его политикой и связанного с кончиной отца, Александр вынужден был ехать к Батыю, конкуренту Великого хана. В ставке Батыея на Волге Александр принимает условие татарских волхвов - пройти «сквозь огонь и поклониться кусту и огневи и идолам». Князь принял условия волхвов, но отказался поклониться идолам. «Я – христианин и мне не подобает кланяться твари. Я поклоняюсь Отцу и Сыну и Святому Духу, Богу единому, в Троице славимому, создавшему небо и землю и вся, иже в них суть». Батый принял Александра, был

даже восхищен им, а его сын Сартак подружился с князем. Эта поездка Александру к Батью на корню останавливала всякую возможность атаки со стороны сил Запада – там были крайне сильно напуганы вероятным нашествием татар. Известно даже, что рыбаки у берегов Англии боялись выходить в море.

После смерти Гуюка в 1251 году во время похода на Батыя, Александр и Андрей ездили еще раз в далекий Каракорум к хану Менгу-Тимуру и получил свой княжеский стол в Новгороде и Киеве, а Андрей – во Владимире. Возможно, это было желание еще Ярослава – Новгород был самым сложным для княжеского правления, а Киев надо было воссоздавать из развалин. Для этих целей наиболее подходил более деятельный Александр, победитель шведов, немцев, литовцев.

В Новгород к Александру прибыло чрезвычайно важное посольство из Рима от папы Иннокентия IV. Кардиналы Гольд и Гемент просили Александра принять Латинство – якобы, это хотел Ярослав перед своей смертью. Отрекшись от Православия Александр, мог бы рассчитывать на военную помощь Запада против татар. Ответ Александра был более чем отрицательным: в Православии «вся сведаем добръ, а от вас учения не принимаем». Александр не мог по болезни отправиться в Киев, но именно в Новгороде принял митрополита Кирилла, который с этого времени и стал помощником Александру в деле спасения Православия на Руси.

Андрей Ярославич, княжил во Владимире, он отличался завидным благородством, но, при этом, был «поспешным в делах», и не мудрым. В 1252 году он допустил выступление против татар владимирцев, что вызвало карательную экспедицию татар во главе с Неврюем («Неврюево нашествие»). Андрей вынужден бежать из Владимира, а Александр срочно едет опять в Орду к Сартаку и умоляет гнев хана. Александр получает титул Великого князя, но Неврюй уже к этому времени опустошил Суздальский край. Во Владимире Александр хоронит умерших, восстанавливает храмы и жилища, призывает жителей, разбежавшихся по окрестностям, вернуться в свои дома.

Опасность с Запада в это время не исчезает. В 1252 году папа Иннокентий IV, грубо смешивая язычников-татар с христианами-русскими, попытался объявить против Пскова и Новгорода крестовый поход. К этому времени Александр находился во Владимире и ливонские рыцари подступили к Пскову, надеясь на легкую добычу. Одного выступления сына Александра Василия из Новгорода и страха перед татарами хватило для бегства ливонцев из под Пскова. Новгородцы изгнали противника, перейдя даже через Нарву. Юному Василию пришлось отражать и литовцев во главе с князем Миндовгом, который

утвердился в Новогрудке, Полоцке, Смоленске и начал занимать было и новгородские земли. На берегах Нарвы около 1255 года шведы и датчане стали строить крепость, но были отогнаны уже самим Александром. Прошелся князь и по пределам Финляндии («как Божья гроза из края в край»), не пустив сюда подданных шведской корону. Поход этот проходил зимой в сложных условиях, но, в его результате, Швеция надолго не решалась посягать на новгородские пределы. В этом походе участвовал и митрополит Кирилл, благословляя князя на защиту Русского севера. Присутствие в походе Киевского митрополита указывает на то, что защита подразумевалась не только в политическом смысле, но и в религиозном, как защита самого Православия на севере Руси.

В Золотой Орде, тем временем произошел новый поворот событий: Сартак, возможно христианин-несторианин неожиданно скончался. Александр едет в Орду к хану Улагчи (1256-1257; в русских летописях – Улавчий; сын Сартака) и просит за Новгород – он прекрасно знает, что такой сбор дани грозит восстанием против татар и, следовательно, новым нашествием на Русь. Власть, несколько позже захватил брат Батыя Берке (1257-1266), скорее всего, главный виновник кончины Сартака. Отличие Берке от Сартака и даже Батыя состояло в том, что он принял ислам, хотя и сохранял традиционную для татар веротерпимость. Александр вновь отправляется в Орду и достигает весьма многого: внутреннее управление делами в Русской земле, право вести войну (для этого можно не отдавать воинов татарам) и заключать мир. В будущем эта договоренность позволит Руси накопить силы для желанного освобождения от монгольского ига.

С другой стороны, ужесточается налоговая политика Орды. Карпини, посланник папы в Орде, сообщает, что татарские представители, баскаки, на Руси у каждого отца, имеющего трех сыновей, брали в Орду одного, захватывали неженатых мужчин и незамужних женщин и всех нищих. Остальных переписывали и облагали данью. Со взрослого мужчины увозилось по одному меху – медвежьему, бобровому, соболиному, хорьковому и лисьему. Мужчин, не отдавших дани, забирали в рабство.

Почти вместе с Александром прибыли в Суздальскую, Рязанскую и Муромскую земли татарские чиновники для поголовной переписи, оставляя на местах десятников и сотников. Только церковь была оставлена без уплаты этой дани. Для предотвращения худшего он едет в Новгород вместе со сборщиками дани. Однако все равно вспыхивает мятеж, новгородцы убивают двоих посадников, Василий Александрович покидает Новгород. Конечно, зная страшную реакцию татар на подобные убийства, Александр сам творит жесткий

суд над зачинщиками восстания. Нового нашествия не произошло, несмотря на слухи, а в Новгород прибыло лишь два татарских чиновника.

Александр после Новгорода некоторое время пребывал в Ростове. Здесь он находил более серьезную поддержку своей линии, главным образом у княгини Марии Михайловны, дочери замученного в Орде Михаила Черниговского, и у Бориса и Глеба, сыновей убитого татарами Василька Константиновича. Как и в предыдущее время, здесь в Ростове он встречается и с митрополитом Кириллом. Чтобы успокоить татар Александр отправляет в Орду деньги для выкупа пленных и подарков ханским чиновникам.

В 1261 году при непосредственном участии митрополита Кирилла удалось устроить в Орде Сарайскую кафедру, что стало великим утешением для многочисленных русских пленников. Первым епископом, рукоположенным для Сарая, стал преосвященный Митрофан. Епископу Митрофану и, конечно, митрополиту Кириллу Русь будет обязана тем, что именно с них начнется рост уважения в среде татар к Святой Православной вере. Некоторые татары, в том числе и высокопоставленные, будут принимать Православие (например, ханши). Племянник хана Берке, принявшего ислам, тайно уедет в Ростов, примет Святое Крещение с именем Петр, будет вести праведную жизнь, и сопричтен к лику святых.

Последнюю свою, четвертую поездку в Орду Александр совершил из-за тех же злоупотреблений татарских чиновников, «бессермен», опутавших кознями, процентами за невнесенную вовремя дань и захватом неплательщиков. Русские стали изгонять «бессермен», а некоторых убили. Среди прочих убили и некоего монаха Зосиму, принявшего мусульманство и помогавшего сборщикам налогов. Поездка эта отвлекла Александра от похода на Ливонию, его сын Димитрий, продолжая военные действия, вернул Новгороду Юрьев. Берке же готов был собрать трехсоттысячную армию для наказания Руси, предназначенную первоначально для Персии. Поездка и эта была с дипломатической точки зрения очень успешной. Русь была прощена за убийство «бессермен» и, более того, подтверждено право не давать воинов для нужд Орды. (Мусульманин Берке хотел использовать русских в своих походах на Кавказе).

По дороге домой Александр, скорее всего от всего жизненного напряжения и стрессов, занемог. В Нижний Новгород он прибыл уже очень слабым. В Волжском Городце слег окончательно, в Феодоровском монастыре, чувствуя приближение кончины, принял монашество с именем Алексей. В келии, где лежал умирающий, собрались братья и все близкие ему люди. Слыша громкие

рыдания верных слуг, схимник Алексей открыл глаза и смиренно произнес: «Удалитесь и не сокрушайте души моей жалостью». Сподобился принятия Святых Таин и скончался на сорок пятом году жизни 14 ноября 1263 года.

Сподвижник дел великого Александра Невского, митрополит Кирилл в это время пребывал во Владимире на Клязьме. Он служил литургию в соборном храме и, безусловно, молился о благополучном возвращении Александра во Владимир. Он поднял глаза вверх и внезапно увидел, что перед ним, как живой, стоит Александр, но озаренный неземным сиянием. Затем, тихо, как бы возносясь на крыльях, скрылось из глаз «подобие образа блаженного великого князя Александра». Митрополит понял, что защитника и печальника о родине не стало. «Зашло солнце Земли Русской», - проговорил митрополит Кирилл сквозь слезы с амвона. Митрополит, обратился с рыданиями к народу, объявив о преставлении Александра. Ужас охватил всех при этих словах: «Погибаем...!», - единодушно воскликнули все присутствующие. Похоронен князь был 23 ноября в соборной церкви иноческой обители Рождества Богородицы во Владимире.

Принимая во внимание несравненно огромную заслугу князя Александра Ярославича Невского по защите Руси и Церкви Христовой в этот период, следует не забывать и о его сподвижнике митрополите Кирилле.

В таких сложных условиях татаро-монгольского нашествия, Даниил Галицкий стремился избрать и поставить митрополитом Киевским природного русского Кирилла. Сам Кирилл был до выдвижения своего Даниилом Романовичем игуменом одного из южнорусских монастырей. В 1240 году «исчез» Киевский митрополит Иосиф, - скорее всего, сбежал в Византию. Во всяком случае, о его кончине от рук татаро-монгол ничего нигде не сообщается. Храмы и монастыри от нашествия были разорены, священники избиты и отведены в неволю, тысячи русских людей погибли от меча неприятельского. Погибли и епископы Митрофан Владимирский и Симеон Переяславский. Даниил Галицкий, вероятно, выдвинул Кирилла еще в 1242/1243 годах, но только после своего посещения Сарая (1245-1246) отправляет за поставлением в митрополиты Кирилла в Nikeю. Иоасаф епископ Угровский также был соискателем митрополитства, но выбор Даниила пал на Кирилла. Иоасаф был лишен после этого своей кафедры. Возможно, выдвижению предшествовал собор русских епископов и игуменов, конечно же, из тех, кто мог в такое время собраться.

Положение Византийской церкви было в это самое время также крайне тяжелым. В 1204 году крестоносцы захватили Константинополь, и патриарх вынужден был находиться в Nikee. Активнейшее участие в разграблении

Константинополя приняли участие венецианцы, во главе с дожем Генрихом Дандоло. Именно он дал совет крестоносцам предварительно овладеть Константинополем, преследую чисто венецианские интересы по обогащению и захвату восточных торговых путей. Крестоносцы, имея, уже традиционные разногласия с императорами Византии, давно стремились к главенству на Востоке, основывая свои княжества и королевства. Главным достоянием столицы «ромеев» были святыни и мощи. Они и подверглись жесточайшему разграблению со стороны западных захватчиков. В числе захваченных и похищенных святынь были: Животворящий Крест и Терновый венец Господень, ризы Богородицы, глава Иоанна Крестителя, мощи апостола Андрея Первозванного и великих святителей григория Богослова и Иоанна Златоуста, равноапостольной царицы Елены и святого Иоанна Милостивого. В соборе Святой Софии крестоносцы разрубили Святой Престол, слитый из золота. Император Феодор I Ласкарис (1206-1221) возглавляет освободительную борьбу за освобождение древней столицы. Чести войти в Константинополь удостоился Михаил VIII Палеолог в 1261 году.

Однако путь Кирилла в Никею оказался долгим – он посредствовал в переговорах между Даниилом и венгерским королем Белой IV. Венгерская корона также претендовала на Галич, согласно вассалитету Романовичей и поддерживала Ростислава Михайловича (князя Новгородского, Галицкого, Черниговского, после поражения 1245 года – бана Словакии). В конце концов, в 1250 году Бела IV признает Галич за Даниилом Романовичем. Сложность переговоров, видимо, была причиной того, что прибыл в Никею не ранее 1247 года. Несмотря на каноничность выдвижения и посвящения Русских митрополитов именно патриархом Константинополя, Кирилл рукоположен в Никее в Киевские митрополиты. Сложное положение патриарха в Никее (Константинополь будет освобожден только в 1261 году) могло быть одной из причин легкой сговорчивости греков по поводу рукоположения русского кандидата. Вряд ли в самой Византии (точнее в это время – в Никейской империи) были среди епископов желающие ехать в разоренный Киев и становиться митрополитом Руси. Сам Киев был обращен в пепел. Знаменитый Софийский собор и митрополичий дом были разорены; Десятинный храм лежал в развалинах; Печерская обитель была покинута иноками; во всем городе едва насчитывалось 200 домов. Жители разоренного Киева и других городов разбежались, переселяясь в леса и в основном на север. По возвращении из Никеи митрополит Кирилл объехал северные епархии — Чернигов, Владимир, Рязань, Новгород. Везде его встречали с великой радостью. Но постоянного места жительства у него не было. В 1250 году в Суздальской земле он венчает Андрея Ярославича с дочерью Даниила Романовича.

Здесь на северо-востоке Руси Кирилл, уроженец Галицкой земли, находит взаимопонимание и многолетнее сотрудничество Александром Ярославовичем Невским. Александр уже в 1249 году получил в ханской ставке титул великого князя Киевского, а в 1252 году и великого князя Владимирского. Сближение митрополита и князя, возможно, происходило на глубоком внутреннем желании обоих сохранить Православие на Руси от притязаний папского престола. Уния с Римом предполагала с одной стороны попытку объединения против монголов, а, с другой, потерю русской религиозной, культурной, да, и политической самобытности Руси. В ближайшей перспективе уния означала новое нашествие сил Орды (как нашествие Бурундая на Галицко-Волынскую Русь после принятия короны от папы Даниилом Галицким). Может митрополит Кирилл отговаривал Даниила от заискивания перед папой. Ясно, что разоренная и разрозненная Русь не могла противостоять еще татаро-монголам. Вследствие этого они решили пойти на признание монгольского владычества и на широкое сотрудничество с ордынцами. Первая из известных встреч Кирилла с Александром Невским произошла в 1251 году в Новгороде, где Кирилл вместе с ростовским епископом Кириллом посвящал в сан новгородского архиепископа Далмата. В 1252 году митрополит Кирилл руководил торжествами в связи с восшествием нового великого князя Александра Невского на Владимирский стол. В конце 1256 году оба они вновь посетили Новгород. Официально, Кирилл, конечно, не переносил свою митрополичью кафедру во Владимир. Кирилл мыслил себя как действительный защитник Русской земли, как епископ всей многострадальной митрополии, как архиерей, облаченный действительной духовной властью. Константинопольский патриарх не обладал на Руси подобной властью, а он, митрополит был действенным «архиепископом всея Руси», как в титуле он и обозначался, епископ и для князей и для самого простого народа.

Одной из самых важных забот Кирилла было восстановление в разоренной Руси церковной жизни. Только север Руси избежал страшной участи разорения. Около 1255-1258 году была учреждена Тверская епархия. При содействии Александра Невского для несчастных русских пленников была учреждена в 1261 году Сарайская кафедра (епископом стал Митрофан). Рукоположил Кирилл и Ростовского епископа Игнатия. Уже в эти годы Кирилл в основном пребывает во Владимире на Клязьме, где и происходят эти рукоположения. Здесь же во Владимире Кирилл в 1263 году встретил тело почившего князя Александра Невского и торжественно похоронил его. Митрополиту Кириллу пришлось посещать почти все разоренные епархии. В 1275-1276 годах Кирилл пребывал в Киеве, где рукоположил нового новгородского епископа Климента. Перед своей кончиной, в 1280 году он вновь возвращается в Суздальскую землю, расследует дело епископа Игнатия Ростовского.

В 1278 году в Ростовском Успенском соборе епископ Игнатий похоронил князя Глеба Василькович, но через девять недель, по неизвестной причине приказал тело князя вынуть из могилы в полночь и закопать в землю в Спасской обители. Кирилл, возмущенный таким злоупотреблением духовной власти на время отлучает Игнатия. Князь Димитрий Борисович Ростовский заступался за епископа, и Кирилл вскоре прощает Игнатия: «Игнатий! оплакивай во всю жизнь свое безумие, дерзнув осудить мертвеца прежде суда Божия! Когда Глеб был жив и властвовал, ты искал в нем милости, брал от него дары, вкусно ел и пил за столом княжеским, и в благодарность за то обругал тело покойника. Кайся во глубине сердца, да простит Бог твое согрешение!». Правда, остается невыясненной причина, по которой Ростовский епископ вынес тело покойного князя из собора. Скорое прощение указывает на то, что у Игнатия были веские причины на совершенное им, но возобладало более взвешенное мнение митрополита – нельзя так жестко судить покойного. Епископ Ростовский будет и отпевать скончавшегося в 1281 году митрополита Кирилла, что говорит на фактическое примирение.

Скорее всего в Киеве митрополит Кирилл в 1269 году рукоположил Феогноста во епископа Сарайского и Переяславского. Несколько позже, епископ Феогност будет выполнять особую миссию хана Менгу-Темира в Константинополе – вел переговоры с императором Михаилом VIII и патриархом. Подобные переговоры, чрезвычайно важные для орды могли быть проведены только с помощью единоверцев византийцев – русских епископов. Освобожденный от крестоносцев Константинополь находился в очень сложном политическом положении – опасность с Запада еще более усилилась, Карл Анжуйский из Сицилии готовится к новой войне с греками и император Михаил VIII начинает переговоры с Римским папой. Эти отношения с Римом закончились знаменитой Лионской унией (1274 год), явно политической, но самым серьезным образом ударившей по православному осознанию византийцев. После ее заключения в самой Византии возникает обратная реакция, полнейшее желание крайне непопулярное решение аннулировать. Конечно, необходимо было это сделать без ущерба отношений с Западом. Политическая игра с папой не увенчалась успехом – новоизбранный папа Мартин IV(1281-1285) опирался на французскую монархию, поддерживал главного врага Византии Карла Анжуйского и считал, что уния с Константинополем в принципе не нужна. Теперь уже мало что могло спасти Константинополь от нового нашествия крестоносцев. Венецианцы, многочисленные католики Эпира, Фессалии и даже Сербия, Болгария и Венгрия поддерживали выступление Карла против Византии. Однако, 29 марта 1282 года в Палермо произошло широкое восстание сицилийцев против Карла и его

французских рыцарей («Сицилийская вечерня»). Возможно, за этим стояла сама Византия, точнее ее дипломатия. Карл некоторое время еще надеялся на продолжение похода против Константинополя, но после того, как восставшими был сожжен французский флот в Мессине и на Сицилию высадились арагонцы, Карл все силы бросил на войну в самой Сицилии. Византия была спасена.

В 1261 году в Передней Азии монголами было образовано новое государство во главе с Хулагу (государство Хулагуидов, Илханат; с титулом «ильхан», улусный хан). Оно объединяло под собой огромную территорию, от Византии на западе до Афганистана на востоке, включая Конийский султанат, весь Кавказ и Персию. Главными противниками Хулагу, его сына и преемника ильхана Абака-хана (1265-1282) были египетские мамлюки. Для борьбы с Египтом Абака-хан направлял своих послов в 1274 году в Лион и в 1277 году в Рим, в надежде на совместные с крестоносцами военные действия. Карл Анжуйский же был крайне заинтересован в помощи монголов против Византии и, несколько ранее, в 1267 году своих послов направил в Абаке-хану. Византийцы и здесь опередили французов – Абака-хан был женат на внебрачной дочери Михаила VIII Дессине, которая очень почиталась в среде монголов. В каком-то военном союзе с Карлом против Византии Абака-хан заинтересован явно не был.

В более тесных отношениях с Византией, особенно после победоносного 1261 года, был заинтересован и Менгу-Тимур. В 1270 году Менгу-Тимур заключил договор с Абаком-ханом (оба не были мусульманами и, хотя сильно конкурировали друг с другом, религиозный момент разногласий между ними отсутствовал). Опасность для Менгу-Тимура представлял Ногай. В 1270 году талантливый полководец Улуса Джучи (Золотой Орды) откочевал на северные берега Черного моря, дошел до Дуная и начал контролировать целый регион. Официально подчиняясь Сарая, во главе улуса (официально он – «беклербек», управляющий) Ногай сам устанавливает владычество над частью Руси и Болгарии, ему платит дань Византия и Сербия, совершает походы в Литву и Польшу. Для спасения от Ногай император Византии вынужден выдать за него дочь Евфросинию. Ясно то, что Ногай ведет слишком самостоятельную от Сарая политику. Он сам ведет переговоры с Константинополем и противником Абаки-хана султаном Египта. Менгу-Тимуру необходимо обуздать Ногай и в этом, его планы совпадают с желаниями императора Михаила VIII. Посольство во главе с епископом Феогностом, православным, серьезно усиливает положение Михаила VIII – это должны знать главные противники Византии, франки во главе с Карлом Анжуйским, который именно в это время, несмотря на Лионскую унию, и готовился к походу на Константинополь. Через Константинополь хан

стремился вести переговоры с египетскими мамлюками. Трудно представить к чему могли бы привести эти переговоры Менгу-Тимура с Египтом через Константинополь. Видно то, что хану Золотой Орды необходимо именно участие православных сил в этом процессе. Православная Византия может помочь Золотой Орде в недопущении отделения Ногая от Сарая и налаживании отношений с султанами Египта, главными врагами католиков Запада. Для Византии, ввиду опасности нового крестового похода и пребывания Ногая на берегах Дуная, это посольство было как никак кстати. Только Менгу-Тимур и ужас Европы перед татаро-монголами

Феогност прибыл в Константинополь для переговоров после заключения Лионской унии, в 1278 году. Кроме императора Михаила VIII Палеолога, главного приверженца и инициатора унии, посольство хана и митрополита Кирилла принимал патриарх Иоанн Векк (1275-1282), ставший патриархом как один из главных поборников и идеологов унии с Римом. Наверное, русская делегация из Орды знала перипетии византийской политики, и не принадлежала к сторонникам унии, но, выдвигая требования Менгу-Тимура, косвенно защищает положение православной церкви на Руси. Положение Русской церкви во многом зависит от ярлыков золотоордынского хана, и, выполнение этой миссии защитит во многом русских православных людей и всю церковь от татаро-монгольского поругания и уничтожения. Прозападная позиция грозит страшными последствиями для церкви и вообще русских людей. Именно церковь, через Сарайскую кафедру, перед лицом хана защищает интересы самой Руси. Церковь, сохраняя православие и положение самой церкви, тем самым оберегает саму Русь, при продолжающейся и при Золотой Орде княжеской междоусобицы, и Русь остается Русью, не утрачивается само русское сознание в эти годы страшного исторического испытания. В узко политическом смысле посольство русского епископа защищает Русь от набегов Ногая, конкурента Менгу-Тимура.

Перемещение митрополита Кирилла в северо-восточную Русь позволило церкви в условиях татаро-монгольского ига провести во Владимире-на-Клязьме собор в 1274 году, пожалуй, наиболее значимое деяние митрополита. В качестве основного собрания правил Русской церкви была признана Кормчая книга. Сама Кормчая книга (Пидалион) восходит к византийскому Номоканону, составленному еще в VI веке. Около 1225 года Кормчая книга была переведена на славянский язык в Сербии и получила название Кормчая Саввы Сербского. Ее ценность состояла в том, что переведены были и толкования канонов Зонары и Вальсомона, чего до этого на Руси не было. Поэтому, митрополит обратился к деспоту из полузависимой Болгарии Иакову Святославу с просьбой прислать на

Русь Кормчую на славянском языке. Введение самой Кормчей с толкованиями позволило наладить церковную жизнь на Руси.

Наличие этой церковной жизни, во многом, и сохраняло саму русскую жизнь, в отличие от прокатолического Запада, где будут действовать другие правила и востока, где вскоре татары будут склоняться к исламу. Церковь правилами «христианской жизни» и самой церковной жизнью сохранит даже в период ига сам православный русский дух. Другими словами, Русь будет развиваться там, где церковь обережет и от Запада и от Востока православную душу страны.

Особые, за исключением самой Кормчей книги, правила церковной жизни, принятые на соборе говорят о распространении некоторых обычаев. Некоторые из них уходят корнями в еще языческое время. Часто упоминаемые отсылки к Новгороду, указывают не только на наличие этих обычаев именно в северной Руси, но и на то, что соборные решения оберегают именно этот регион. Собор лишь констатирует особое внимание церкви по сохранности русского духовного духа там, где меньше всего прошло татаро-монгольское разорение. Сюда на север бежали русские со всех княжеств Руси и здесь церкви крайне необходимо установить четкие правила церковной жизни. На жизнь по этим правилам и остается уповать.

К периоду татаро-монгольского ига распространилась и симония, поставление в сан «по мзде». Собор заметно ограничил это явление, установив и для диаконского и священнического санов плату в семь гривен. (слышим вси и не преслоушаемъся правилъ божествныхъ, да не когда отпадемъ; яко не златомъ, ни сребромъ искоуплени быхомъ отъ соуетнаго жития, нъ драгою кровию Агньца Божия непорочна, пречиста Христа).

Также оговариваются качества тех, кто собирается быть диаконом или священником. Он должен быть целомудренным, законно женатым на одной женщине, не кощунником, ни пьяницей, не блудником, не убийцей, не насильником, не вором или разбойником, не беглецом от долгов и дани, быть грамотным. (Нъ хотящи поставлении бытии, да испытаютъ ихъ потонкою, аще житие ихъ чисто избрящетъ, девство съблюдыши, девицю по законуу приведыши, и законьномуу снятию бывшую, аще грамотоу добре сведятъ; нъ и тоу скоро ихъ не поставляйте, аще боудоутъ не кощоньници, ни хыщници, ни пьяници, ни ротници, ни сварливи. Потомъ подобаетъ испытати ихъ о вещехъ греховныхъ, еда в блоудьстве содомьствомъ были боудоутъ, ли с скотиною, ли в роукоу съгрешение, или в татбе, разве аще не детьскаго, ли преже поятия жены своя растлитъ девство, ли с многими легалъ боудетъ, или от своя жены законьныя блоудъ створилъ

боудет, а или в лживее посушьстве был боудет, или оубийство створил боудет, волею или ноужею, или резovníк, или челядь дроуча голодом и наготою, страдаю насилье творя, или дани бегая, или чародеец. Аще кто от прежереченых сих вин хотя единою ят боудет, таковыи не может бытии поп, ни дьякон, ни причетник.). Диакону или священнику должно быть не менее 30 лет.

Собор определил совершать крещение только через троекратное погружение, запрещая, при этом, обливание. (Всякого же по крещении да сподобляют пречистаго Божия Тела и честныя Крови, или в градех, или в селех, где но боудет крещаемыи. Боле да не обливают никогоже, но да погружают: несть никдеже писано обливанье, нь погружанье в съсоуде отлоучене. Без причащенья же да не кроуют (крестят) никогоже.). При миропомазании же запрещается смешивать миро и елей. (Понеже оуведехом о божествьнем крещеньи, смоутне некако и неразоумне смешающе миро божествьное с маслом).

Осудил собор распространенные на Руси кулачные массовые бои на праздниках. Сама традиция определена как «бесовская» и, конечно, очень греховная. Участники не должны допускаться до причастия, а погибшие во время этих «забав» лишались церковного отпевания и поминовения. Лишаться должен и священник сана своего за отпевание участника кулачных боев. (Паки же оуведехом бесовьская еще държаще обычая треклятых елин, в божествьныя праздьники позоры некакы бесовьскыя творити, с свистанием и с кличем и выплем, съзывающе некы скаредныя пьяница, и бьющееся дръколеем до самыя смерти, и възмающе от оубиваемых порты...Мы же последуем святым и преподобным нашем отцем: аще кто изъобрящеться по сих правилех бециные творя, да изгънани боудоут от святых Божиих церкв, оубиении да боудоут проклятии в сии век и в боудоущи.).

Наводился также порядок и чине проскомидии. В неких новгородских храмах диаконы приходили в алтарь раньше священников и вынимали частицы на проскомидии. («Томоу же святому Сбору последуем, отселе не повелеваем дьяконом Агньца вынимати, нь попом»). За сохранение этой практики все, и священники, и диаконы будут низвергаться.

Отмечается факт пьянства мирян и клириков в постные дни (оупивающесе без меры в святыя пречистыя дъни постеныя) «от святыя недели вербныя до всех святых». При отсутствии покаяния лица духовного сана должны быть извержены из сана, что должны контролировать епископы.

Запрещалось лицам без духовного сана и особого благословения проповедовать, читать или петь «на амвоне». Диаконам же запрещается

прикасаться без надобности с священным сосудом. В алтарь же не должна вноситься какая-либо еда, включая и поминальную кутью. Диаконы и священники в алтаре вести себя должны пристойно, соответственно их высокому служению.

В «пределах новгородских» распространен был обычай «приведения» невест к воде для гаданий. Собор запрещает этот обычай под угрозой церковного недопущения к причастию («проклятия»).

Упоминается «Дионусов праздник» или «русалии», массовые оргии с языческими плясками в субботу перед святым воскресением. Участники подобного должны быть подвержены суду. («Дионусов праздник празднуют нечестивии елени, вкупе мужи и жены, яко и кони вискают и ржут, и скверну деют. И ныне да останутся того; аще ли, то в преже реченый суд впадут».).

Запрещалось собором и изображение на земле или на льду креста, чтоб не было укоряемо и унижаемо «оружие христиан». Распространен был обычай тоекратного и чотырекратного освящения, при этом несколько крестов оставляли на восемь дней. Не сам крест или руки священнические освящают место или воду, а сам крест, люди, вода освящается кровью Христовой. (Крест бо освятился ест кровью Христовою и освящает вся – люди и водоу, а креста – никтоже: ть како мы крест освящаем, вяжем и раздрешаем? Отселе не буди тако; аще ли, то проклинати повелеваем.).

Скончается митрополит Кирилл в Переславле Залесском 27 ноября 1281 года. Его тело перенесли в Киев (около 1000 километров санного пути) и похоронили 6 декабря в Софийском соборе. Фактически он останется последним киевским митрополитом.

ЛЕКЦИИ XXXI-XXXIII .

Русская Православная в XIV веке.

Митрополит Кирилл (1249-1281) был избран Даниилом Романовичем князем Галицким. Получив посвящение на кафедру в Никее (Константинополь был в руках крестоносцев) и прибыв на Русь, митрополит Кирилл не пребывает в родном Галиче, а посещает с архипастырским окормлением города Руси. Более всего пребывает по времени во Владимире на Клязьме. Правда, похоронен будет митрополит все же в Киеве. Митрополиту явно импонировала политика Александра Невского, которая позволяла в тяжелых условиях и сохранить на Руси Православную веру. Для этого во Владимире Кирилл провел в 1274 году собор, определивший некоторые правила церковной и общей жизни и принявший «Номоканон» с толкованиями Аристида. Еще большее значение имело открытие русской православной кафедры в Сараяе (1261). Епископ Сарайский с этого времени действительно становится утешителем многочисленных русских людей, уведенных в рабство, и, главное, представителем и ходатаем перед ханом и защитником за всю Русь. Отсутствие в некоторых случаях резкой реакции со стороны Татар на события на Руси во многом объясняются именно присутствием при ставке хана и часто слезными прошениями Сарайского епископа. Наконец, во многом продолжая политику Александра, но уже не только по отношению к определенным княжествам, а ко всей митрополии, Кирилл едет в Орду и получает ярлык, удостоверявший на Руси свободу православной веры и богослужения. Сохранение веры, богослужения, обрядов и традиций были главными условиями и сохранения самой Руси как таковой.

Митрополит Максим (1287-1305), назначенный на Русь уже из Константинополя, несмотря на то, что был греком, во многом продолжил церковную политику Кирилла. Константинополь уже был освобожден от крестоносцев (1261 год), но император Михаил Палеолог (1259-1282) втянул Византию в униатство с Римом. Уния была подписана на соборе в Лионе в 1274 году, что вызвало недовольство в самой империи. Справившись с опасностью нового похода крестоносцев на Константинополь, Византийская империя и, конечно, церковь всячески стремились убрать и ненавистное униатство. Все последствия унии были ликвидированы со смертью императора Михаила в 1282 году. Для митрополита Максима после преодоления унии, была тем более неприемлема линия Даниила Романовича Галицкого по сближению его княжества с западными правителями. Возможно, митрополит Максим покидает

Киев в 1287 году не из-за общего разорения Киева, а из-за прозападной линии сына Даниила Льва Галицкого (+1301; князь Перемышльский 1240-1301; Белзский 1245-1269; Холмский и Галицкий 1264 -1301; Волынский 1292 – 1301). Лев Данилович не владел уже Киевом но, его власть простиралась на всю Западную Русь. Официально Максим не остается и не возвращается в Киев в связи с неким нашествием на Киев Татар в 1299 году (покидает Киев ранее – в 1287 году). Перемещается митрополит на северо-восток Руси (в Брянск, Суздаль и Владимир) не один митрополит, а со своим («митрополичьим») «клиросом». В Киеве остается лишь наместник митрополита. Владимирский епископ перемещается в Ростов. Явление Богородицы святителю с передачей ему омофора и просьбы Небесной царицы пасти жителей Владимира говорят о том, что Владимир уже может рассматриваться как митрополичья кафедра. Даже, при сохранении титула «Киевский» за митрополитом, церковный центр перемещается на северо-восток Руси. Значение этого на начало XIV века для Руси было еще не совсем ясным, но место пребывания митрополита уже возвышало Владимир. Митрополит давно ведь является защитником и объединителем Руси, стремившейся в своем сокровенном внутреннем движении сердца в тяжелых условиях сохранить именно православие. Место захоронения тоже играет огромную роль – поэтому митрополита похоронили не в Киеве, а, уже, в Успенском соборе Владимира.

Церковная политика Льва Галицкого во многом продолжала линию его отца Даниила Галицкого. Даниил женил Льва на Констанции – дочери Белы IV короля Венгерского. Вместе с отцом Лев воевал против татарского беклярбека Куремсы, который в 1252-1253 годах вторгся в пределы Галицко-Волынского княжества. Лев во главе с войском отца разбил Татар под Луцком. Правда, согласно с татарскими обычаями через несколько лет был вынужден участвовать в совместном галицко-татарском походе против Литвы. После кончины Даниила, Лев получил в княжение Галич, Перемышльское княжество и Львов, город названный его именем. В 1269 году Лев получает полную власть над Холмом и Дрогочином (после кончины младшего брата Шварна Даниловича). Лев претендовал также и на Литовский престол. Василько Романович князь Волынский пригласил Льва и Войшелка для примирения. Примирение произошло, и Войшелк уже было поехал в свой монастырь, но Лев поехал за ним, поссорился и в драке убил литовского князя. Несколько лет Лев добивался литовского престола, но, в конце концов, не преуспел. Совместный поход против ятвягов, правда, принес «победу и честь великую». Лев был втянут в отношения, не только с Литвой, но и с Чехией, Венгрией, Тевтонским орденом. В 1279 году в союзе с чешским королем Вацлавом II пытался захватить Краков, оставшийся без княжеской защиты посла смерти Болеслава Стыдливого, скончавшегося

бездетным. Краковские вельможи не приняли Льва, хотя жены Болеслава и Льва (Кунигунда и Констанция) были родными сестрами. Они предложили Краков князю Лешеку Черному (+1288). Разгневанный Лев обратился к Востоку, точнее к беклярбеку Ногаю. Совместный поход не удался, под стенами Кракова Лев потерпел страшное поражение, потеряв 7 знамен и 8 тысяч убитыми. Лешек Черный в отместку повел поляков на Перевореск, перебив при этом всех жителей. Позже, в 1283 и 1287 годах Лев также ходил вместе с Татарами на поляков, но также неудачно. Самое замечательное свое приобретение Лев Данилович получил в 1292 году. Владимир Василькович князь Волынский завещал свой удел Мстиславу Даниловичу князю Луцкому, но последний правил около трех лет и тоже вскоре скончался. Лев теперь на законных основаниях принял Волынь. Присоединил Лев к своему княжеству еще и Мукачево (1280 год) и Люблинскую землю (1292).

Центром своего княжества Лев Данилович считал, доставшийся ему в удел, Львов. В отличие от своего отца Даниила Галицкого, Лев на Киев уже не посягал. Киев при такой ситуации, при образовавшихся мощных политических центрах притяжения, претендовал на нейтральную позицию в отношениях между князьями. Древняя столица Руси находится практически в центре Руси, между Галичем и Владимиром. Значение Киева как города сохраняется как центра Руси при условии пребывания в нем митрополита. С перемещением митрополита во Владимир, а, тем более, захоронение митрополита Максима в городе на Клязьме, явно делает крен в сторону Северо-Востока. С этим перемещением Западная Русь будет терять политическое влияние на всю Русь. Конечно, задачей митрополита не было политическое стяжание Руси, но сама Русь объединялась и сплачивалась вокруг церкви, только в вере русские находили утешение. Митрополит в своем выборе мог исходить только из церковных и религиозных побуждений. Склонность Даниила Галицкого и его сына Льва к западничеству, и, с другой стороны, политика Александра Невского и митрополита Кирилла по сохранению именно Православия на Руси, стремление отойти от униатства Византии определяли выбор, как митрополита Кирилла, так и митрополита Максима, еще не столь явный, но уже заметный. Неопределенность положения митрополита, да, еще и в связи с традиционной княжеской междоусобицей, позволяла не только Киеву, но и другим городам надеяться на свое возвышение через пребывание в нем митрополита.

Преемником Льва Даниловича в Галицкой Руси был его сын Георгий (Юрий) I (+ около 1308, не позже 1316; с 1301 года князь Галицко-Волынский; с 1305 года Король Руси). С отцом и татарами ходил в походы в Польшу и Венгрию. Владимир Василькович Волынский (+1288) не любил своих

родственников, двоюродного брата Льва и его сына Георгий (Юрия) и поэтому не завещал им свое княжество. Георгий (Юрий) "по совету безумных своих бояр молодых и коромольников берестьян" самовольно занял Брест. Мстислав Данилович, преемник Владимира, князь Волынский обратился ко Льву и тот, попросил сына покинуть Брест. "С великим соромом" Георгий выехал из Бреста, но, стремясь отомстить городу пограбил в нем все дома и не оставил камня на камне. Такая же участь от его руки постигла Каменец и Бельск (ныне – Бельск-Подляски). В Дрогочин сбежали и сторонники Георгия, пригласившие его в Брест. В 1301 году по смерти отца Георгий получает Галицко-Волынское княжество.

Приняв такое, безусловно, великое наследство, Георгий проявил желание всей Западной Руси иметь у себя своего митрополита, уже не надеясь на его переезд с востока. Еще при жизни митрополита Максима Георгий в 1303 году выхлопотал у патриарха Константинопольского Афанасия (1289-1293 и 1303-1310) при императоре Андронике II Палеологе (1282-1328) поставления в Западной Руси Галицкого митрополита. Патриарх Афанасий, рукоположенный в Салониках и проведенный много времени на Афоне, преодолевал последствия униатской политики, столь нелюбимой в Византии. Этим рукоположением, вероятно, патриарх стремился остановить возможное проникновение католичества на Русь. Более того, патриарх Афанасий затеял некую церковную реформу, которая заключалась в увеличении количества митрополий, зависящих от Константинополя. Создание нескольких новых митрополий, в том числе и на Руси, могло быть частью его программы. Император Андроник всецело в этом вопросе поддерживал патриарха.

Активная вовлеченность и Льва Даниловича и Георгий (Юрия) Львовича в дела западных соседей явно говорят и об обратном процессе – Рим был также заинтересован в прокатолической политике Галицкого княжества. Об этом указывает предоставление Римом титула «король России» (*rex Rossiae*) Даниилу и его внуку Георгию (Юрию). С этим титулом Галицкие князья и, в данном случае, Георгий получают определенные политические привилегии. Еще князь Даниил, например, соединял браком своих детей с детьми соседних государств, устанавливая мир и, конечно, свое влияние. Георгий, естественно, стремился сохранить силу и мощь своего княжества и получение титула «король» этому соответствовало. У нас сведений нет, стремился ли Георгий изменить веру, но то, что Рим за титул «короля» мог требовать отрыва Галича от византийской ориентации или даже православной традиции, это точно. Галицкий князь прекрасно видел, как центр Руси с переездом духовного стержня Руси митрополита Киевского перемещается на восток, оставляя Галицкой Руси

второстепенную роль. Даже, если сам Георгий и не стремился к измене Православию, он должен был горячо желать предоставления Галичу духовного центра в противовес Владимиру. Георгий мог в переговорах с Константинополем, и представить дело как «наступление Католицизма» в случае отсутствия в его пределах законного митрополита.

Выбор Афанасия пал на епископа Галицкого Нифонта. Статус митрополита Нифонту был дан с подчинением ему епископов Холма, Турова, Перемышля, Владимира Волынского и Луцка. В списке митрополий Константинопольского патриархата Галицкая митрополия появляется 81 по порядку среди других. При этом Киевская митрополия («Киева и всея России») в этих же списках понижается с 60 на 71 место. Интересно то, что русские летописи умалчивают о установлении Галицкой митрополии. Даже имя первого митрополита Нифонта называет в своем послании польский король Казимир в 1370 году.

Нифонт долго не пробыл митрополитом Галицким – в 1307 году он скончался. К этому времени, несколько ранее, в 1305 году преставился и митрополит Максим.

Северо-восточная Русь в это время стояла на пороге страшной кровавой войны между Москвой и Тверью. Тверь выделилась в особый удел при Ярославе, брате Александра Невского и выросла очень быстро в довольно сильное княжество.

Михаил Ярославич (+1318; 1282 или 1286-1318 князь Тверской; 1305-1318 Великий князь Владимирский), сын Ярослава, брата Александра Невского занял тверской стол в 1282 или в 1286 году. Супругой его стала ростовская княжна Анна Дмитриевна (в будущем святая Анна Кашинская). В 1300 году ходил со своим тверским войском на Ландскрону на берегах Невы, но крепость была взята до его прихода.

Великий князь Андрей Александрович завещал Великое княжение Михаилу Ярославичу. Михаил был старшим в роде Всеволода Большое Гнездо и считал старший Владимирский стол своим. Решительный Юрий Данилович (+1325; князь Московский 1303-1325; князь Новгородский 1322-1325; Великий князь Владимирский 1318-1322), старший сын Даниила, как внук Александра Невского тоже считал себя имеющим право на занятие Владимира. С другой стороны князь Иоанн Дмитриевич Переяславский свой удел оставлял Юрию, чему был недоволен Михаил. Когда Михаил отправился в Орду за великокняжеским ярлыком, то туда же отправился и Юрий. Митрополит Максим уговаривал Юрия не ездить в Орду и не спорить с Михаилом. Митрополит

ручался, дать Юрию во избежание распри, некоторые волости, но Московский князь не послушал. «Я иду в Орду так, по своим делам, а вовсе не искать Великого княжения», - отвечал он Максиму. Юрию поверили, так как Переяславская земля оставалась предметом спора с Михаилом и, по решению хана могла быть передана в другие руки. Юрию необходимо было в любом случае эти богатые земли оставить за Москвой.

Столкновения начались еще по дороге Юрия в Орду. Тверские бояре во главе с неким Акинфом хотели перехватить Юрия, затем напали в Костроме на Бориса, брата Юрия и захватили его в плен, позже – подошли с тверскими полками к Переяславлю, где находился другой брат Юрия, Иоанн Данилович. На помощь Иоанну из Москвы заспешил боярин Родион (Родион некогда еще при Данииле Александровиче пришел на службу к Московскому князю из Киева, приведя с собой 1 700 человек). Боярин зашел тверичан в тыл, а Иоанн в это же самое время сделал вылазку из города, и после злой сечи – неприятель потерпел полное поражение. Родион собственноручно убил Акинфа.

В самой Орде уже не гнушались простым торгом из-за ярлыка на Великое княжение. Татары прямо заявляли, что хан даст ярлык тому, кто больше заплатит (Ханом Золотой Орды в это время, в 1291-1312 годах, был Тохта, сын Менгу-Тимура). Михаил поднял такую цену, что Юрий должен был сразу отказаться. «Отец и брат, - сказал он Михаилу, - ты даешь больше: я уступаю, ибо не хочу грабить Русскую Землю». Ярлык получил Михаил Ярославич. Дословно, по аналогии с титулом митрополитов на Руси, титул обозначен как «Великий князь всея Руси». По возвращении из Орды, Михаил пошел было на Юрия, но дело до битвы не дошло. Новгородцы приняли наместников Михаила, тем самым признав его и своим князем.

В этой обстановке, после кончины и митрополита Киевского Максима (+1305) и митрополита Галицкого Нифонта (+1307), Михаил Ярославич Тверской и Георгий (Юрий) Львович Галицкий почти одновременно выдвигают своих кандидатов на митрополичью кафедру. Михаил посылает в Константинополь игумена Геронтия. Выбор Георгия пал на игумена Петра (основал монастырь на реке Ратс, позже названный Новодворским). В Константинополе был тот же Патриарх Афанасий, посвятивший Нифонта для Галицкого княжества. Проблема разделенной Руси, да, еще и при двух мощных княжествах – Владимирском и Галицком, и разоренном Киеве как бы посередине, создавало проблему не только для Руси, но и для Константинополя и церкви. Императору Андронику II Палеологу, конечно необходимы были союзники, преодолелось разделение внутри империи, вызванное Лионской унией 1274 года. В самой Византии, после разрыва унии в 1282 году, стремились

максимально отойти от прозападной политики. Значительно возросло значение монашества. В 1289 году патриархом стал благочестивый и аскетичный Афанасий, подвизавшийся до этого в Афонском монастыре Каракаллы. В патриаршестве Афанасий удивлял всех своей воздержанностью и любовью к богослужениям. В Константинополе патриарх столкнулся с униатской оппозицией, выражавшей себя уже не политически, а просто иным культурным образом – нравы столицы мало отражали евангельский дух. Афанасий требовал усиления строгости дисциплины в самой церкви. Архиереев, которые большей частью проживали в столице, вдалеке от своих епархий, патриарх начал отправлять их на родные им кафедры. Строгость обличений и решений патриарха вызвало недовольство у духовенства, и Афанасий был вынужден в 1293 году покинуть кафедру и удалиться в монастырь Ксиролоф. Сам патриарх предсказал землетрясение в Константинополе, что и произошло через год. Поэтому император Андроник в 1303 году возвращает Афанасия на кафедру. Афанасий продолжил линию усиления церковной власти и самого Патриархата в империи, широко развил благотворительную деятельность, особенно во время разразившегося голода. Антилатинская позиция, естественно, была нескрываемой. Повлияла она и на внешнюю политику Византии: задачей церкви стала защита православного населения вне империи от римского влияния. Желанием спасти западно-русское православное население от западного влияния на территории Галицко-Волынского княжества можно объяснить и поставление Галицкого митрополита параллельно Киевскому, но пребывающему на востоке Руси. Наличие, по крайней мере, двух кандидатов от двух сильнейших русских княжеств предоставляло сложную дипломатическую задачу для Константинополя.

Только через три года после кончины митрополита Максима, в 1308 году Афанасий рукоположил выдвиженца Галицкого князя Георгия игумена Петра в митрополиты Киевские (с титулом «митрополит Киевский и всея Руси»). По этому решению, осуществленному, видимо, не без давления русских князей, видим, что единство Русской митрополии для Константинополя и, в частности, для патриарха Афанасия имеет гораздо большее значение, чем опасность влияния римо-католиков в Галицкой Руси. Возможно, рукополагая именно Петра, в Константинополе руководствовались компромиссом – кандидат из Галича, но титул ему дается «митрополит Киевский». Заметим, что Константинополь не настаивал на греческом своем представителе.

Митрополит Петр родился на Волыни, как повествует Житие, от благочестивых родителей Феодора и Евпраксии. В монастырь ушел в 12 лет и был выучен всей грамоте и, даже, писал иконы. К его авторству восходит

Петровская икона Божией матери. Уже, будучи иеромонахом, основал Ратский (впоследствии Новодворский) монастырь, видимо стремясь к безмолвной молитвенной уединенности. Князь Георгий хорошо знал подвижника и молитвенника Петра, возводит его в игуменство и часто слушает его наставления. Неудивительно, что Георгий Львович именно Петра выдвинул в митрополиты Галицкие. По рукоположению в митрополиты Киевские Петр получил от Афанасия святительские облачения, жезл и икону, которые привез в Константинополь другой кандидат, Геронтий.

Прибыв на Русь, митрополит Петр вначале в течение около года находился в Киеве. Возможно, посетил он и свою родину – Волынь и Галич. Опасность для Киева сохранялась и, видимо, немалая, и в 1309 году Петр перемещается во Владимир на Клязьме. Конечно, Георгий Галицкий был этим крайне недоволен, Михаил Тверской вынужден принять митрополита из Галича.

Однако, пребывание самого митрополита на Северо-Востоке было не безоблачным. Недовольный посвящением Петра в митрополиты, князь Михаил инспирировал дело против нового митрополита. Скорее всего, то, что это было вызвано тем, что Петр в борьбе Михаила с Юрием Московским стал склоняться к последнему. Составлено было обвинение митрополита Петра, наверняка, в мздоимстве, и представлено на соборе в Переславле Залесском в 1311 году. Кляузю написал Андрей, епископ Тверской, что явно указывало на Михаила как источник этих обвинений. Сам князь сообщал об этом и Константинополю. Собор оправдал митрополита, и князю Михаилу пришлось примириться с Петром. Правда, этот суд, тем самым, подорвал хорошее отношение к Твери и ее князю. Юрий Данилович Московский защищает Петра, и по окончании собора Петр невольно склоняется в сторону Москвы. Как истинный пастырь, Петр не может оставаться в стороне от бедствий Руси, и он заботится о благочестии и дисциплине в церкви. Митрополит часто путешествует по городам Руси, где поучает народ и духовенство об истинной вере и сохранении нравственности. Особо важны его слова к враждующим князьям о миролюбии и прекращении вражды. В пастырском своем служении митрополит Петр посещает Волынь, Киев, Суздаль.

Все помыслы митрополита были всецело поглощены заботами о своей пастве и думами о том, как поднять Русь из пучины бедствий и унижений. При этом митрополит Петр, как служитель Церкви, яснее других людей понимал, разумеется, что основная причина наших бедствий заключалась в отсутствии братолюбия и разделения нашей страны на ряд удельных владений. Наверняка, Петр питал в своем сердце надежду видеть вновь Русскую Землю под властью единого правителя. Перемещаясь постоянно по делам паствы из одного конца

Руси в другой, он обратил внимание свое на набожного Иоанна Даниловича, князя мудрого и заботливого о своих подданных. Полюбилась митрополиту Петру и Москва, чудесно расположенная в прекрасной местности, в узле дорог, идущих с разных концов Русской Земли («обретя святыи светитель град честен кротостью, зовомый Москва в немже обретеете князя благочестива, именем Ивана»). Иоанн Данилович Калита сел на Московский стол в 1325 году, после своего брата Георгий (Юрия) (+1340; князь Московский 1328-1340; князь Новгородский 1228-1237; Великий князь Владимирский 1332-1340). Конечно, митрополит Петр бывал в Москве и ранее 1325 года, но с восшествие Иоанна Даниловича окончательно перебрался в Москву. Скончается митрополит Петр в следующем, 1326 году, но, перед кончиной призвал к себе князя и завещал похоронить себя в Москве и построить каменный храм в честь Успения Святой Богородицы и произнес слова, ставшие пророческими: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь, и меня, упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья, и внуки твои, и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». Петр, вскоре скончался и, согласно завещанию, был похоронен Иоанном, в заложенном им Успенском соборе. Следует заметить, что митрополит переходит в Москву еще до того, как Иоанн Данилович стал Великим князем в 1328 году. К этому времени, митрополит Петр не хотел пребывать на какой-нибудь иной кафедре. Возвращение в Галич исключалось из-за влияния католического Рима.

Перенесение местожительства митрополита в Москву имело огромное значение. Митрополит, в отличие от князей, был один на всю Русь и его выбор в пользу Москвы уже означал ее столичность. Титул Великого князя при удельной системе не обязательно предполагал какой-либо город, он обозначал статус князя. Епископы же строго связаны со своими городами, тем более, митрополит, который обращается со словами назидания ко всем князьям без исключения. Наличие епископской кафедры, а, тем более, митрополита, в определенном городе возвышало этот город над другими. Сохранение настоящей христианской жизни и было гарантом дальнейшего существования города. Горожане сплывались вокруг своего епископа даже в большей степени, чем вокруг князя. Митрополит в своем выборе мог руководствоваться только церковными мотивами – благочестием, набожностью, приверженностью истинной христианской жизни князя и жителей города. Строительство Успенской церкви в Москве явно подтверждает приверженность князя и москвичей в сохранении ими Православия, христианской нравственности и праведности. Храм – это не только то место, в котором православный человек крещен во младенчестве, обвенчан в брак, исповедан в грехах, причащен в жизнь вечную и отпет по

смерти, но еще как кафедра епископа или митрополита, которая сохраняет каноничность и правильность самой христианской жизни в противовес окружающей беззаконности, развращенности и вседозволенности.

Стремление сохранить праведность русской христианской жизни митрополитом Петром выразилось в строгости соблюдения церковных канонов – в 1312 году за некое преступление лишил сана епископа Измаила Сарайского, который участвовал, еще, в примирительном съезде князей в 1296 году во Владимире. Появилась даже какая-то ересь («богопротивное умствование»), которую проповедовал Сеита. После увещаний, которые к покаянию еретика не привели, митрополит предаст его анафеме.

В 1313 году ханом Золотой Орды стал Узбек-хан сын Тогрула, племянник хана Тохта. В январе 1313 года Узбек вместе прибыл из Ургенча, чтобы сказать родственникам покойного хана Тохты слова утешения и убил своих конкурентов. При поддержке жены своего отца Баялун Узбек захватил власть в Золотой Орде. Воцарение Узбека произошло при поддержке сторонников ислама. Однако многие хотели видеть на престоле в Орде традиционного сторонника монгольского язычества. Поэтому Узбек не торопился и принял веру пророка в 1320 году. Митрополит Петр, конечно же, немедля, по избранию нового хана отправляется в Орду. Его принимают там в должной чести и вручают новый ярлык. Этот ярлык подтверждал прежние льготы духовенства и, даже, более того, прибавлено к нему заметное дополнение: суду митрополиту подчинены были все церковные люди по всем делам, не исключая уголовных. В дальнейшем русские люди будут перемещаться, и поселяться на церковных землях, обеспечивая себе хоть какую-то защиту от Татар и княжеских разграблений.

С начала XIV века разразилось острое соперничество, перешедшее в войны между Михаилом Тверским и Юрием Московским, а, позже, между Александром Михайловичем Тверским и Иоанном Даниловичем Московским. Митрополит Петр принял сторону Иоанна Калиты, что во многом определит получением последним титула Великого князя.

Михаил Тверской получает ярлык на Великое княжение в 1304 году, митрополит Максим посадил его во Владимире, а, вскоре, он договорился с Новгородом. Юрий Данилович Московский не подчинялся Михаилу, но, тем самым, подверг Москву двум опасным нашествиям тверичей.

В 1313 году в Орде воцарился новый хан Узбек и Михаил вновь заторопился в Орду – у нового хана необходимо было брать и новый ярлык. Новгородцы воспользовались моментом и прогнали тверских наместников и

пригласили Юрия. Юрий Данилович согласился, но получил приглашение от Узбека ехать в Орду. Юрий оставил в Новгороде своего брата Бориса, а, тем временем, Михаил Тверской уже возвращался из Орды и с татарской ратью шел на Новгород. Под Торжком Михаил разбил новгородцев и даже срыл укрепления этого города. Несмотря на победу, ее результатами Михаил пользовался лишь три года. В 1216 году новгородцы вновь изгнали тверских наместников. На этот раз поход Михаила на Новгород не удался – войско близко подошло к городу, но запуталось в лесах и болотах, отчего воины стали погибать от голода и едва вернулись домой.

Тем временем князь Юрий пребывал в Орде. Он там женился на любимой сестре хана Узбека – Кончаке, названной в крещении Агафией. Юрию удалось выпросить для себя ярлык на великое княжение. Затем, с молодой женой и татарской ратью, под предводительством Ковгадыя, пришел к Твери. При селе Бортенево, сорок верст перед Тверью, произошло сражение, в результате которого Юрий потерпел сокрушительное поражение. Тверичи захватили в плен княгиню Кончаку, брата Юрия, Бориса и множество знатных пленников. Юрий бежал в союзный ему Новгород. Михаил привлек на свою сторону Ковгадыя, рассчитывая вернуть себе Великое княжение. Вскоре между князьями установился мир и договоренность о том, что они поедут в Орду и там решат вопросы власти. Однако, именно в это время произошло несчастье – скоропостижно скончалась, находящаяся в плену у Михаила, жена Юрия, Кончака-Агафия. Сразу же был запущен слух о ее отравлении – гибельный для Михаила и выгодный для Юрия.

Уже по дороге в Орду, Михаил узнал, что Ковгадый уже представил дело хану в невыгодном свете. Сыновья Михаила, Димитрий и Александр, отговаривали отца ехать в Орду – пока уляжется гнев хана, а, пока они, поедут в Орду. Михаил же решил ехать сам. «Хан зовет не вас и никого другого, и моей головы хочет; не поеду, так вотчина моя будет опустошена и множество христиан избито; после когда-нибудь надо же умирать, так лучше теперь положу душу мою за многие души», - отвечал князь сыновьям. Михаил нашел хана Узбека в устье Дона и в полтора месяца разносил подарки знатым татарским князьям и самому Узбеку. Сам же хан повелел произвести суд над князьями. «Которого будет правда, того хочу жаловать, а виноватого повелю казнить», - повелел Узбек. Обвинителем и судьей был назначен Ковгадый. На суде Михаилу предъявили следующие обвинения: «ты был слишком горд и непокорен хану, ты похорил его посла Ковгадыя, бился с ним и Татар его побил, дани ханские брал себе, хотел бежать к Немцам с казной, и казну в Рим к папе отпустил, княгиню Юрьеву отравил». Михаил защищался, но тщетно; у него скоро отобрали платье,

отняли слуг, духовника, наложили тяжелую колоду. Затем погнали за ханом Узбеком в предгорья Кавказа, где хан устроил масштабную охоту. Несколько тысяч людей сгоняли зверей с гор. По дороге князь Михаил читал Псалтырь, а, когда, по причине колодок это было невозможно, отрок перелистывал ему страницы. Близ города Деякова этот отрок предложил князю бежать в горы. «Если я один спасусь, - отвечал Михаил, - а людей своих оставлю в беде, то какая мне будет слава?».

После двадцати четырех дней, Ковгадый привел Михаила на торг, глумился над ним, обещаю, что завтра его простят, и будет в милости у хана. После этого, Михаил уже угадывал свою участь. Через день, князь велел отпеть заутреню, часы, прочел со слезами правило к причащению, исповедовался и призвал к себе сына Константина, бывшего с ним в Орде. Он объявил Константину свою последнюю волю, а священники прочитали ему на выбор стих из столь любимой им Псалтыри: «Возверзи на Господа печаль свою, и той ти пропитает и не даст во веки смятения праведному». Прибежал отрок, весь бледный от смятения, и сказал, что идут уже люди, чтобы убить князя. Они схватили Михаила за колодку, ударили об стену. Когда же Михаил вскочил на ноги, то него бросились человек пять-шесть, нещадно били ногами, а, затем, один из них, именем Романец, выхватил большой нож и вырезал по татарскому обычаю сердце. Тело мученика было брошено на поругание, а, затем, положили на доску, привязанную к телеге. Ночью, несмотря, на то, что вокруг много хищных животных, тело осталось нетронутым. Поэтому утром многие, и не только православные заговорили, что «князь Михаил – святой, невинно убитый».

Тело князя Михаила было доставлено в Русскую землю и захоронено в Москве, в Спасском соборе (церковь Спаса на Бору в Кремле). Только к 1320 году Юрий Данилович вернулся в Москву с ярлыком и привез с собой молодого Константина Михайловича и тверских бояр в качестве пленников. Заключив мир с сыновьями Михаила – Димитрием, Александром и Василием, Юрий согласился отпустить Константина, а также отдать Твери тело убиенного князя Михаила. Тело князя принимала его вдова, святая княгиня Анна Кашинская (так называлась, потому что принесла с собой в приданое город Кашин) и захоронила мужа в храме Преображения Господня. Местное празднование святому благоверному князю началось уже в ближайшее время. Общецерковное прославление святого состоялось на Соборе 1549 года.

Несмотря на заключенный мир, вражда сыновей Михаила с Юрием Московским не прекратилась. Вскоре, уже Юрий был обвинен перед татарами в утаивании от них «выходного» серебра, то есть собираемое для дани. Считается, что серебро Юрий отдал новгородцам для оборота. Димитрий Михайлович

Тверской (Грозные Очи; +1326; князь Тверской 1318-1326; Великий князь Владимирский 1322-1326) отправился в Орду и получил ярлык на Великое княжение. Посол Орды Ахмыл призвал Юрия к ответу и уже московский князь вынужден отправиться на суд. При этом Михайловичи стерегли Юрия на всех путях, чтобы он не сбежал и желая собственноручно доставить его к хану. В Сарае Юрий встретился с Дмитрием Михайловичем и тот, увидев главного виновника в смерти отца, тот час выхватил меч и зарубил Юрия, чуть ли не перед глазами хана Узбека. В народе за столь резкий, дерзкий поступок, он получит прозвание Грозные Очи. Узбек благоволил Дмитрию, но за такое самоуправство приказал казнить его. Супруга Дмитрия, дочь литовского князя Гедемина, Мария не смогла пережить горе и вскоре скончалась. Ярлык же на Великое княжение хан отдал брату Дмитрия – Александру Михайловичу (+1339; князь Новгородский 1325-1327; князь Тверской 1326-1327, 1338-1339; Великий князь Владимирский 1325-1327).

В Москве в это время как раз и сел на стол, после Юрия его брат – Иоанн Данилович (Калита; +1340; князь Московский 1325-1340; князь Новгородский 1328-1337; Великий князь Владимирский 1328-1340). Скончались к этому времени все его братья и, поэтому, Иоанн стал править во всей Московской области. Еще при жизни за необыкновенную доброту и заботу о нищих и сирых, он получил прозвание Калита – ходил всегда с огромным кошельком для раздачи милостыни. Неудивительно то, что митрополит Петр избирает в это сложное братоубийственное время Москву как место своего святительского пребывания.

ЛЕКЦИИ XXXIV-XXXVI.

Русская православная церковь при митрополите Феогносте.

Москва была прекрасно расположена, в прекрасной местности, на перекрестке дорог, идущих с разных концов Русской Земли. В городе часто останавливались купцы для отдыха во время своих путешествий, что позволяло Москве быстро богатеть и возрастать. Гораздо большее значение имело именно религиозное развитие Москвы, как одного из центров сохранения Православия и христианской жизни на русских просторах. Когда, в 1325 году, Иоанн Данилович Калита после брата Юрия, сел в Москве на княжение, то митрополит Петр сам переезжает сюда же на жительство и скончался здесь же в следующем году. Перед кончиной митрополит Петр призвал к себе Калиту и завещал ему похоронить себя в Москве и построить храм во имя Успения Пресвятой Богородицы. Затем митрополит Петр произнес знаменитые пророческие слова: «Если меня, сын, послушаешься, храм Пречистой Богородицы построишь, и меня упокоишь в своем городе, то и сам прославишься больше других князей, и сыновья, и внуки твои, и город этот славен будет, святители станут в нем жить, и подчинит он себе все остальные города». Похоронен был митрополит, согласно завещанию, в заложенном Успенском соборе. Запрестольный образ для нового храма был написан самим Святителем, обозначая особое благословение митрополита Петра. Гроб самого святителя был не менее драгоценен для Москвы, как и пребывание живого Петра в городе. Выбор митрополита воспринимался, как внушение Божие оставить святительскую благодать в Москве.

Одно только пребывание святителя в Москве давало городу значение столицы всей Руси; при этом, конечно, действия князей, здесь сидевших, должны были всегда направляться советами и руководством митрополита. При удельной системе правления, когда князь, даже получивший Великокняжеский титул не покидает своего города, удела, именно место пребывания митрополита становилось центром Руси. Конечно, в первую очередь не политическим, а духовным, местом сосредоточения и сохранения русских православных традиций в противовес окружающему разврату, бесчинию и беззаконию. Сам же митрополит руководствовался исключительно благом всей Русской земли. Поэтому и вся Русская Земля уважала и ценила все обращения митрополита. Пребывание его в Москве заставляло в первую очередь московских князей слушаться советов святителя. Смысл этих советов митрополита будет прост – максимально воздействовать на князей в сохранении самого Духа Православия и

законов христианской жизни. Поэтому, будет вырисовываться уже и влияние святителя на политику московских князей. От соответствия этой политики жизни православного человека и будет зависеть судьба городов – их возвышение или принижение. Возведение Успенского храма в Москве явно показывало желание Иоанна Даниловича заботиться о вере, традициях, канонах и правилах жизни своего народа. Поэтому и связывает в своих словах митрополит Петр перед своей кончиной, строительство храма Богородицы, Небесной Заступницы в бедах, своего святительского захоронения в Москве с будущей судьбой Москвы. Забота о вере Православной оборачивается ростом значения города. Другие князья, конечно же, прекрасно понимали, что означает перемещение и захоронение митрополита Петра в Москве – они также должны прислушиваться к словам святителя, зачастую крайне неприятным для них из-за той самой междоусобицы. Амбиции, гордость и претензии князей никуда не исчезли и они, обладая древними и значительными городами и кафедрами не оставят попыток и возвышения своих кафедр и, даже, создания иных митрополий. Остановить же рост значения Москвы князья уже не могли, и фундаментом для этого было пребывание и захоронение митрополита Петра.

Тем временем в Тверь возвратился из Орды Александр Михайлович (+1339; князь Новгородский 1325-1327; князь Тверской 1326-1327, 1338-1339; Великий князь Владимирский 1325-1327). Прибыл он не один, а с татарами, «его должниками», которые собирают дань, вероятно, за полученный ярлык на великое княжение. Тверская земля пребывает в крайнем унынии, многие бегут и прячутся в труднодоступных местах. Из Москвы же едет в Орду брат убитого князя Юрия, Иоанн Данилович. Калита, подобно своему великому деду Александру Невскому, ведет себя мудро и, тем самым, приобретает полное доверие Татар. Такое поведение князя, безусловно, послужило на благо его подданных и самой Москвы.

Несколько позже, в Тверь пребывает ханский посол Шевкал, сын Тудана или Щелкан Дуденевич, двоюродный брат Узбек-хана. Политика Орды по отношению к Руси в это время несколько изменилась. В самой Орде решили, наконец, жестко отнестись к Твери и ее князьям. При чем, возможно, именно Шевкал вызвался истребить тверичей: «Если повелишь мне, - говорил он хану, - я пойду на Русь, и разорю Христианство, князей их побью, а князьких детей к тебе приведу». Неизвестно, что именно послужило источником такой жесткой позиции, но, совершенно точно то, что по прибытии в Тверь, Шевкал, действительно изгнал Великого князя Александра Михайловича с отцовского двора и поселился в нем сам. Вскоре начались обиды, грабежи, поругания и насилия по отношению к местному населению и жители возмущаются и

жалуются князю. Александр в этом положении помочь подданным ничем не мог и велел им терпеть. Тверичи начали ожидать удобного случая, чтобы броситься избивать Татар. Ходили слухи, что и Шевкал ждал случая сбора всех тверичей, чтобы их всех сразу истребить. В день Успения Пресвятой Богородицы, диакон Дюдько повел утром молодую и здоровую свою кобылу на водопой. Заметив хорошую лошадь, Татары кинулись ее отнимать. Это происшествие и стало началом кровопролитного побоища с обеих сторон. Говорили, что сам Александр, узнав о замысле Шевкала, ждал удобного случая, предупредил его и в день Успения начал битву. Сражение прямо на улицах Твери продолжалось целый день; к вечеру Александр и тверичи одолели татар, а Шевкал сгорел в княжеском дворце. При этом были убиты и ордынские купцы, вовсе не участвовавшие в сражении – одних побили, других пожгли, иных потопили. Не пощадили ни одного татарина, что никому было даже доставить эту страшную весть в Орду. Восстание это стало бедой напрасной и крайне неразумной.

Узбек-хан, узнав о случившемся, страшно рассвирепел на Тверских князей и решил всех их истребить. Он потребовал в Орду Иоанна Даниловича, ибо только Московский князь остался в глазах хана видным лицом на Руси и старшим во всем роде князей Суздальской земли. Иоанн Калита был вынужден ехать в Орду, несмотря на страх перед гневом хана, хотя бы для спасения своих Московских волостей. Конечно, это несчастье Твери было выгодно для Москвы, но в сложившейся ситуации единственным способом спасения Москвы было указание на виновника резни в Твери – Александра Михайловича. Пришла из Орды рать, пять темников во главе с 50 000 воинов, к ней присоединился Иоанн Калита с суздальским воинством. Татары пошли прямо к Твери, опустошили все тверские города. Разорение, опустошение и кровопролитие было великое или, как выразился летописец «положили пугу всю Русскую землю». Татары хотели было идти далее на север в Новгород, но новгородцам удалось откупиться множеством даров и двумя тысячами отрубками серебра («рублями»). Кроме Новгорода спасена была от разорения еще Москва. Александр Тверской бежал с семьей в Новгород, но не был там принят и потому ушел в Псков. Псковичи вспомнили присягу, которую давали еще Александру Невскому – принимать с честью и беречь всех изгнанников, - встретили и приняли Александра.

Когда Татары отправились назад в Орду, вслед за ними поехали туда же и русские князья утверждать себя на княжения в удельных княжествах, сложившихся после погрома Твери. Узбек-хан отдает великое княжение Иоанну Даниловичу Московскому и «иные княжения даде ему к Москве», а Константину Михайловичу – Тверское княжение. Вместе с этим, хан повелел всем князьям привести Александра из Пскова. Дело становилось общим и крайне опасным для

всех князей – они попадали в тяжелое положение. За Александра должна была отвечать вся Русская земля. Так сами татары способствовали пробуждению в русском народе общих целей. В это непростое время на Русь и прибыл из Византии новый митрополит Феогност (1328-1353).

Феогност по происхождению был, в отличие от митрополита Петра, греком и направлен на Русь согласно традиционным канонам. Высказывалось предположение, что к этому времени, после начала татарского ига, установилась некая новая традиция – после русского митрополита назначать митрополита грека непосредственно из Константинополя. Русские по происхождению митрополиты, выдвигаемые русскими князьями, все равно должны были получать посвящение в Константинополе. Возможно, русские князья, и Александр Тверской и Иоанн Московский сохраняют эту договоренность и, после кончины Петра, никого из «своих» кандидатов не выдвигают, а ожидают назначения митрополита из Константинополя. Правда, мы не знаем, была ли такая договоренность с Константинополем. Гораздо проще представлять то, что после Петра Константинополь «вспоминает» о канонах и не допускает выдвижения митрополита из природных русских. В житийной литературе есть очень краткие указания на то, что святой Петр при поддержке Московского князя Ивана Калиты наметил себе в преемники архимандрита московского Даниловского монастыря Феодосия. Трудно с достаточной степенью убедительности объяснить причину отклонения Константинополем этой кандидатуры. Не видно, чтобы Иван Калита был склонен настаивать на поставлении Феодосия. Вряд ли московский кандидат был отведен только по признаку национального происхождения, ибо перед ним был поставлен южнорусс святой Петр, а после него — русский святой Алексий. Причиной предпочтения Феогноста могло быть явное преимущество образования, церковно-административного опыта и нравственных качеств его по сравнению с другими кандидатами. Святой Феогност являлся одним из лучших святителей Константинопольской Церкви и вполне достойным её представителем на ответственном посту всероссийского первоиерарха. Его «житие» свидетельствует, что он, уроженец Константинополя, уже в молодости «считался украшением родного города». Он несомненно был одним из образованнейших людей своего времени. Как уже указывалось в его пользу говорила еще и традиция канонического поставления митрополитов на Русь Константинополем.

Поставление Феогноста в митрополиты Киевские происходит, скорее всего, при императоре Андронике II Палеологе (1320-1328) и при его соправителе-внуке Андронике III (1325, фактически с 1328 – 1341). Патриархом Константинопольским в это время был Исая (1323-1332). Митрополит

Феогност на Руси посещает Волынь и Владимир на Клязьме. Сохраняя титул Киевского митрополита, Феогност мог обосноваться и в Галиче, и в Киеве, и в Твери, и во Владимире, но, все же, местом своего основного пребывания выбирает Москву не желая «оставлять гроба чудотворцев», то есть митрополита Петра. Наверное, еще не понимая конечного итога, Феогност закреплял за Москвой статус церковной, но и государственной столицы Руси.

Уже в Москве Феогност застал пребывание Александра Тверского в Псков и совместный ответ за побоище в Твери всех русских князей. Иоанн Калита получает Великое княжение с условием приведения Александра Михайловича в Орду. Новое страшное нашествие грозит всей Руси – ведь, даже в случае мести Татар только Александру и его семье, им придется пройти почти всю Русь, прежде чем они дойдут до Пскова. Ясно, что Татары не пожалеют другие города, князья которых ничего не сделают для пленения Александра Михайловича.

Митрополит Феогност возглавил князей, обратившихся к Александру: «Иди в Орду, не погуби христиан от поганых. Лучше тебе одному за всех пострадать и тем сохранить Землю от беды». Александр, получив обращение, решил ехать в Орду, но воспротивился сам город Псков. «Не езд, господин в Орду; что бы с тобой ни случилось, умрем, господин, с тобой на одном месте», - сказали князю псковичи. Конечно, это было очень благородно с их стороны псковичей, но могло иметь самые страшные последствия для всей Русской земли. Ввиду этого, Иоанн Данилович, Великий князь, выходит с ополчением из Новгорода на Псков. Однако, разорять Псков и наказывать город он не собирается – его войско идет на удивление крайне медленно. Переход занял целые три недели, что говорит о затягивании времени и возможности Александру хорошо подумать и принять решение. Митрополит Феогност, прекрасно понимая сложность положения, обратился также и к Пскову: если псковичи не отпустят князя Александра, то он отлучит весь город от церкви и закроет все храмы. Это уже тяжелое наказание для горожан. «И тако посла Феогност митрополит отлучение... Тогда князь Александр Михайлович Тверской рече Псковичам сице: «братия и друзи верни, и любовьнии храбрии Псковичи! Не буду на вас отлучения и проклятия святительскаго мене ради худаго и грешнаго». Александр, конечно, не хочет подвергать Псков еще и такой казни, бежит к Немцам, а затем в Литву. Узбек-хану донесли об этих событиях, и он вполне удовлетворился этим изгнанием Александра. Правда, сам Александр, видимо осознал, что изгнанием он лишает детей своих обладать отцовским тверским наследством. Да, и князь Гедемин Литовский, покровительствующий Александру, оказывался в нелегком положении – ему также следовало теперь бояться пришествия Татар. Поэтому, через полтора года

после своего бегства, Александр возвращается в Псков, где оставалась его семья, и стал вновь там править. Александр тяготился своим положением и, через некоторое время решил попытаться искать примирения с ханом, для чего послал в Орду своего старшего сына Феодора. Фёдор вернулся из Орды с татарским послом на Русь. Хан простил Александра, и тот решил лично ехать к Узбеку. В 1337 году, после десяти лет пребывания во Пскове, Александр простился с семьей, получил напутствие от духовенства и пошел в Татарскую неволю. «Господин царь вольный! — сказал он Хану с видом покорности, но без робости и малодушия: — я заслужил гнев твой и вручаю тебе мою судьбу. Действуй по внушению Неба и собственного сердца. Милуй или казни: в первом случае прославлю Бога и твою милость. Хочешь ли головы моей? Она пред тобою... Я сделал много тебе зла, но теперь пришел принять от тебя смерть или жизнь, будучи готов на все, что Бог возвестит тебе». Узбек сказал на это окружающим: «Князь Александр смиренною мудростию избавил себя от смерти» — и повелел ему занять тверской стол. Князь Константин Михайлович волей или неволей уступил княжество старшему брату. Конечно, Александр надеялся вновь поднять значение Тверского княжества.

Однако в самой Твери, после татарского нашествия и княжения Константина, произошла перемена по отношению к бывшему Тверскому князю. Как только в Тверь приехал Александр из Орды и перевез из Пскова свою княгиню и детей, многие бояре, пользуясь своим правом свободного отъезда, поспешили уехать от него в Москву. Затем, Александр не утвердил договора с Московским великим князем и, не взяв с ним мира, послал в Орду своего старшего сына Феодора. Понимая опасность, Иоанн Данилович тоже пошел в Орду с двумя сыновьями — Симеоном и Иоанном. Узбек-хан доверяет более Московскому князю, чем Тверскому и воспринимал Александра Михайловича, как убежденного противника Татар, способного вновь поднять восстание. Хан потребовал к себе всех Русских князей, чтобы уже там решить, кто виноват в новой крамоле, и кто желает добра Русской Земле. Кроме Александра, еще и Василий Ярославский (Василий давыдович Грозные Очи, Грозный, князь Ярославский 1321-1345) не признает над собой власти Великого князя Иоанна, несмотря на то, что женат на дочери Калиты Евдокии, и примыкает к Твери. Вернувшись из Орды с великим пожалованием от хана и, послав в Орду уже трех своих сыновей, Иоанн Данилович отправил отряд в пятьсот воинов перехватить Василия Ярославского в пути, но, тот отбил. Правда, поддержка Александра Василием Ярославским не сыграет большую роль при решении участи Тверского князя. Вслед за сыном Феодором, по ханскому требованию поехал в Орду и Александр Михайлович Тверской.

Сама Тверь разделилась – некоторая ее часть, подчиняясь без своего князя Москве, была довольна пребыванию в тишине и мире, и боялись повторения событий нашествия Татар, Московскому князю Тверь подчинялась только в общеземском отношении; другая, твердо стояла за своего князя, надеясь на восстановление мощи Твери. Александр еще ранее заручился поддержкой супруги хана и искал возможности восстановить владычество над Москвой и над всею Русской землей.

Как на Руси, так и по прибытию князей в Орду, по отношению к Александру высказывалось множество неудовольствий. Узбек-хан вызвал Тверского князя тихо, с обещанием, что зовет его к великому «жалованию». Александр понимал коварство этой игры, но надеялся на благоприятный для себя ее исход. Однако из Твери его провожали с плачем, уже прощаясь.

По прибытию Александра в Орду от сына Феодора он узнает, что дела идут плохо, хан принял уже решение. Очень скоро Узбек-хан назначил день казни Александра – 29 октября 1339 года. В это день князь встал рано, помолился и, видя, что время приходит, послал к ханше за вестями, а сам поехал по знакомым, узнать о своей участи. Отовсюду был только один ответ – казнь назначена на сегодня. Александр, вернувшись к себе, стал прощаться с сыном и боярами, сделал распоряжения о княжестве, исповедался и причастился; то же сделал Феодор и бояре: «Он же объем сына своего, и бояр своих целоваше... и от сына своего, и от бояр своих и от всх слуг своих. Паче же от отца своего духовного прощение взем...». Ждали после этого недолго: вошли отроки и с плачем объявили о приближении палачей. Мужественный Александр сам вышел им навстречу, убийцы отрубили ему и его сыну Федору головы, и тела «розняли по суставам»: «...И се приидоша посланницы от царя к стану его. Он же выиди противу их со смирением, и тако ту убиен бысть... и с сыном своим Феодором и отсекоша главы их».

Так святая великая княгиня Анна Кашинская потеряла и своего второго сына и внука Феодора. Русская земля с глубоким религиозным чувством мученика за веру и отечество принимала останки князя и его сына. Растерзанные тела были привезены во Владимир, где их отпевал с великим почтением митрополит Феогност. Затем были перевезены в Тверь и преданы земле подле гробниц святого князя Михаила и Дмитрия Грозные Очи.

Так закончилась тяжелая борьба Москвы с Тверью. После казни Александра и Феодора, ни Тверские князья, ни Рязанские, также бывшие довольно сильными в это время, не могли уже сколь-нибудь успешно тягаться с

Москвой. Признаком преимущества Москвы было перенесение из Твери в Москву большого колокола из церкви Святого Спаса.

Конечно, можно обвинять Иоанна Даниловича в хитрой и коварной политике, которая и погубила Александра Михайловича Тверского. Однако, в сущности Александр погиб, скорее всего, не от наветов противников, а от собственной самоуверенности и самонадеянности. Восстание против татарского произвола было поднято чрезвычайно рано, Русь была еще не готова к полномасштабному сопротивлению. Ставилась под возможный татарский удар вся Русь. Князья и, особенно, митрополит Феогност, упрасывая Александра отправиться в Орду, защищали всю Русскую землю, а не просто отдельное княжество. Сохранение веры и самой Руси зависело от мира, а не от войны. Понимал это и сам Александр, но велико для него было, и желание победить Москву и вновь вернуть Твери Великое княжение. Надежды на то, что легко можно подавить Москву, не оправдались. Москва же, благодаря выбору митрополита Петра и дальнейшей позиции Феогноста, направляли политику Иоанна Даниловича на примирение и тишину. Даже тверичи о княжении Иоанна Димитриевича говорили с благосклонностью: «Того же лета сяде Иоанн Данилович на великом княжении всея Руси, и была тишина великая на 40 лет и престаша поганья воевать Русскую Землю и закалати христиан: и отдохнуша и опочинуша христиане от великия истомы и многия тягости, и от насилия татарского; и бысть оттоле тишина велика по всей Земле».

Осторожное и разумное поведение Москвы по отношению Татар, не замедлило принести обильные плоды. Татары, усыпленные «смиренной мудростью» Иоанна Даниловича и митрополита Феогноста, всячески покровительствовали Москве, способствуя созданию из Московского княжества с князем и митрополитом могучей силы. Сохраненные по старым ярлыкам права церкви, позволяли русскому православному народу концентрироваться на церковных землях. Пребывание митрополита именно в Москве было определенным гарантом отсутствия новых нашествий на Москву. Само положение Москвы, в узле главнейших путей того времени, привлекало торговых предприимчивых людей; сюда же стекались многочисленные поселенцы, привлекаемые как возможностью заработка, так и тишиной и спокойствием. Именно в Москве стали в полной мере восстанавливаться правила православной жизни, в противовес западному католическому влиянию на западе Руси, в Литве и языческому и мусульманскому влиянию на востоке. Об Иоанне Калите говорили, что он «исправи Землю Русскую от татей» (от разграблений нашествий Татаро-монгол) и водворил «тишину велию и правый суд» (спокойствие и законы жизни, согласно русским православным обычаям). Кроме

того, Калита ввел в действие и важный земельный закон, по образцу Византийского земского и уголовного устава.

Такая забота о своих подданных привлекала в Московские пределы не только крестьян-земледельцев, ремесленников и купцов, но и также и бояр из других княжеств. Бояре искали князя твердого и сильного, ограждавшего права своих подданных строгим поддержанием порядка и устоев общества. Такому князю они готовы были служить.

Святой митрополит Киевский Феогност был по праву не просто продолжателем Петра, но горячим сподвижником и, во многом руководителем и духовным наставником Иоанна Калиты. Собрание Русских земель уже в начале XIV века происходит по благословию митрополита Феогноста, следовавшего по завещанию митрополита Петра. «Православность» города, пребывание здесь митрополита, более чем князь ответственного за русский народ, было первым мощным стимулом к новой роли столичности Москвы. Противостояние татаро-монгольскому игу было, первоначально не политическим, а религиозным – Русь сохраняется там, где сохраняется Православие. Прямое восстание, подобное тверскому, приводило к обратному эффекту – грубому и жестокому нашествию, к которому Русь была еще не готова.

Конечно, Калита, как никто другой, по своему душевному складу, как нельзя более соответствовал для продолжения этой политики «мудрого смирения», заложенной еще Александром Невским. Более того, у Калиты скапливались определенные деньги, на которые он покупал земли в пользу Москвы после нашествия Татар. Таким образом ему удалось скупить целые города – Белоозерск, Кострому, Галич, Перемышль и Углич. Трудясь над собиранием Земли, Калита не менее усердно заботится и о застроении и украшении самой Москвы. Для защиты города он был обнесен дубовыми стенами. Значение Москвы во многом зависело от церкви, и в частности от митрополита Феогноста – и святитель, продолжая деятельность митрополита Петра, воздвигает в Москве новые каменные храмы. Кроме храма Успения Богородицы, с 1329 года строится храм Иоанна Лествичника (при храме будет впоследствии воздвигнута знаменитая колокольня «Иоанн Великий»), в 1330 году – храм Преображения Спаса нашего Иисуса Христа («Спас на Бору», церковь для архимандритии святого Даниила из Заречья, столь почитаемого князем Иоанном); с 1333 – храм Михаила Архангела (будущая усыпальница Московских князей). Сооружение же Успенского собора производилось на деньги святого митрополита Петра, который завещал для этого все свое состояние. При митрополите Феогносте, его предшественник, митрополит Петр и был прославлен – это был первый прославленный митрополит, что также

служило не только подтверждением святости, но и возвышением города, его кафедры, где скончался митрополит Петр. Профессор Е. Е. Голубинский видел в канонизации политические мотивы. Прославление московского чудотворца было принято верующим народом как «явный знак особого Божия благоволения» к Москве и оправдывало перенесение митрополичьей кафедры в Москву, где находился гроб святителя Петра. В трудах святого Феогнosta по подготовке канонизации своего предшественника мы должны видеть только церковные намерения. Но объективно это имело и политические результаты.

Митрополит Феогност не был митрополитом только для Москвы, а для всей Руси, и согласно древним традициям посетил, по крайней мере, Брянск, Кострому, Волынь, Новгород. Сохранение Православия на Руси требовало от митрополита рукоположений епископов на важные кафедры. В 1329 году митрополит Феогност рукоположил для Ростова епископа Антония. Восстанавливалась и Рязанская епархия – по просьбе Софония Сарайского Рязани передавался Червлёный Яр, что подтверждал ближе к дате своей смерти (1353) сам митрополит Феогност специальной грамотой о необходимости послушания Рязанскому епископу. Сарайская же епархия должна была сосредоточиться на миссионерской деятельности на просторах Евразии.

Как уже отмечалось, пришлось Феогносту преодолевать разделение митрополии, последовавшее после создания Гедимином Литовским (1316-1341) митрополии в Новогрудке (примерно с 1316-1317 годов до кончины митрополита Феофила в 1330 году). Феогност по смерти Феофила отправляется в западную Русь, на Волынь. Необходимость утверждения Православия и решение вопроса назначения на кафедры остановило здесь митрополита на несколько лет. Легко понять огромное значение этого дела. По букве канонов западные русские земли, вошедшие в состав Великого княжества Литовского, имели некоторое основание на особую митрополию, ибо ее границы совпадали бы с государственными литовскими границами. Не совсем беспочвенные формальные основания были и у княжества Галицко-Волынского, ибо оно, будучи за пределами русских областей — прямых данников Золотой Орды, даже официально не относилось к юрисдикции русского (Владимирского) Великого князя. Таким образом, и Литва и Галицко-волынское княжество имели претензии на две отдельных митрополии. Однако и Литовская, и Галицкая митрополии во многом являлись антиканоническими, потому что всецело зависели от политических амбиций государственного характера. За всероссийской единой митрополией Петра, а, затем, Феогнosta было теоретическое и практическое преимущество — исторические традиции Киевской Руси, по границе охватывающие полностью районы расселения всех этнических ветвей русского

народа. Это и имел в виду митрополит Феогност, преодолевая разделение митрополии, и не упуская из вида особенностей и перспектив Русской Церкви под властью иноверных правителей. В условиях времени Церковь нравственно поддерживала в чадах своих сознание единства и братства всего русского народа, невзирая на принадлежность к различным княжествам. Единство церковно-иерархическое было залогом единства национального. Раздел единой всероссийской митрополии ослабил бы взаимное чувство единства между владимирцами, тверичанами, волынянами, полочанами... Архиереи становились в различных областях Руси вольными или невольными пособниками местных князей в их борьбе друг с другом. А это замедляло намечающийся процесс территориальной концентрации раздробленных русских земель. Церковь с ее заботой о сохранении Православия и традиций самой Руси выступала главным объединителем Русских земель, не позволяя государственному раздроблению господствовать над чувством религиозного единства.

Однако, к 1347 году, литовские князья все-таки добиваются восстановления Галицкой митрополии. По смерти Гедимина в 1341 году, его сыновья княжили в основных городах, но первостепенное значение имели Кейстут (Великий князь Литовский 1381-1382, князь Троцкий 1337-1381) и Ольгерд (Великий князь Литовский, 1345-1377). Деятельность Кейстута сосредотачивалась на западе – в Жемайтии, Тракае и Гродно. Ольгерд же, первоначально князь Кревский, в 1345 году получил Вильну. Его взоры были направлены на восток, на Русь. Ольгерд имел поддержку в Пскове, Новгороде и Смоленске. Позже, он присоединит к Литве Черниговские и Киевские земли. Хорошо известно, что именно Ольгерд заботится о православных своих подданных, что подтверждается активным строительством в Вильно православных храмов. Старейшей в Вильно была церковь Святого Николая, а при Ольгерде возводится женский монастырь, Пятницкая Святотроицкая и Пречистенские церкви. Скорее всего Ольгерду удалось убедить Константинополь в необходимости митрополита именно в Литовских землях. Константинополь же не разглядел в этом случае канонических нарушений со стороны польско-литовских князей. В руках литовских князей был старый, но действенный козырь – в случае отклонения их требования, они могут прибегнуть с аналогичной просьбой к Римскому папе. Конечно, Москва не могла безучастно смотреть на такие притязания Литвы, но препятствовать выбору Константинополя все же не могла. Последовательная позиция Константинополя без оглядки на Рим, в соответствии со всеми канонами Византийской церкви проявилась только с интронизацией на патриарший престол Исидора Вухирова (1347-1349). Патриарх Исидор примыкал к партии паламитов (сторонников Григория Паламы) и не питал добрых чувств к прозападникам. Правда,

патриарх благословит императора на неудачное выступление против флота Генуи. Именно Исидор венчает на царство Иоанна VI Кантакузина (1347-1353) после длительной борьбы за императорскую власть. Сам император пришел к власти с помощью османского эмира Орхана и вынужден был отбиваться от захватов Генуи и Венеции. От турок император откупился практически всей казной, включая и деньги, переданные московским князем Симеоном на ремонт собора Святой Софии. Правда, эти меры не спасли империю – турки заняли фракийские земли и заселили их своими соплеменниками. В 1353 году под давлением горожан и по зову сердца, император постригся в монахи с именем Иоасаф. Однако ясно то, что Иоанн VI тяготел к упорядочиванию политики Византии и отвращению ее от западных «союзников», Генуи или Венеции. Прозападная позиция литовских князей не могла способствовать укреплению авторитета Литвы у Константинополя при Иоанне VI и поэтому поддерживался законный митрополит Феогност. В это время, как знак поддержки император предоставляет митрополиту Феогносту изменение титула – вместо «митрополита Руси» он будет обозначаться «митрополитом Киевским и всея Руси».

Ольгерд, конечно, со своей провосточной политикой не мог просто отказаться от своего «литовского» митрополита, но ситуация была явно не в его пользу. Император Иоанн VI потребовал епископам Западной Руси подчиниться митрополиту Феогносту, а патриарх Исидор вызвал митрополита Феодора на суд в Константинополь. Судьба Феодора нам неизвестна, но вряд ли это могло остановить амбиции литовских князей. Здесь важно отметить, что и император Иоанн VI и патриарх Исидор были паламитами, и, скорее всего, митрополит Феогност тоже. По крайней мере до кончины митрополита Феогноста в 1353 году, Ольгерд не мог предпринимать активных попыток по возобновлению Литовской митрополии.

Из Новгорода митрополит вызывает нареченного уже в архиепископы Новгородские Василия (Калику). В то же самое время из Литвы в Псков прибыли послы от Александра Михайловича Тверского, которые просили отдельного епископа для Пскова, готов был и кандидат – иеромонах Арсений. Феогност поставил Василия во архиепископа Новгороду и Пскову, а псковичам в их просьбе отказал, так как они добивались себе отдельного епископа из стремления к церковной и гражданской независимости от Новгорода, и незадолго перед этим временем проявили непокорность великому князю Иоанну и митрополиту. Необходимо отметить, что Новгородская епархия была, пожалуй, самой трудной во всей Русской Церкви. Городское самоуправление («вече») всецело находилось в руках боярства и крупнейшего купечества. Эти группы новгородской знати крепко держали в своих руках право выдвижения

кандидатов на местную архиерейскую кафедру. Борьба с этим извне было очень трудно, если, вообще возможно. Новгородские владыки были втянуты в местную политику, доставляя митрополитам всероссийским великое множество хлопот. Зачастую позиция таких архиереев Новгорода противоречила общероссийским задачам Церкви. Митрополиту Феогносту удалось полностью подчинить новгородские местные церковные интересы задачам всей Русской Церкви. Архиепископу Василию Феогност даровал право ношения крестчатого облачения, подобного киевскому митрополиту.

Уже под конец жизни митрополита Феогноста (около 1353 года) Новгород стал источником новой интриги: Моисей, архиепископ Новгородский жаловался патриарху Константинопольскому на митрополита, прося «исправления о непотребных вещех, приходящих с насилем от митрополита». Архиепископ Моисей, главным образом, требовал себе то же самое крестчатое облачение, считая, что это награда кафедре, а не только архиепископу Василию.

Поставление единого епископа и для Новгорода, и для Пскова не отвечало интересам и Гедимины Литовского. Литовский князь во след новопоставленному архиепископу Василию, возвращавшемуся с посадниками и их дружиной в Новгород, Гедимин послал («отпустил», как написал Феогност) 500 воинов, чтобы всех схватить. Митрополит Феогност успел предупредить архиепископа Василия. Однако, под Черниговом их настиг союзник Гедимины Феодор князь Киевский с татарским баскаком. Василию пришлось откупаться. Корысть Киевского князя было наказано – на обратном пути в Киев кони княжеской дружины пали и все воины шли домой пешими. Митрополит же еще и устыдил князя: «Срам князю, который чинит неправду, обижает, творит насиле и разбой».

Правда, архиепископ пожаловался Константинопольскому Патриарху на митрополичьи «утеснения», но ни одного серьезно обоснованного доказательства привести не мог.

Во Владимире Волынском в 1330 году митрополит Феогност поставил на кафедру Феодора Тверского (последнего – после всех нестроений, восстания и разорения от Татар). В апреле 1332 г. там же во Владимире, или в Галиче он рукоположил черниговского епископа Павла. Пребывал митрополит Феогност и в Перемышле, Холме и Галиче, для восстановления былого величия древней кафедры находился и в Киеве, претерпевшем от Монголов и Литвы. Этот визит должен был подчеркнуть общерусское единство нашей церкви и не позволить исчезнуть русскому национальному сознанию.

Именно из Киева Феогност благословил Иоанну Даниловичу строительство церкви Преображения Спаса нашего Иисуса Христа и перенесение туда архимандритии от святого Даниила из Заречья, что так страстно желал Великий князь, не желая отлучаться от этой святыни.

Из Киева митрополит отправился в Константинополь, а из Византии, и в Орду. В Константинополе святитель сообщил о чудесах на могиле митрополита Петра, что предопределило разрешение патриарха Иоанна XIV Калеки (1333-1347) праздновать память русского святителя. В том же 1333 году, Феогност посетил Орду, получив утверждение прав и преимуществ, которые предоставлены были ханами Русской церкви.

По возвращении в Москву Феогност, устроил свадьбу сына Иоанна Даниловича, Симеона с дочерью великого князя Литовского Августой, которая была крещена в Москве и наречена Анастасией. Мудро содействуя установлению добрых отношений Литвы и Руси, блаженный святитель проявил себя миротворцем и между Москвою и Новгородом.

Зимой 1340 года митрополит Феогност посетил Брянск. При нем поднялась крамола против князя Глеба Святославича. Не совсем понятно, в чем брянцы «злые крамолники» его обвиняли, но напрасно святитель уговаривал возмутившихся горожан. Брянцы не послушались слов митрополита, «сошлись вечем» и умертвили князя.

В 1341 году скончался Иоанн Данилович Калита; на престоле великого княжения Владимирского и Московского воссел сын его Симеон Иоаннович (Гордый; князь Московский и Великий князь Владимирский 1341-1353; князь Новгородский 1346-1353). Он решил в Торжке собрать дань, но жители Торжка обратились в Новгород с жалобой на бояр московских, собиравших дань. Новгородцы захватили их и на время заточили. Разгневанный Великий князь Симеон пошел с войском к Торжку. Новгородцев объял страх, и они умолили бывшего в войске митрополита Феогноста печаловаться за них перед князем. Первосвятитель уговорил князя заключить с новгородцами мир и посетил Новгород, где и удерживал своими словами буйных жителей от разбоя и насилия.

В 1342 году Великий князь Симеон Иоаннович отправился в Орду к новому хану Джанибеку (третий сын Узбек-хана, хан Золотой Орды 1342-1357), его сопровождал и преосвященный Феогност митрополит. Пробыв в Орде недолго, Великий князь возвратился в Москву. Святитель же Феогност остался в Орде, так как был оклеветан перед ханом некоторыми злодеями из русских, которые говорили: «Митрополит Феогност не дает дани в Орду с освященного

чина и со всего церковного причта, а сам себе взимает с них дань бесчисленную, тебя же хана обижает, и ему следует давать тебе дань в Орду каждый год». Об этом посещении Орды митрополитом Феогностом рассказывает небольшая повесть под названием «Страдание преосвященного Феогноста митрополита о дани церковьней», содержащаяся в Степенной книге. Хан сам не занимался этим вопросом, а передал его своим доверенным людям. Митрополит претерпел от них многие мучения, но, раздав им до шестисот рублей, убедил их оставить в силе узаконения прежних ханов, основанные на «Ясе» Чингис-хана. Хан был сломлен стойкостью и мужеством митрополита и вынужден был согласиться оставить церкви право распоряжаться своими церковными средствами. Пожалуй, для Руси это имело чуть ли не решающее значение: митрополит через собственные страдания и унижения не позволил подвергнуть церковь, а, значит, и русский народ правового и имущественного унижения. Вскоре он получил ярлык от Джанибека и его жены Тайдулы и в 1343 г. возвратился на Русь. Сколько русских людей получают возможность спастись на церковных землях от нашествий и грабежей, сколько будут спасены от голода и болезней благодаря этим сохраненным средствам, подсчету не поддается.

Византийский историк Никифор Григора сообщает, что Феогност получив определения собора 1341 года, на котором восторжествовал Григорий Палама в спорах против Варлаама Калабрийского. Феогност был возмущен этим документом и энергично поддержал противников Григория. Однако, через некоторое время замечаем переписку митрополита Феогноста со сторонниками как раз Григория Паламы, благодаря которой удалось справиться в 1347 году с очередным нарушением целостности митрополии. Эта поддержка учения Григория Паламы характеризует митрополита Феогноста как одного из сильнейших богословов своего времени, ведь, в споре Варлаама с Григорием о несотворенности Фаворского Божественного света в это же самое время запутались многие ученые мужи.

Легко можно заметить, что образованность Феогноста проявилась и в избранничестве митрополитом себе в преемники будущего знаменитого митрополита Алексея. Его современники будут отмечать прекрасное образование Алексея, но его-то он получил как раз под руководством митрополита Феогноста. Нельзя недооценивать важнейшего (и с фактической стороны вполне достоверного) обстоятельства, о котором даже Е. Е. Голубинский писал: «Феогност... будучи греком... шел в данном случае (в избрании в преемники себе св. Алексия) против своих интересов греческих, ибо поставление митрополитов русских из природных русских, каков был св.

Алексий, далеко не считалось константинопольскою патриаршею кафедрой делом желательным».

В 1348—1349 годах митрополит Феогност вновь посетил Волынь. Под конец жизни митрополита Феогноста вновь в 1352 году некий монах по имени Феодорит уверял в Константинополе, что Феогност уже скончался и стал добиваться собственного поставления на его место. Патриарх Константинопольский просил его подождать до выяснения обстоятельств, но Феодорит сбежал в Тырново и был там возведен в сан русского митрополита, после чего поселился в Киеве. За этим событием последовали грамоты константинопольского патриарха и посольство от Феогноста и Великого князя Симеона Иоанновича в Константинополь с просьбой поставить после смерти Феогноста его преемником его помощника, владимирского епископа Алексея. На всероссийскую святительскую кафедру он искал, прежде всего, достойного по совокупности качеств предстоятеля, вне зависимости от национального происхождения. Поддерживая постоянную связь с Константинопольской Церковью, он мог знать примерный круг кандидатов на высшие святительские посты и сопоставить их с русскими церковными деятелями. Зная лично, св. Алексия (когда тот был еще молодым монахом), св. Феогност стал не менее чем за 14—15 лет до своей кончины готовить его к высокому служению, проводя его по всем ступеням и видам церковнослужительской административной и святительской деятельности.

Особым вниманием митрополита Феогноста была обращено на заботу о самом русском духовенстве и народе. Митрополит посылал в епархии своих доверенных лиц, которые в самых необходимых случаях понижали размеры отдельных обложений и сборов. Возможно, именно на этом основаны возмущения некоторых, в том числе Новгородского, архиереев, которые видели в этом превышение власти митрополита. Отсюда и жалобы на митрополита Феогноста в Константинополь. Понятно, однако, что митрополит заботился в первую очередь о православном русском народе и духовенстве на приходах в разоренное время нашествий, смут, грабежей и беззакония. Не следует забывать о том, что многочисленные поездки митрополита Феогноста, его предшественников и преемников, по Руси были необходимы и для митрополичьего суда на местах, не столько наказывающего, сколько утверждающего в страшное время правил жизни в соответствии с православными канонами. Милость к человеку, «праведный суд», забота и утешение в горе и были основными мотивами архипастырских посещений епархий митрополитом и, конечно, направление в различные города доверенных

лиц. Реакция патриарха в Константинополе была соответствующей – жалобщики должны, в первую очередь, вспомнить о церковной дисциплине.

Продолжением заботы митрополита Феогноста являлась его борьба, пожалуй с самым страшным грехом внутри церкви Христовой в период Татаро-монгол – симонией. Видимо, взятки, несправедливые поборы внедрились в церковную среду, что явно сильно било по самому православному сознанию. Одной из важных причин того, что церковь отстояла и веру, и русское сознание, было то, что церковь непримиримо боролась с таким явлением, как симония. Только отстаивание истинной православной жизни могло спасти Русь от уничтожения, не столько теперь уже извне, сколько изнутри. Сохранилось «Поучение Феогноста, митрополита всея Руси, душеполезное и спасенное, к духовным чадам, нашим правоверным крестьяном, от божественных писаний о смиренолюбьи, яко не подобает играти и смеятися бещинно крестьяном, и яко же недостойни приходить к божественным тайнам — в муку себе не в терпеливую въвергуть, и как подобает чтити честнаго и животворящаго креста» (нач.: «Взлюблени, многожды помянух вашей любви...»). Комментируя евангельские слова о блаженствах, автор призывает к благочестию, смирению, учит «не иметь ни на кого вражды, ни зависти, ни всяких скверных страстей».

В 1353 году в Москве и ее приделах случилась страшная эпидемия чумы. Во время этой напасти, возможно, и от этой болезни, митрополит Феогност и 11 марта скончался. Погребен он был пристроенном им же к Успенскому собору приделе в честь апостола Петра.

В 1475 г. гроб митр. Ф. был вынесен из Успенского собора, на время перестройки последнего, в церковь св. Иоанна под колоколами и возвращен на прежнее место 27 августа 1479 г. По сообщению летописи, в 1474 г. при гробе Ф. получил исцеление некий человек; "и сказаша митрополиту Геронтию и великому князю, они же неверием одержими беша, не повелеша звонити и всему городу славити его, но последи новую церковь сотвориша Богородицкую и заделаша мощи его, в землю покопавши, и покрова на гробнице каменной не положиша, и ныне в небрежении гроб его". Хотя в некоторых прологах XVII в. и встречаются под 27 августа записи о перенесении мощей "иже во святых отца нашего Феогноста, митрополита киевского", но несомненно, что ни в XVI, ни в XVII столетиях митр. Ф. еще не было установлено празднования в Успенском соборе. Установление этого празднования относится к XIX столетию.